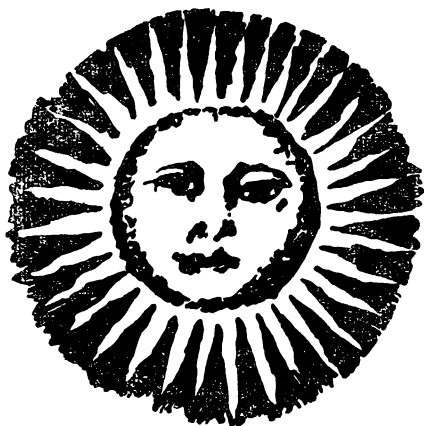

суреш ваїдья
острова,
залитые солнцем

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

суреш вайгья

**острова,
залитые
солнцем**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Главная редакция восточной литературы

Москва 1968

Suresh Vaidya
ISLANDS OF THE MARIGOLD SUN
London, 1960

Сокращенный перевод с английского
А. М. ВЯЗЬМИНОЙ

Ответственный редактор
Г. Г. КОТОВСКИЙ

Вайдья С.

- В14** Острова, залитые солнцем. Пер. с англ. (Серия «Путешествия по странам Востока»). Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука». 158 с.

Книга известного индийского писателя и журналиста Суреша Вайдья рассказывает о путешествии автора на некогда окутанные тайной Андаманские и Никобарские острова. В живой и увлекательной форме автор повествует о жизни и обычаях местного населения, об охоте на черепахи и крокодилов, о редких животных и растениях.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Андаманские и Никобарские острова — наименее знакомый широкому читателю район Южной Азии *. Как справедливо отмечает автор книги, даже в самой Индии, в состав которой входят Андаманы и Никобары, мало что известно неспециалистам об этом архипелаге в Индийском океане. Это объясняется как местоположением островов, их относительной изолированностью от материковых районов Южной Азии, так и тем, что до недавнего времени английская колониальная администрация ограничивала доступ на Андаманы и Никобары путешественникам и исследователям.

Вся литература об Андаманских и Никобарских островах, учтенная в известном библиографическом справочнике по Южной Азии, составленном Э. фон Фюрер-Хаймендорф, насчитывает сто названий**. В основном — это статьи и заметки по этнографии, антропологии и лингвистике, опубликованные в специализированных периодических изданиях, официальные отчеты, разделы в географических справочниках, энциклопедиях, материалах индийских переписей населения 1901—1961 годов и т. п., — словом, литература, практически недоступная читающей публике. К тому же общие географические описания островов были изданы еще в XIX — начале XX в., а наиболее полное монографическое исследование по этнографии коренного населения Андаман, при-

* Из советских работ, посвященных этому району Азии, следует отметить статью Б. Я. Волчок, *Онге Андаманских островов*, — «Советская этнография», 1965, № 3.

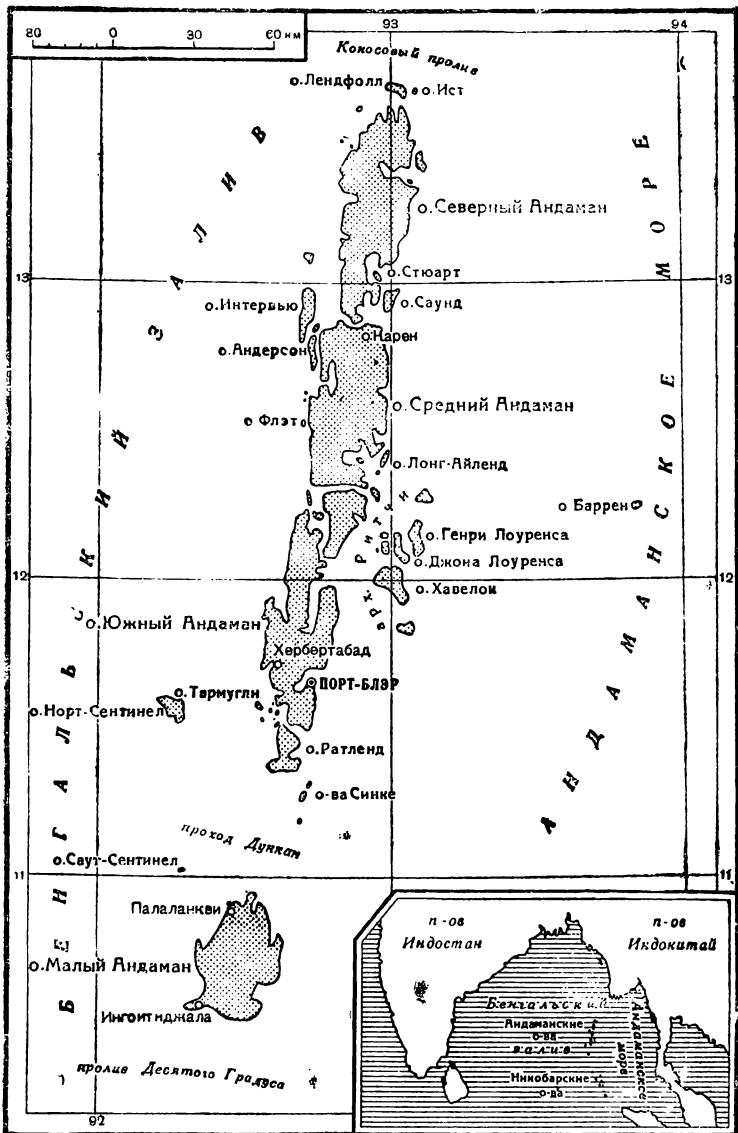
** См. E. von Furer-Haimendorf, *An Anthropological Bibliography of South Asia*, 2 vols., Paris, 1958—1964.

надлежащее перу известного английского этнографа и антрополога Радклифф-Брауна, вышло в начале 20-х годов*. Поэтому до недавнего времени основным источником доступной информации о современном положении на Андаманах и Никобарах служили краткие справочники, выпущенные индийской администрацией. Следовательно, предлагаемая вниманию читателя книга индийского журналиста, путешественника и охотника Суреша Вайдьи заполняет серьезный пробел в популярной географической литературе.

Андаманы, состоящие из четырех больших и двухсот мелких островов и островков, и Никобары, образованные девятнадцатью островами и островками, представляют как бы один большой архипелаг, вытянувшийся в меридиональном направлении и отделяющий Бенгальский залив от Андаманского моря. Острова — вершины одного из подводных хребтов Индийского океана.

Этнический состав населения обеих островных групп свидетельствует о том, что они были заселены выходцами с юга Юго-Восточной Азии еще в глубокой древности. На Западе упоминания об Андаманских островах встречаются в сочинениях ранних арабских географов (IX—X вв.), а также у итальянцев Марко Поло (XII в.) и Никколо Конти (XV в.). Само название островов европейские географы и путешественники заимствовали у Марко Поло («Онгаман») и у арабских географов, в сочинениях которых архипелаг носил название «Ангаманайн». Некоторые исследователи считают последний термин искаженным малайским «Хандуман» — от Хануман, имени обожествленной обезьяны индуистского пантеона. Происхождение названия другого архипелага — Никобары, сведения о которых имеются еще у Птолемея, не установлено. В Юго-Восточной Азии известно и иное

* J. Crawford, *Descriptive Dictionary of the Indian Islands and Adjacent Countries*, London, 1856; F. I. Mouat, *Adventures and Researches among the Andaman Islanders*, London, 1863; M. V. Portman, *History of Our Relations with the Andamanese*, 2 vols, Calcutta, 1879; M. V. Portman and W. Molesworth, *The Andaman Islanders*, 15 vols, Calcutta, 1893—1894; *The Andaman and Nicobar Islands Local Gazetteer*, Calcutta, 1908; C. B. Kloss, *In the Andamans and Nicobars*, London, 1903; A. R. Radcliffe-Brown, *The Andaman Islands. A Study in Social Anthropology*, Cambridge, 1922; G. Whitehead, *In the Nicobar Islands*, London, 1924.

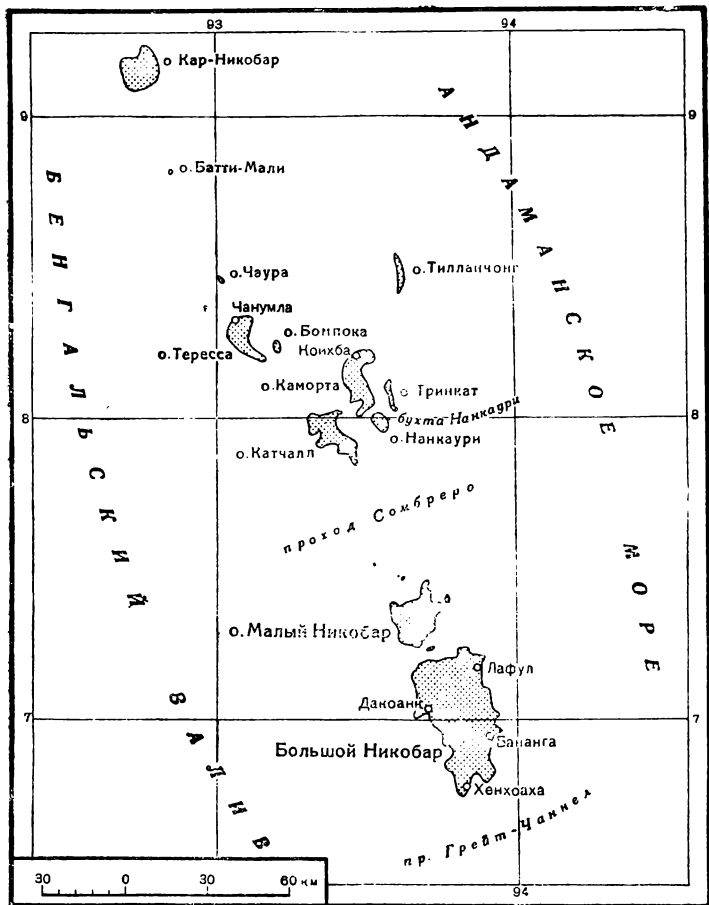
название Никобарских островов — «Санбалаи», то есть «Девять островов».

Известия об этих островных группах проникли в Европу еще в средневековье. Тем не менее они были открыты европейцами (пиратами, а также обосновавшимися на Никобарских островах миссионерами) лишь в XVII в.

Первыми были захвачены Никобарские острова. В 1757 году они были присоединены к владениям голландской Ост-Индской компании. Однако голландцы сохраняли прочный контроль лишь до 1768 г. В последующий период острова превратились в один из важнейших опорных пунктов пиратов, как малайских, так и английских, действовавших в Индийском океане и морях, омывающих Юго-Восточную Азию. До середины XIX в. голландцы предпринимали несколько попыток, наталкивавшихся на сопротивление англичан, восстановить свой суверенитет над Никобарскими островами. Наконец в 1869 году Англия официально заявила, что берет острова под свое покровительство в борьбе против пиратов, а в 1872 году Никобары были окончательно присоединены к английским владениям в Индии.

Андаманские острова обследовала в 1789—1790 годах экспедиция А. Блэра, и они стали частью владений английской Ост-Индской компании. В 1791—1796 годах здесь существовало небольшое английское поселение, которое было затем заброшено вплоть до середины XIX в. В 30-е и 40-е годы XIX в. острова посетили две экспедиции, но только после Индийского пародного восстания 1857—1859 годов английские колониальные власти приняли решение начать «освоение» островов, превратив их в место каторги и ссылки участников национально-освободительного движения (впервые тюрьма на Андаманских островах была создана еще в 1789 году). В 1858 году здесь была основана ссыльно-каторжная тюрьма для политических и уголовных преступников. Сотни и тысячи активных борцов за освобождение Индии от колониального гнета погибли на андаманской каторге. В истории Андаман 1872 год отмечен самоотверженным поступком одного каторжника, по происхождению патана из Северо-Западной Пограничной провинции, который ударом ножа убил вице-короля Мэйо (1869—1872) во время его посещения каторжной тюрьмы.

Вскоре после первой мировой войны тюремный ре-

жим был изменен и с 1926 года остров Южный Андаман, где в городе Порт-Блэре была расположена каторжная тюрьма, превратился в место поселения для ссыльных, приговоренных к пожизненному заключению.

С этого времени усилилась колонизация островов ссыльными поселенцами, которым было разрешено вступать в браки с женщинами-каторжанками, а также выписывать жен из полуостровной Индии. (Характерно, что в 1901 году на Андаманах насчитывалось 15158 муж-

чин и 2980 женщин, а в 1941 году — соответственно 14872 и 6444).

Колонизация островов была отмечена также открытием в 1868 году метеостанции, а в 1883 — созданием лесничества.

В 1941 году на Андаманах было всего 6165 ссыльно-каторжан, в том числе 1207 поселенцев.

Расширение «контактов» ссыльных поселенцев с местным населением привело к быстрому сокращению численности аборигенов, которые оказались оттесненными в наименее удобные для жизни части острова, истреблялись колонистами, умирали из-за распространившихся среди андаманцев венерических заболеваний. Если в 1921 году еще сохранялось 786 андаманцев, то в 1931 году их насчитывалось 460, а в 1961 году всего 23 человека.

В марте 1941 года острова были захвачены японцами, которые удерживали их до конца второй мировой войны. В период японской оккупации каторжная тюрьма была ликвидирована, а ее узники смешались с жившими на острове ссыльными поселенцами. В ходе военных действий, а также вследствие репрессий японских властей, о которых нам рассказывает автор предлагаемой читателю книги, население Андаманских островов сократилось с 21 тысячи до 16 тысяч человек.

После окончания второй мировой войны и прекращения в октябре 1945 года японской оккупации Андаманские острова вместе с соседними Никобарскими вошли в 1947 году в состав независимой Индии как одна из восьми территорий центрального подчинения. Они управляются верховным комиссаром, который подотчетен центральной исполнительной власти, представленной специальным отделом Министерства внутренних дел Индии. (От Андаманских и Никобарских островов избирается один депутат в Народную палату индийского парламента.)

В судьбе Андаманских островов произошли серьезные изменения: каторга, так и не восстановленная английской администрацией в 1945—1947 годах, была официально закрыта. Однако ссыльная тюрьма продолжает функционировать и поныне. Это обстоятельство, а также «дурная слава» Андаманских островов, получивших в народе название «Черные воды», объясняет, почему индийская администрация в Дели, как это следует из книги

С. Вайдья, видимо, не стимулирует поездки туристов в этот далекий уголок Республики.

К тому же обстановка на Андаманах осложнена нерешенностью социально-политической проблемы, доставшейся индийской администрации от периода английского колониального господства,— проблемы аборигенного населения.

Андаманцы образуют группу племен, обычно разделяемых этнографами на две ветви — северную (или собственно андаманцы) и южную (племена онghi или онге, джарвы или джарава). Племена до сих пор стоят на низших ступенях родо-племенного общества, занимаются рыбной ловлей, охотой и собирательством. Основной социальный организм у андаманцев — большой род, межродовые племенные связи выражены весьма слабо. Не все племена даже имеют своих вождей.

Антропологически андаманцы относятся к группе пигмеев, большой экваториальной (негро-австралоидной) расе, а этнически образуют особую группу. Племенные диалекты изучены крайне слабо, что в значительной мере объясняется почти полным отсутствием связей андаманцев с внешним миром.

С. Вайдья весьма осторожно затрагивает «больную проблему Андаман» — проблему взаимоотношений коренного племенного населения и индийских и бирманских поселенцев на островах, но она все время всплывает на страницах его книги.

Суреш Вайдья с большим тактом раскрывает перед нами те трудности, с которыми приходится сталкиваться правительству Индии при решении проблемы племен на Андаманах и Никобарах. Он глубоко прав, полагая, что «приобщение к цивилизации» таких племен, как онghi, должно проводиться весьма осторожно.

Колонизация островов индийцами и бирманцами, бывшими каторжниками, ссыльными поселенцами и полицейскими чиновниками, вытеснившими андаманцев из лучших, наиболее пригодных для жизни районов в болотистые джунгли, вызвала враждебность племени джарвов к поселенцам, о которой рассказывали Вайдье его спутники по путешествию — местные чиновники, полицейские и поселенцы.

Джарвы на Южном Андамане фактически загнаны в резервацию, окруженную полицейскими постами. Это

вряд ли способствует установлению мира между коренным и пришлым населением острова. Тем более что в период независимости колонизация Андаманских островов значительно расширилась. Еще в 1948 году на острове расселили первые 138 семей беженцев из Восточного Пакистана, а с 1952 года колонизация островов была объявлена официальной политикой. С 1951 по 1961 год население островов удвоилось. Если за указанное десятилетие численность коренного населения увеличилась лишь на 9,3% (за счет никобарцев), то пришлого (индийцев, бирманцев и др.) — на 105,2%.

В 1961 году все племена на Андаманских островах насчитывали немногим более 600 человек (в 1901 году было более 2000).

Коренное население Никобарских островов, численность которого составляла в 1961 году 14 тысяч человек, антропологически и этнически относится к мон-кхмерской группе народностей Индо-Китая. Экономическая и социальная организация у никобарцев так же, как и общий уровень культуры, значительно выше, чем у аборигенов Андаманских островов. Исключение составляет небольшое племя шомпенгов, живущее в лесах внутренней части острова Большой Никобар (в 1961 году — около ста человек).

Основу социальной организации никобарцев составляет сельская община с сохранившимися родовыми связями.

В отличие от племен Андаманских островов у никобарцев наблюдается определенное имущественное неравенство и начальная классовая дифференциация.

Главное занятие никобарцев — свиноводство, земледелие (в основном выращивание кокосовой пальмы), а также некоторые виды ремесел, в частности гончарное производство на островке Чаура.

Политика колониальной администрации в отношении населения Никобарских островов была несколько иной, чем на Андаманах. Еще в годы первой мировой войны была резко ограничена деятельность на Никобарах китайских и малайских торговцев—скупщиков кокосовых орехов, которые путем ростовщических операций сумели закабалить коренное население островов. Скупка орехов была объявлена государственной монополией. В годы независимости была сделана довольно удачная попытка

охватить никобарцев — производителей кокосов сетью сбытовых кооперативов.

Среди никобарцев до настоящего времени весьма сильно влияние миссионеров, которые зачастую играют важную роль в делах местной политики. В 1961 году 28,3% всего населения Андаманских и Никобарских островов принадлежали к христианской общине.

Иммигранты на Андаманских островах в основном заняты в сельском хозяйстве и на лесоразработках. В Порт-Блэре построен один из крупнейших в Азии лесопильных заводов.

Следует, правда, отметить, что С. Вайдья рисует несколько идиллическую картину жизни фермеров — поселенцев на Андаманах. Даду Лал, хозяйство которого он посетил, за услуги, оказанные колониальной администрацией, был поставлен в привилегированное положение. Расчистка джунглей и освоение новых земель в условиях муссонного климата (дожди продолжаются почти восемь месяцев) требуют немалых усилий.

Мы надеемся, что читатель с интересом войдет в новый для него мир «Островов, залитых солнцем», в которые постепенно превращаются «Черные воды» — Андаманы. В этом — главная идея книги.

Действительно, за годы независимости, были приняты определенные усилия по улучшению системы здравоохранения и начального образования на островах, ликвидированы малярийные очаги, ведутся лесоразработки, стимулируются различные ремесла, земледелие и скотоводство.

Местные планы развития финансируются из центрального бюджета. Специальные ассигнования предусмотрены на улучшение положения племенного населения: 100 тысяч рупий во второй пятилетке (1955/56—1960/61) и 650 тысяч — в третьей (1961/62—1965/66).

В своей книге С. Вайдья, посетивший острова в конце 50-х годов, старался правдиво показать старое и новое, достижения и трудности островитян. И нам кажется, что ему это в основном удалось. Превосходны также описания природы этого уголка тропиков. Удача автора во многом объясняется тем, что Суреш Вайдья — опытный журналист.

Маратх по происхождению, он родился в городе Бомбее в 1910 году и в течение многих лет был одним из ве-

дущих корреспондентов ряда крупных индийских и европейских газет. С. Вайдья — автор нескольких книг, одна из которых «Впереди джунгли» уже переведена на русский язык и вышла в свет в 1967 году.

Надеемся, что новая встреча советского читателя с Сурешем Вайдьей доставит большое удовольствие советскому читателю.

Г. Г. Котовский

Глава I

Восход солнца

В ту ночь — последнюю на теплоходе «Андаманы» — уснуть было трудно. Наше пятидневное плавание по Бенгальскому заливу, начавшееся солнечным мартовским утром в Мадрасе, оказалось скучным и однообразным: почти все время море было беспокойным, а небо серым. Страстное желание пассажиров вновь очутиться на твердой земле казалось вполне оправданным. Но до нашего места назначения — Порт-Блэра, главного города Андаманских и Никобарских островов, называемых также островами Залива *, оставалось еще добрых четыре часа хода.

Большинство пассажиров — правительственные чиновники, бизнесмены, торговцы и даже два патера — ехали на Андаманы уже не в первый раз.

«Хари Рама!» ** — воскликнул коренастый мужчина, облокотившись на поручни. В белых дхоти и белой индийской рубашке он казался призраком, появившимся в предрассветных сумерках. Я узнал его — это был Говиндараюлу, бизнесмен из Порт-Блэра.

Мы достигли уже двенадцатого градуса широты, но дул сильный холодный ветер, и наш теплоход водоизмещением в пять тысяч тонн сильно качало.

— Должно быть, невеселая жизнь на Андаманах, — как бы между прочим заметил я. — Мне говорили, что это малонаселенное место.

— Так оно и было, когда там находилась колония каторжников, — ответил мой знакомый. — В то время

* Андаманские и Никобарские острова расположены в Бенгальском заливе. — (Здесь и далее прим. ред.).

** Непереводимое выражение, аналогичное русскому «господи, боже мой!».

каждый житель был либо заключенным, либо тюремщиком, либо служащим администрации. После второй мировой войны колонию каторжников ликвидировали, и теперь всячески поощряется иммиграция. За последние восемь лет прибыло около десяти тысяч человек. Но это лишь капля в море. Территория огромная, на ней может поселиться и миллион.

— Почему все-таки люди едут туда? Я слышал, там ужасный климат и очень плохая вода.

Я спросил об этом потому, что даже в наше время в Индии Андаманы называют «Калапани» — («Черная вода»).

— Люди предубеждены, — заметил Говиндараялу. Затем, повернувшись ко мне, добавил: — Теплоход, на котором мы путешествуем, хорош, не так ли? А портовые грузчики в Мадрасе считают его «Кайди каппл» — кораблем каторжников. А почему? Все потому, что он ходит на Андаманы, о которых идет дурная слава.

В половине пятого занялась заря, и небо на востоке слегка заалело. Узкая полоска облаков, тянувшаяся вдоль горизонта, скрывала неяркое солнце. Оно медленно поднималось над облаками и вскоре стало похожим на венчик из цветов. На какое-то мгновение над водой застыл неподвижный красновато-оранжевый шар, и вдруг по морю рассыпались золотые лучезарные полосы.

Море все еще волновалось, но в эти предрассветные часы оно уже не казалось страшным, а выглядело даже веселым; летающие рыбы выпрыгивали из воды и проносились по воздуху пятьдесят, а то и сто ярдов, поднимались на четыре-пять футов над поверхностью моря, сновали в разных направлениях и, падая, без всплеска исчезали в глубине.

На палубе возле поручней толпились пассажиры. Внезапно на западе показалась широкая темная полоса, постепенно превращавшаяся в лесистый холм. По склонам его были разбросаны дома и сады. Теплоход обогнул пустынный, заросший травой остров Росс и вошел в длинную глубокую бухту, окруженную, как бастионами, с трех сторон холмами, поросшими густым лесом.

Вокруг нас сновали баржи и моторные лодки. Развернувшись, теплоход стал подходить к Чатаму, морской пристани Порт-Блэра. В восемь часов мы пришвартовались к деревянной пристани, и трап был спущен.

В Порт-Блэре нет ни гостиниц, ни пансионатов. Поэтому я заранее написал верховному комиссару и просил его подыскать мне какое-либо жилье. Теперь я высматривал в толпе того, кто должен был меня встретить.

Мой взгляд остановился на высоком молодом человеке с усами Кларка Гейбла*, который пробирался сквозь толпу.

— Вы мистер Вайдья? — спросил он, внимательно разглядывая меня.

Я назвал себя.

— Тогда все в порядке, — сказал молодой человек, — а я — Кхан из верховного комиссариата. Мы забронировали для вас комнату в Государственной гостинице.

Он бросил любопытный взгляд на ружья, висевшие у меня за плечами:

— А... Вы любите охоту. В таком случае вам понравятся Андаманы. Кстати, — сказал он, что-то припоминая, — слышали ли вы о мистере Шринивасане, нашем главном лесничем? Он интересовался вами.

Я объяснил, что Шринивасан — коллега моего друга Стрэси. Оба они — чиновники управления по охране лесов. Стрэси писал Шринивасану и просил оказать мне помощь во время пребывания на Андаманах.

— Вот и хорошо, — произнес мистер Кхан и, указывая на серый пикап, добавил: — Этот автомобиль отвезет вас в гостиницу. Багаж уже там.

Пикап — старая военная колымага — протарахтел по деревянному настилу и помчал нас с головокружительной скоростью вверх и вниз по многочисленным холмам. Дорогу окаймляли пламенеющие лесные деревья, среди которых виднелись хорошенькие деревянные бунгало. В садах цвели кассии, лагерстремии, олеандры, нареамусы, аламандры, а пышно-зеленые живые изгороди украшали кроваво-красные спангелии.

Гостиница прилепилась у подножия холма, заросшего бамбуком, противоположный склон которого спускался к бухте. Должен сказать, что я был очарован открывшимся с веранды видом: повсюду холмы и долины, впереди — огромное, переливающееся, как перламутр, море, а надо всем этим — сапфировое небо.

Я наскоро умылся, переоделся и отправился к Шринивасану, до бунгало которого было рукой подать. Од-

* Кларк Гейбл — известный американский киноартист.

нако дойти оказалось не так-то просто: дом был расположен на самом высоком холме города. Впрочем, это путешествие я проделал не без удовольствия. По обе стороны дороги росли цветущие бугенвиллии, жасмин, кораллы, одуванчики и барвинок.

Бунгало было построено из деревянных досок и возвышалось на сваях; открытое помещение под домом служило гаражом.

Шринивасан оказался крупным добродушно-грубоватым человеком.

— А! Вот и вы,— сказал он, принимая меня в своей гостиной, отделанной птерокарпусом. — Давайте завтракать. Сколько времени вы предполагаете пробыть здесь?

— Три или четыре месяца.

— Это хорошо. Прежде всего переселяйтесь ко мне. Будете моим гостем.

На следующий день я переехал к Шринивасану и не пожалел об этом, так как получил возможность наслаждаться его обществом и домашним уютом. Семья главного лесничего надолго уехала в Мадрас, и просторное бунгало осталось в нашем полном распоряжении. Меня поселили в передней комнате, откуда открывался великолепный вид на город.

Порт-Блэр имеет форму прямоугольника. Почти со всех сторон он окружен водой. С востока его омывает Андаманское море; у острова Росс море образует длинную прямую бухту, которая за Чатамом вытянута к югу, а чуть подальше — к востоку, море подходит к самому Джангли Гхату, расположенному у подножия нашего холма.

Из окон моей комнаты — а их было пять — видны районы Порт-Блэра: Абердин-Базар, Феникс-Бей, Делейнепур, Хаддо, Джангли Гхат, Полис-Лайнс и другие, соединенные между собой хорошими мощеными дорогами. С наступлением темноты, когда зажигаются огни, город становится похожим на поле, усеянное светлячками.

Утром Шринивасан собрался идти в контору.

— Очень сожалею, что вынужден оставить вас одного, — извинился он, — но мой слуга позаботится о вас. Просите его о чем хотите. Нур Мохаммед! — позвал он.

Маленький человек с седыми волосами мышиного цвета и морщинистым лицом вошел, скромно стал в углу и прошептал:

— Да, сэр.

— Нур Мохаммед, сделай так, чтобы сахиб остался всем доволен.

— Хорошо, сэр, — сказал слуга и удалился.

На первый взгляд Нур Мохаммед не производил какого-то особого впечатления, но впоследствии я убедился, что он очень расторопен. На следующее утро, едва я открыл глаза, слуга на цыпочках принес мне в комнату чай, поставил поднос на стол и прошептал:

— Доброе утро, сэр.

Затем он свернул москитную сетку, привел в порядок письменный стол и собрал в мешок грязное белье, чтобы отдать в стирку.

С холма доносились крики куропатов. Я внимательно прислушался.

— Нур Мохаммед, давайте пойдем как-нибудь поохотиться на куропатов, — предложил я.

Слуга отрицательно покачал головой.

— Нет, сэр, — тихо сказал он. — На этих островах охота на куропатов запрещена. Их охраняют.

— Почему? Ведь куропатов полно кругом.

— Здешние люди очень безрассудны, сэр. Дайте им разрешение — и они перестреляют всех птиц.

Нур Мохаммед всегда был очень мягким и кротким. Я никогда не слышал, чтобы он с шумом захлопнул дверь или окно. Он даже не кричал на коров и коз, которые часто вторгались в наш сад и объедали клумбы, а просто прогонял их. С людьми Нур Мохаммед был всегда сдержан. Однажды грузовик, доставлявший воду и дважды в неделю пополнявший наши запасы, чуть было не сшиб его. Но и тогда Нур Мохаммед счел нужным лишь предостеречь шофера:

— Что ты делаешь, парень? Чуть не убил меня. Может, тебе хочется попасть в тюрьму за убийство?

Самое же главное — Нур Мохаммед был исключительно честен. Каждое утро, собирая в мешок мое грязное белье, он просматривал все карманы и, находя мелочь, тут же отдавал ее мне. Если меня в это время не было в комнате, он клал деньги на стол. Дважды я забывал бумажник под подушкой, и оба раза он возвращал его, не взяв ни пенни.

— У вас прекрасный слуга, — сказал я как-то Шринивасану. — Он так честен.

— Ему цены нет, — признал Шринивасан. — Я доверяю Нур Мохаммеду все ключи от дома.

Потом, как бы желая убедиться, что его никто не услышит, он, оглянувшись, добавил:

— Знаете ли вы, что Нур Мохаммед был приговорен к пожизненному заключению и отбывал свой срок на этих островах?

Я был потрясен. Мне все время казалось, что Нур Мохаммед — старый слуга, которого главный лесничий привез с материка. Я не мог поверить, что он бывший убийца. Что могло заставить его совершить самое тяжчайшее преступление?

Однажды я решился спросить его об этом.

— Нур Мохаммед, вы действительно кого-то убили?

Он в это время протирал оконные стекла. Прекратив работу, Нур Мохаммед медленно ответил:

— Зачем ворошить прошлое? Не лучше ли забыть о нем, сэр?

Мне стало стыдно. Кто дал мне право вторгаться в его прошлое?

— Вы ведь знаете, как часто происходят ошибки. Я бы не удивился, если бы именно это произошло и с вами, — сказал я, пытаюсь оправдаться.

— Нет, со мной так не случилось, — ответил Нур Мохаммед. — Вышла ссора с соседом из-за земельного надела. Началась драка, и я убил человека.

Я спросил, когда его освободили.

— Незадолго до войны.

— Тогда почему вы не вернулись домой?

— Я был там, сэр, но мне не понравилось дома. Через несколько дней после моего возвращения в нашем районе кто-то совершил убийство. Полиция тотчас схватила меня, как бывшего каторжника. Меня отпустили только после многочасового допроса. Тогда я твердо решил при первой же возможности вернуться обратно на Андаманы. После войны приехал сюда.

Он кончил протирать стекла и взглянул мне прямо в глаза:

— Видите ли, сэр, здесь не презирают человека за то, что он когда-то был осужден. Он без всяких осложнений может получить работу, его детей не станут дразнить, а соседи не будут избегать. К нему отнесутся так же, как ко всякому другому.

Глава II

Заброшенный уголок земли

Любая колония каторжников всегда окружена тайной, а если она к тому же находится на далеком уединенном острове, эта тайна становится еще более притягательной. Я слышался об Андаманах — главным образом о тамошних ужасах и пытках — с детства. Помню, как однажды отец рассказывал про знакомого, сосланного на Андаманы за убийство. Этот человек стал жертвой случая, и отец сочувствовал ему.

— Ничего, вернется лет через двадцать, — сказал мой дедушка, живший в то время у нас.

— Кто знает! — скептически заметил отец. — Если он выдержит тюремный режим, а это сплошная пытка, то его доконает климат. Говорят, климат там ужасный, да и вообще Андаманы — рассадник болезней. — Он говорил об островах так, что создавалось впечатление, будто там сущий ад.

Обыватель, как правило, ничего не знает об Андаманской и Никобарской группе островов. За исключением устаревшего двухтомного издания, рассчитанного только на специалистов, об Андаманах, так же как и о лежащих южнее этого архипелага Никобарах, не было никакой литературы. Я даже не видел ни одной заметки в газете. Полное неведение царило вплоть до второй мировой войны. И только когда Япония оккупировала острова и лидер радикалов Субаш Бос * образовал здесь вре-

* Речь идет об одном из лидеров левого крыла партии Национальный конгресс Индии Субхаш Чандре Босе (1897—1946), который в 1941 году через Германию пробрался в Японию и на оккупированной японцами территории Бирмы образовал временное Национальное индийское правительство и отряды Национально-освободительной армии. Он сформировал их из числа индийцев-солдат

менное правительство, сообщение об Андаманах промелькнуло на страницах печати. Однако после разгрома Японии архипелаг был вновь предан забвению.

Мне всегда хотелось посетить острова Залива. Но только после 1957 года я начал всерьез задумываться над этим. За последние годы стали появляться сообщения о том, что острова теперь открыты для переселенцев и что добраться туда стало легче. Это еще больше подогревало мое желание. Однако когда я стал наводить справки об архипелаге, то убедился, что повсюду, как и прежде, царит полное неведение.

Первое, что я попытался сделать, — разыскать людей, побывавших на Андаманах, но таковых не оказалось. Один мой знакомый репортер посоветовал мне повидать преподобного Ричардсона — никобарца, представляющего острова Залива в индийском парламенте. Я попытался было разыскать его, но, увы, напрасно. Он не присутствовал ни на одной сессии, так как с острова ми не было регулярного пароходного сообщения.

Изыскивая возможности проезда на Андаманы, я обратился к известному агенту бюро путешествий в Нью-Дели, где можно приобрести билеты на поезд, пароход или самолет «в любую точку земного шара». Но, когда я поинтересовался расписанием движения и стоимостью проезда до Андаман, агент был явно озадачен.

— О каком месте вы говорите? — несколько раз переспросил он.

Поскольку мои объяснения не удовлетворили его, он пошел к своему начальнику. Последний вышел из кабинета, положил руки на конторку и откровенно признался:

— Мы просмотрели все железнодорожные, пароходные и авиационные справочники, но нигде нет даже упоминания об Андаманах.

— Может быть, что-нибудь есть о Порт-Блэре?

Оба скрылись в кабинете и через несколько минут появились вновь, такие же растерянные.

и офицеров колониальной армии, плененных японцами. После окончания второй мировой войны С. Ч. Бос погиб во время авиационной катастрофы. Судебные процессы над офицерами Национально-освободительной армии 1946 году вызвали волну протестов в Индии и послужили толчком к развертыванию массовых выступлений против колониального режима. В Индии С. Ч. Боса чтят как национального героя и ему посмертно присвоен почетный титул «вождя» (Нетаджи).

— Нет, — сообщил начальник, — о Порт-Блэре тоже ничего не сказано.

Мы зашли в тупик. Начальник предложил мне на всякий случай оставить фамилию и адрес:

— Может быть, в наших отделениях в Бомбее или Калькутте знают что-либо. Тогда я сразу же напишу вам.

Однако он так ничего и не написал, и я убедился в невозможности узнать что-либо об островах Залива. Жизнь шла обычным чередом. Но вот как-то вечером моя жена, служащая отеля в Нью-Дели, сообщила мне удивительную новость:

— Несколько человек с Андаман остановились у нас в отеле. Хочешь с ними встретиться?

Я решил, что она разыгрывает меня и попытался ответить ей тем же:

— Они, вероятно, приехали только ради меня?

— Да нет, они прибыли на празднование Дня Республики в качестве гостей премьер-министра.

— Как они выглядят?

— Один из них похож на африканца, другие — вроде китайцев.

— А на каком языке они говорят?

— Не знаю, я с ними не разговаривала. Но они с Андаман. Зайди в отель и убедишься сам.

Тогда я понял, что она не шутит.

На следующее утро я встретился с этими людьми. Мужчина негроидного типа оказался вождем племени с Андаман. Трое других, похожие на китайцев, — с Никобарских островов. В составе делегации была одна женщина — рани Лакшми из Нанкаури. К счастью, она свободно говорила на хинди, остальные же объяснялись с трудом. Но, увы, наш разговор не клеился: я просто не знал, о чем спрашивать.

— Как выглядят ваши острова? — поинтересовался я.

— Они прекрасны, — ответила женщина.

На ней был саронг* и платок. Мужчины чувствовали себя явно неловко в шерстяных костюмах.

— Где ваш дом? — спросил я андаманца.

— Мой дом? В джунглях. На дереве.

— Что вы едите?

— Свинину и фрукты. В джунглях растет все. А че-

* Саронг — вид юбки, которую носят как мужчины, так и женщины во многих районах Юго-Восточной Азии.

репахи растут в море. Мы едим черепах, — ответил мужчина.

— Мы, никобарцы, едим кокосовые орехи и рыбу, еще свинину и цыплят, — вмешалась в разговор женщина.

Судя по тому, как наши гости дрожали от холода, им, видимо, не очень нравился Дели — по крайней мере зимой. И все же, скорее для проформы, я спросил:

— Как вам нравится Дели?

— Ничего, — вежливо ответили они. — Но мы не привыкли к такому климату.

Вскоре мои вопросы иссякли, и я как бы вскользь заметил:

— Должно быть на ваших островах всегда тепло и солнечно.

— О, изумительно! — воскликнули они.

— Почему бы вам не приехать к нам? — спросила рани.

Индийский чиновник из Порт-Блэра, сопровождавший делегацию, ждал на улице. Я энергично взялся за него. Он оказался учтивым.

— Можно ли простому смертному вроде меня посетить острова Залива?

— А почему бы и нет? — ответил он. — Получите рекомендации в министерстве внутренних дел, а мы сделаем все остальное.

Его слова обнадеживали. Мне хотелось подробнее расспросить об островах, но он тут же ушел. Программа делегации была так насыщена, что мне не довелось поговорить с ним еще раз. Через неделю они уехали из Дели.

Вскоре мне удалось добиться приема у чиновника министерства внутренних дел, ведающего делами островов Залива. Он занимал в здании секретариата просторный кабинет, на стенах которого висели карты островов Залива. Я изложил ему свою просьбу.

— Итак, вы хотите поехать на Андаманы? — спросил он, предлагая мне сесть.

— Да, если можно.

— А почему бы нет, — сказал он. — Это индийская территория, а вы гражданин Индии и имеете право поехать туда.

— Как выглядят эти острова?

— Не могу вам сказать. Никогда там не был.

— Какой там климат?

— Тоже не могу сказать.

Я решил перейти к главному:

— Как и где я могу приобрести билет до Порт-Блэра?

— Сообщите нам, когда бы вы хотели выехать, и мы все устроим. Пароходное агентство находится в нашем ведении.

— Деньги уплатить вам?

— Нет, этим занимается верховный комиссар.

Я и понятия не имел, чем занимается министерство, а чем верховный комиссар, однако смело продолжал:

— Когда отходит следующий пароход?

— Вы хотите ехать следующим пароходом?

— Если это возможно.

Чиновник позвонил по телефону и, поговорив с кем-то из своего отдела, положил трубку.

— Теплоход «Андаманы» отплывает из Мадраса шестого. Это и будет следующий рейс.

— Значит, у меня остается всего две недели на сборы,— сказал я и поспешно добавил: — Однако я готов ехать. Что еще нужно сделать?

— Послать телеграмму верховному комиссару в Порт-Блэр с просьбой помочь устроиться. Перешлите копию нам, а мы телеграфируем свои рекомендации.

— Вряд ли я успею получить ответ.

— Он телеграфирует вам. Только побыстрее отправьте телеграмму, ясно?

Его последние слова были сказаны в столь категоричной форме, что я решил поспешить не только с телеграммой, но и с окончанием визита. И все же я задержался ровно настолько, чтобы задать еще один вопрос:

— У вас хорошая коллекция карт островов Залива. Не могли бы вы сказать, где можно приобрести такие же?

— Боже мой! Ведь вы едете на Андаманы. Почему бы не купить их там?

— О да, конечно, я могу, — произнес я извиняющимся тоном. — А книги? Нет ли у вас книг об Андаманах?

Чиновник резко повернулся на своем вращающемся стуле:

— Вы же поедете туда. У верховного комиссара хорошая библиотека. У вас будет возможность прочесть все, что захотите.

Я понял, что дальнейшая задержка может оказаться пагубной, и распрощался.

— До свидания, — проворчал чиновник, не поднимая глаз.

Из секретариата я пошел прямо на почту, послал телеграмму верховному комиссару, а копию направил чиновнику. Через пять дней из Порт-Блэра пришел ответ, в котором сообщалось, что билет я должен приобрести в Мадрасе в агентстве на Лингачетти-стрит.

Упаковав все необходимое для поездки — одежду, фотографические материалы, палатку, я наскреб сколько мог денег и помчался на железнодорожную станцию купить билет на поезд до Мадраса с тем, чтобы там пересесть на теплоход.

Остаток дня и все следующее утро я сжимал в руке билет на теплоход, как банковский билет в миллион фунтов стерлингов, все время опасаясь, как бы поездка не оказалась иллюзией*. И только когда я оказался на теплоходе и благополучно устроился в каюте, когда были отданы швартовы и винты вспенили темную воду порта, а Мадрас с его окрестностями остался позади, я поверил, что действительно еду на Андаманы.

* Автор сравнивает себя с героем из известного рассказа Марка Твена «Банковский билет в 1 000 000 фунтов стерлингов».

Глава III

Каторжная тюрьма

Шринивасан убеждал меня встретиться с Т. Дж. Н. Айяром, верховным комиссаром Андаманских и Никобарских островов.

— Он — глава администрации, и обычный долг вежливости обязывает вас нанести ему визит.

Мне не очень хотелось делать это именно сейчас. О чем я буду говорить с ним, если для меня самого неясно, чего я хочу.

— Я увижусь с ним позднее, как только освоюсь на новом месте, — возражал я.

Этот разговор происходил утром, когда Шринивасан собирался идти в свою контору.

— Он лучше других сможет познакомить вас с условиями жизни на островах, — продолжал убеждать меня Шринивасан. — Кроме того, он интересный собеседник и обожает принимать посетителей.

Я позвонил в резиденцию верховного комиссара. К телефону подошел Сэмюэль, его личный секретарь. Я назвал свое имя.

К моему удивлению, он ответил:

— Подождите, я узнаю у шефа о времени встречи. Он ждет вас.

Немного погодя в трубке снова раздался голос Сэмюэля:

— Вам удобно в девять? Приезжайте прямо в резиденцию.

Эти слова были произнесены тоном, исключавшим какое-либо возражение.

Нур Мохаммед вызвал для меня такси. Молодой и симпатичный шофер Ханна любил быструю езду. Мы помчались вверх и вниз по холмам.

За холмом, где находится здание секретариата, расположились бунгало чиновников, окруженные большими садами, заросшими цветущими кустарниками. Потом миновали рощу из «дождь-деревьев», алевших от веселного цветения. За ней открывалась поляна. Такси замедлило ход: мы подъезжали к резиденции верховного комиссара. У ворот Ханна на какую-то долю секунды затормозил и, высунувшись из окна, крикнул вооруженному часовому: «Все в порядке!». Не выходя из будки, часовой движением руки пропустил нас. Теперь машина мчалась по парку, и розовые кассии бились о ее кузов. Наконец остановились у широкого белого портала, который вел в роскошную резиденцию верховного комиссара.

Я уплатил Ханне за проезд и дал «на чай». Но он вернул мне чаевые, заметив:

— На Андаманах не берут чаевых, сэр.

Поднявшись по широким каменным ступеням, по бокам которых стояли горшки с розами и петуниями, я вошел в кабинет Сэмюэля.

— Мистер Вайдья? — спросил он, пожимая мне руку, и тотчас же вышел из кабинета. Но уже через секунду вернулся, пригласив меня следовать за ним.

Айяр, пожилой человек с тонкими чертами лица, сидел за огромным письменным столом. Увидев меня, комиссар встал и пожал мне руку. Некоторое время он холодно разглядывал меня, как бы изучая. Потом суровость исчезла с его лица.

— Представьте себе! Невероятно! К нам, действительно, приехал писатель, — сказал он с деланным удивлением. — Я думаю, вы на континенте представляли нас обитателями лесной глуши.

Ободренный его словами, я признался:

— Ничего не знаю об островах и рассчитываю на вашу помощь.

Но не успел я закончить фразу, как верховный комиссар воскликнул:

— Дорогой, а кто знает? Даже мы, живущие здесь, и то очень мало знаем об Андаманах. Эти острова — закрытая книга. Никто не решается приехать сюда, чтобы изучить их как следует, поэтому никто ни о чем понятия не имеет. Даже местных языков не знаем.

Он вытащил из ящика стола лист бумаги, на котором было написано несколько незнакомых слов.

— Знаете, что это такое? — спросил он. — Никобарские слова. Я пробую изучать никобарский язык. Когда-нибудь попытаюсь составить словарь. — Он взял у меня лист и сунул его обратно в ящик.

— Целое столетие архипелаг был изолирован от внешнего мира, так как здесь находилась колония каторжников, — продолжал Айяр. — До этого мало кто отваживался приезжать сюда из-за враждебности местных племен*. Десять лет назад острова вошли в состав Индийской Республики, и с тех пор мы пытаемся осваивать Андаманы руками свободных переселенцев. Однако темпы освоения медленные — ведь пришлось начинать на пустом месте. До того как на остров пришла новая власть, лишь часть джунглей Южного Андамана была расчищена от лесов, да и то для колонии каторжников. Сейчас мы стараемся расчищать другие острова, тоже густо поросшие лесами.

— А как племена относятся к вашим планам создания свободных поселений? — спросил я. — Они по-прежнему враждебны?

Верховный комиссар откинулся на спинку стула и задумчиво посмотрел на меня.

— Это сложный вопрос, — сказал он после некоторого раздумья. — Вкратце дело обстоит так. На островах всего три племени аборигенов. Самое малочисленное — андаманцы **. Они вымирают. В живых осталось около тридцати человек. Андаманцы дружелюбны; у них допускаются смешанные браки. Другое племя, онгхи, насчитывает около трехсот человек. Они не враждуют с нами, но и не вступают с индийцами в брак. Онгхи живут замкнуто на своем острове. Третье племя — джарвы. Их всего несколько сотен. Они обитают на западном побережье и настроены враждебно. Ни одно из племен не занимает определенной территории, они кочевники, перебираются с острова на остров.

— Что вы можете сказать о колонии каторжников? Кто-либо из осужденных остался на островах? — осведомился я.

* «Враждебность» и «жестокость» андаманцев, о которых часто писали первые путешественники, посетившие этот район Азии, не что иное, как оборонительная реакция аборигенов против пиратских набегов более развитых соседей из Юго-Восточной Азии.

** Точнее — это остатки большой группы племен.

— Большинство уехало,— сказал Айяр. — Некоторые остались, но нам о них ничего не известно. Во время оккупации японцы освободили всех каторжников и сожгли тюремные архивы. Так что мы не знаем, кто бывший каторжник, а кто нет. Вам предстоит это узнать самому.

— А тюрьма?

— Тюрьма еще существует.

— Мне хотелось бы побывать там.

— А для чего? Это старое полуразвалившееся здание, большую часть которого мы используем под склад и даже думаем снести.

Но я продолжал настаивать.

— Вы должны понять, почему меня так интересует тюрьма. Ведь она так знаменита!

— Ладно,— сказал Айяр. — Сидду, мой заместитель, выдаст вам разрешение.

Он попытался связаться с Сидду по телефону, но тот, по-видимому, вышел. Повернувшись ко мне, Айяр спросил:

— Долго ли вы предполагаете пробыть здесь?

— Несколько месяцев,— сказал я неопределенно.

— Это хорошо. Тогда вы сможете хоть что-то увидеть. Большинство приезжих уже через несколько дней бывают сыты по горло и отправляются обратно.

Зазвонил телефон. Айяр взял трубку.

— Доброе утро, Сидду... Вы знаете мистера Вайдью?.. Суреш Вайдья, да, да, тот самый... он хочет осмотреть тюрьму... не могли бы вы дать ему разрешение?.. Что?.. Конечно, конечно... Разумеется, в любое время, когда вы сможете. Я направлю его к вам...

Старое, нескладное здание, где находился кабинет заместителя комиссара, как и большинство домов Порт-Блэра, возвышалось на сваях, а под ним был устроен гараж. Деревянная лестница вела в налоговое управление. Комната заместителя комиссара находилась в самом дальнем конце здания. Она была соединена с открытой верандой, которая примыкала к большому залу судебных заседаний. Очередное заседание еще не началось, но места для публики были уже заполнены. Пятеро арестованных — небрежно одетые, мрачного вида молодые люди сидели на скамье подсудимых.

— О чем слушается дело? — спросил я полноватого человека в белых штанах и черном альпаковом пиджаке, углубившегося в какие-то бумаги.

— Об убийстве, — сказал он, подняв глаза.

— Убийство! — воскликнул я.

— Да, убийство, — засмеялся мужчина. — Типичное для Андаман. Вы видели орудия убийства? — спросил он, указывая на связку бамбуковых палок и маленький осколок камня, лежавшие на полу. — Это вещественные доказательства. Ими и было совершено убийство. Убийство! — иронически усмехнулся он. — Закон не может признать человека виновным на основании таких незначительных улик. В худшем случае будет признано непредумышленное убийство. Настоящее убийство предполагает преднамеренность. А разве эти орудия свидетельствуют о преднамеренности?

Он посмотрел, какое впечатление произвели его слова на меня.

— Ни один из этих парней не будет повешен, смею вас уверить. Я защищаю их.

Ко мне подошел служитель и шепнул, что заместитель комиссара освобожден.

Я последовал за ним в маленькую комнату, где Сидду что-то диктовал своему секретарю. Заместитель комиссара прервал работу, положил пачку бумаг на стол и улыбнулся.

Я подумал, что он еще слишком молод для такого поста.

— Простите, я буду краток, — извинился тот, ловко поправляя свой тюрбан, похожий на лодку, — мне скоро придется идти в зал председательствовать. Однако...

— Мистер Айяр, должно быть, известил вас о цели моего прихода, — прервал я его.

— Да, он говорил. Вы, разумеется, можете посетить тюрьму и фотографировать сколько угодно. Я уже дал указание старшему тюремному врачу. Он просил вас прийти завтра в десять утра.

Затем, осмотрев меня с ног до головы, Сидду добавил:

— Как вам нравятся Андаманы?

— То немногое, что я видел, мне понравилось.

— Неправда ли, они прекрасны? Я сам здесь всего четыре месяца, но уже успел полюбить эти места.

На другой день, миновав многолюдный Абердин-Базар и спустившись по отлогому склону на мыс, мы проехали через главные ворота, выходящие на набережную. Машина остановилась у зарешеченных дверей одного из крыльев здания, где сейчас находится тюрьма. Одетый в хаки охранник открыл дверь.

Пока я обменивался рукопожатиями с Капуром, старшим тюремным врачом, и Пхатаком, тюремщиком, сзади меня заперли дверь.

Нас сопровождали два охранника — Лахман Сингх и Джирия Дайял. Оба они — старые служители — хорошо знали тюрьму и ее историю. Поэтому можно считать, что мне повезло.

Мы прошли по коридору пустующего левого крыла тюрьмы, вдоль длинного ряда камер, расположенных позади просторной веранды с решетками на окнах. Пустые камеры выглядели чистыми и опрятными. Лишь решетки, засовы и большие замки вселяли страх.

— Здесь вновь прибывшие проводили первые шесть месяцев, — пояснил, открывая дверь в камеру, Лахман Сингх — худой человек с невыразительным морщинистым лицом.

Я заглянул внутрь: узкая комната с окном под самым потолком и голыми стенами.

— А какая мебель стояла в камерах? — спросил я.

— Никакой. Только по два одеяла на заключенного, сказал Лахман Сингх, закрывая дверь. — Каторжник проводил здесь половину времени. Его запирали днем в четыре часа и не открывали дверь до четырех утра. В пять начинался рабочий день, продолжавшийся до четырех дня.

Два крыла тюрьмы образовывали треугольный двор, крытый решетчатым навесом, примыкавшим к наклонной крыше тюрьмы, сделанной из гофрированного железа. Под навесом было темно и пыльно.

— А здесь каторжники работали, — продолжал Лахман Сингх. — Тут стоял пресс для выжимки масла. Вы знаете, что это такое?

Я сказал, что не знаю.

— Да ну? — удивился Пхатак. — Раньше в наших газетах часто писали о нем. Ужасная вещь. Наподобие обычного индийского пресса, только там его вращали во-лы, а здесь каторжники. Бывало каторжники от устало-

сти падали в обморок, но это не избавляло их от работы. Нисколько. Мы, тюремщики, брызгали им в лицо водой, и когда они приходили в себя, то снова начинали вращать пресс. Новички падали в обморок раз по десять за утро, но каждый раз их приводили в чувство и впрягали в ярмо. В любом случае каторжник должен был выполнить свою дневную норму, что бы ни случилось. Если получалось масла хоть на каплю меньше положенного количества, ему давали дополнительное наказание. Это было ужасно, скажу я вам. Даже выносливые каторжники трепетали при упоминании о прессе.

— После такой работы уже через полгода каторжник, вероятно, становился развалиной,— заметил я.

— Нет, масло выжимали только три месяца,— уточнил стражник.— После этого заключенный получал другое задание: очистку кокосовых орехов. Но это была тоже ужасная работа. Скорлупа ранила ладони, они кровоточили. Жизнь в тюрьме была действительно тяжелой.

— А что происходило через шесть месяцев?

— Каторжников переводили в бараки. В окрестностях Порт-Блэра — Хаддо, Джангли Гхате, Делейнепуре — прежде находились только тюремные бараки. Работа, которую каторжники выполняли здесь, была тоже очень тяжелой: они строили дороги, рыли канавы, расчищали протоки, но все работали на открытом воздухе. А от четырех дня до восьми вечера, когда каторжник обязан был явиться в свой барак, он мог делать что хотел.

Мы осмотрели камеры и поднялись по старой шаткой лестнице на третий этаж в сторожевую башню. Ее деревянные стены во многих местах растрескались, а штукатурка отваливалась кусками. Здание тюрьмы было построено на рубеже нынешнего столетия; в нем, как мне говорили, одновременно содержалось до двух тысяч каторжников.

Если посмотреть на тюрьму со стороны сторожевой башни, то она напоминает гигантскую морскую звезду, которая поднялась на поверхность воды погреться на солнце; ее красные щупальца разбросаны в семи различных направлениях. «Как ужасно оказаться на положении узника,— подумал я.— С одной стороны бескрайнее море, с другой — страшный лес».

— Вряд ли кто-нибудь пытался бежать отсюда,— заметил я.

— Напротив, каторжники устраивали побег и скрывались в джунглях, но их всегда ловили,— сказал Лахман Сингх.— А часто они возвращались добровольно. Но больше чем побегов мы боялись бунтов. Бунты обычно вспыхивали в четыре часа утра, когда открывали камеры. Бывало, бесновались каторжники в течение часа — яростно ломали все, что попадалось под руки, и нападали на охранников. Однако стоило дневному свету проникнуть в тюрьму, как становилось удивительно тихо: никто не хотел, чтобы его поймали с поличным. Однажды бунт продолжался целых два дня. Его устроили политические заключенные. Видите то крыло?— спросил он.— Они сидели там. Их всегда держали отдельно от других заключенных.

— Почему этот бунт продолжался так долго?

— Потому что не разрешили применить огнестрельное оружие. Власти боялись грубо обращаться с политическими. Они ведь были образованными людьми и пользовались большой поддержкой на материке.

Тюрьму окружала высокая стена. Позади крыла, где когда-то размещались политические, большая часть стены была разрушена. Я спросил, не разрушили ли ее во время бунта.

— Нет, это работа японцев,— пояснил Лахман Сингх.— В этом месте к берегу приставали небольшие японские суда. Стену снесли, чтобы ходить напрямик.

— Вы были здесь, когда пришли японцы?

— Он первым столкнулся с ними. Спросите его самого,— заметил Капур, слушавший рассказы охранника с не меньшим интересом, чем я.

В разговор вмешался Пхатак.

— Не продолжить ли наш разговор в конторе,— сказал он, посмотрев на часы.

Мы спустились вниз. Охранник принес мне стакан воды. Я пил с удовольствием: приближался полдень и становилось жарко.

— Во время войны мы оказались в беспомощном положении. Англичане перебросили с островов единственную роту солдат, — продолжал Лахман Сингх.— Когда Япония вступила в войну, почти вся администрация острова разбежалась, колонией управлял только основной тюремный штат.

— Это случилось в пять утра. Я был на дежурстве и

собирался открыть главные ворота тюрьмы, как вдруг чья-то рука сзади сжала мне запястье. Я не сопротивлялся, опасаясь, что это японцы: несколько дней назад мы слышали, что японские суда появляются в районе островов. Повернувшись, я оказался лицом к лицу со взводом японских солдат. Двое японцев обыскали меня, отобрали дубинку, ремень и свисток и связали мне руки.

«Кто еще внутри?» — спросил японский сержант. Я ответил, что там тюремщик. Тогда несколько солдат притащили тюремщика и связали его. Через некоторое время они привели верховного комиссара, которого застали в бунгало, и тоже связали. Потом японцы ринулись в тюрьму и в поисках оружия обшарили каждый уголок. Через два дня, убедившись, что его нет, они открыли тюремные ворота и выпустили заключенных. В то время каторжников было всего двести.

— И их не вернули обратно в камеры?

— Нет, их освободили, но они должны были трудиться в рабочих командах, что было несколько не легче, чем в тюрьме, а, может быть, даже тяжелей.

— И в тюрьму больше никого не сажали?

Лахман Сингх многозначительно посмотрел на Джирия Дайяла. Охранники переглянулись.

— Да нет, ее снова заполнили, — сказал Лахман Сингх.

Джирия Дайял, хранивший до сих пор молчание, продолжил рассказ.

— В нее попали заключенные другого рода — лица, подозреваемые в шпионаже в пользу англичан. Японцам казалось, что местное население информирует англичан, так как всякий раз, когда сюда заходили японские суда, прилетали английские бомбардировщики и бомбили их.

— Джирия был одним из новых заключенных, — усмехнулся Лахман Сингх.

— Да ну! Каково же было оказаться по другую сторону решетки?

— Ужасно, — заверил Джирия Дайял, полный мужчина с круглым выразительным лицом.

— Много тяжелой работы?

— Много пыток, — уточнил охранник, — взгляните.

Он показал свои руки. Они были страшны. Пальцы искривлены, изуродованные ногти росли неровными, вздутыми шишками.

— Они загоняли под ногти раскаленные иглы, жгли ноги.

Джирия Дайял засучил штанину и показал большие участки блестящей кожи, где не росли волосы.

— Японцы зажигали куски бумаги и держали ногу над огнем до тех пор, пока кожа не начинала шипеть и не появлялся запах горящего мяса. Я пробыл там всего три месяца, но постарел лет на тридцать.

— Почему японцы подозревали вас в шпионаже?

— Не только меня. Большинство грамотных индийцев находились под подозрением. Японцы считали, что только люди, имевшие хоть какое-нибудь образование, могли быть шпионами. Четыре года японской оккупации были подобны кошмару. И только когда они ушли, мы вздохнули свободно.

В этом месте Пхатак, который начал обнаруживать признаки беспокойства, прервал его:

— Если вы хотите осмотреть действующую тюрьму, то лучше поторопиться. Осталось всего десять минут до обеда.

Мы поднялись.

— А за что сидят заключенные сейчас? — спросил я Пхатака.

— Большой частью за мелкие преступления, — ответил тюремщик, — запрещенное самогоноварение, браконьерство и т. д. Но время от времени к нам попадают и опасные преступники.

Он провел нас мимо камер. В этот час дня они были пусты. Однако в одной из них мы неожиданно увидели сморщенного старика с молочно-белыми волосами. Заметив нас, он шагнул вперед, прижался к решетке, сложил руки и склонил голову как бы в молитве. Он выглядел таким несчастным и кротким, что я не удержался и спросил:

— Что он сделал?

В моем голосе, должно быть, звучало сострадание, так как Капур заметил:

— Приберегите свое сочувствие для кого-нибудь еще. Это отъявленный садист, детоубийца. Его прислали к нам с материка. Старик зарезал в ссоре своего маленького племянника. Как крестьянин, он после освобождения получил ферму. Но вместо того чтобы жить мирно, снова нашел повод для ссоры с соседом-фермером и изрубил его

маленького сына на куски. Его приговорили к пожизненному заключению.

— Почему он сейчас в камере, а не с другими заключенными?

— Он прикидывается сумасшедшим, пришлось запеть его и держать под наблюдением.

Из соседней камеры пристально смотрели на нас сквозь решетку заключенный помоложе, с коротко остриженными волосами. Заметив наше приближение, он быстро спрятался за стеной и только вытянул шею, чтобы не потерять нас из виду.

— Другой опасный преступник? — спросил я.

— Сумасшедший с опасными наклонностями. Так как у нас на островах нет психиатрической больницы, его держат в тюрьме, — ответил Капур.

Наступило время обеда. Заключенные быстро разберили свои алюминиевые тарелки и кружки и становились в строй, чтобы идти на кухню.

Возвратившись в контору, я поблагодарил старшего тюремного врача, тюремщика и двух охранников, показавших мне тюрьму, и попрощался. Лахман Сингх проводил меня до выхода и отдал честь.

Глава IV

От виселицы к богатству

Я оказался в Чатаме и уже сожалел о том, что так поспешно отпустил такси. Было около четырех, а примерно через час я условился встретиться на набережной с Говиндараялу, чтобы присутствовать на открытии сельскохозяйственной выставки.

Шринивасан, которого я также должен был увидеть и на машине которого предполагал вернуться обратно, стал извиняться:

— Неожиданные обстоятельства заставляют меня задержаться по меньшей мере еще на час. Лучше всего позвонить на стоянку такси.

Но это оказалось уже бесполезным: мне ответили, что все машины в разъезде и вряд ли скоро вернутся. Пока я размышлял над тем, что предпринять, и содрогался при одной мысли об обратном пути в бунгало — три мили пешком, — секретарь Шринивасана посоветовал мне «проголосовать» возле Хаддо, у плотины.

— Здешние водители обычно подвозят куда надо, — сказал он.

Мне пришлось последовать его совету — выбора у меня не было.

Сразу же за воротами лесопилки начиналась плотина. Отсюда открывался вид на изумительный «аквариум», созданный самой природой, и я не мог не залюбоваться им. Прибой омывал деревянные сваи и под дощечкой с надписью: «Ловить рыбу и купаться воспрещается» — весело резвилась блестящая стайка сардин. Но вот словно вспыхнуло пламя — это появился тунец, сопровождаемый свитой тигровых рыб, которые двигались легко и грациозно, как балерины, словно похваляясь эффектными

золотыми полосами и длинными вуалевидными хвостами. Но вот в их сторону направилась барракуда* — они мгновенно исчезли.

За плотиной я миновал брошенный японский бульдозер, огромные колеса которого наполовину ушли в землю, и взобрался на холм, ведущий к базару Хаддо, лишь для того чтобы убедиться, что в это время транспорт фактически не работает. Во мне еще теплилась последняя искорка надежды: может быть, какое-нибудь такси уже вернулось на стоянку. Итак, я пересек улицу и направился к лавчонке, где торговали листьями бетеля**, чтобы узнать, откуда можно позвонить по телефону.

Лавочник был занят: заворачивал бетель для покупателей, по всей вероятности рабочих, которые стояли, облокотившись на пустой ящик. Показывая палочкой через плечо, он проворчал:

— Идите в магазин Гурусвами. Там есть телефон.

Мои синие джинсы произвели на рабочих неотразимое впечатление. Они с интересом рассматривали их: эти люди никогда раньше не видели ничего подобного.

— Вы недавно приехали сюда? — спросил один из них.

— Недавно, — ответил я. — Не подскажете ли вы, как скорее добраться до Делейнепура?

— Если вам в Делейнепур, то садитесь на автобус. Он отходит в четыре.

Лавочник показал палочкой на часы, тикавшие на полке среди пачек сигарет.

— Видите, который час? — спросил он.

Часы показывали четверть пятого.

Оба покупателя расхохотались.

— Сколько лет они ходят, ваши часы? — со смехом спросил один из них.

— Не верьте им, — предупредил меня другой. — На Андаманах люди носят часы просто для красоты. Мы здесь не очень-то интересуемся временем.

— А я говорю вам, они ходят точно, — продолжал настаивать на своем хозяин лавки.

* Барракуда — хищная морская рыба, родственная кефали.

** Бетель — листья, в которые заворачивают известь, истолченный плод арековой пальмы и некоторые другие ингредиенты; широко используется в Южной Азии как своего рода «жевательная резинка».

Заметив поднимавшегося в гору старика, лавочник окликнул его:

— Каллу Рам, автобус уже ушел?

Каллу Рам подошел тяжело дыша. Это был невысокий мужчина с пышными усами. В руках он держал большой зонт. Закрыв его и сунув под мышку, старик медленно проговорил:

— Откуда мне знать, ушел автобус или нет? Я только что закончил работу на складе и возвращаюсь домой. Если вы хотите знать точно, пойдите и посмотрите, не ушел ли паром. Автобус не отправится до тех пор, пока не возьмет пассажиров с парома.

Предложение было адресовано ко всем присутствующим, и лавочник, взобравшись на прилавок, стал смотреть в сторону залива.

— Я вижу паром,— сказал лавочник.— Но он уже отошел. И я боюсь, что вам придется идти пешком до Делейнепура.

— А вам надо в Делейнепур? — оживился Каллу Рам. — Поедем на грузовике?

— Конечно,— тотчас согласился я.

— Тогда пошли,— сказал старик, открывая зонтик и предлагая мне укрыться в его тени.

Дорога постепенно пошла под уклон, затем свернула направо. В открытом дворе магазина Гурусвами стоял грузовик; его нагружали кули в красных платках.

— Не подбросите ли вы этого человека до Делейнепура,— обратился Каллу Рам к сидевшему на подножке шоферу, который что-то заносил в свою записную книжку.

Шофер поднял глаза и приветливо улыбнулся.

— С удовольствием, если ваш друг сможет подождать до конца погрузки.

Мы сели на скамейку и стали смотреть, как грузовик постепенно наполнялся различными товарами: корзинами с банками сгущенного молока, кастрюлями, сковородками и ведрами.

— Вы приехали последним пароходом? — полюбопытствовал Каллу Рам. Он немного подался вперед и оперся подбородком о ручку зонта.

— Да,— ответил я.

— А где вы будете работать?

— Я не государственный служащий, а гость.

— А зачем же вы все-таки приехали?— настаивал старик, не переставая удивляться.

— Посмотреть острова.

Каллу Рам покачал головой.

— Должен сказать, что на островах нечего смотреть. Ничего. Разве что Порт-Блэр. Да и в Порт-Блэре нет ничего интересного, кроме нескольких магазинов и домов. А до последнего времени и их не было. Только тюрьма была. Я провел на этих островах пятьдесят четыре года и все знаю.

— Все пятьдесят четыре года? И никогда не ездили на материк?

— А к кому мне ехать? Родственники прислали мне в тюрьму два письма и после этого перестали писать. Я даже не знаю, живы ли они.

До меня вдруг дошло, что я разговариваю с одним из бывших каторжников.

— Вы, вероятно, страдаете от одиночества? — участливо осведомился я.

— Я не одинок. У меня жена и двое сыновей. Сыновья женаты. Они живут с нами.

— Как вам удалось выпisać жену с материка? Вы как будто сказали, что растеряли всех родных.

— Я женился на каторжанке. Когда-то на острове была тюрьма для женщин и такой брак разрешался. Каждый месяц устраивалась специальная церемония — мужчины становились в один ряд, женщины — в другой, и мы могли выбирать, кого хотели. Потом верховный комиссар объявлял нас мужем и женой. Должен сказать, что это не считалось законным браком, и в любой момент мы могли так же легко разойтись. Обычно такого не случалось, ведь большинство из нас было приговорено к пожизненному заключению. Мы знали, что ничего лучшего на нашем пути не встретится. Поверьте, мне посчастливилось, так как вскоре после нашей женитьбы женскую тюрьму закрыли.

— Сколько вам было лет, когда вы приехали сюда?

— Всего двадцать два, — сказал Каллу Рам. — Да, бывает... — вздохнул он. — Наделаешь глупостей в юности. Разве стал бы я сейчас убивать двух людей из-за какой-то проститутки?

Погрузка закончилась и водитель нажал на стартер. Грузчики один за другим попрыгали в кузов.

— Эй, эй, — закричал Каллу Рам, подбегая к водителю, и потащил меня за собой. — Посадите и его тоже.

Встав на колесо, как на подножку, я взобрался в кузов.

Через секунду мы тронулись. Большой черный зонтик остался позади...

— Не забудь, ему надо слезть в Делейнепуре...

Говиндараялу ждал меня у входа на выставку. Я опоздал на добрую четверть часа и пропустил торжественное открытие. Он, правда, заверил меня, что ничего, кроме церемонии «разрезания ленты», я не потерял. Мы прошли мимо бамбуковых стендов, украшенных звездобразными листьями ламбапатти, на которых была разложена местная продукция: бледные помидоры, небольшие круглые кочаны капусты и какие-то другие незрелые овощи. У стенда с рисом мне сказали, что урожай риса здесь огромные — двенадцать тысяч фунтов с акра. Однако зерна хотя и крупные, но твердые.

— Хорошие сорта риса здесь просто не родятся, — заметил Говиндараялу, набрав пригоршню неочищенного риса и пропуская его через пальцы. — Даже овощи мы большей частью привозим из Калькутты. Что-то с почвой, а что — один бог знает.

Плоды хлебного дерева и бананы все же выросли до внушительных размеров и приятно пахли. Такими же были панданус и ямс.

— А как вы едите панданус? — спросил я просто из любопытства, поскольку до сих пор никогда не видел этот плод.

— Никогда не пробовал, — ответил мой друг, сбивая плоды, свисавшие в початках с потолка.

— А как его едят? — повторил он мой вопрос человеку, стоявшему возле стенда.

— Его едят только никобарцы, — ответил он. — Я точно не знаю, но, кажется, они варят его, пока панданус не станет мягким, потом готовят тесто и пекут хлеб, который употребляют вместо риса.

Только часть выставки была отведена показу продукции сельского хозяйства. Почти половина экспонатов отражала достижения островитян в области промышленности и торговли. В зале, например, установили ручной ткацкий станок, а на стендах разложили сари,

лунги*, морские раковины и домашнюю утварь. Рядом выставили мебель местного производства. Посетители также знакомились со стендами государственных учреждений и даже полиции, которая демонстрировала, как осуществляется беспроводная связь между островами. К доске, окрашенной в красный цвет, были прикреплены луки, стрелы, копыя и дубинки джарвов.

Бангара, старший полицейский офицер, выглядевший щеголевато в белой униформе и черном галстуке, заметил, что я заинтересовался этими экспонатами.

— Мне кажется, вы хотели бы увидеть джарвов, не так ли? — с улыбкой проговорил он.

Я ответил, что, конечно, хотел бы.

— Тогда почему же вы не обратитесь к Берну? Он командует местной полицией. Да вот и он сам.

К нам поспешно приближался высокий мужчина, на котором буквально повисла маленькая женщина. Выглядел он довольно странно: рукава рубашки были закатаны, галстук-бабочка сбился на сторону, а мягкая шляпа, вместо того чтобы прикрывать лысую голову, была засунута под мышку.

— Берн, майор Берн! — окликнул его Говиндараялу.

Берн резко остановился, отчего шляпа чуть не упала на землю. Какое-то мгновение он смотрел отсутствующим взглядом на моего друга, потом, видимо, вспомнив, заулыбался:

— А, это вы, Раджу!

— Я хочу представить вас моему другу, — продолжал Говиндараялу.

— Как поживаете? — обратился Берн ко мне. — Я видел вас на пристани в день вашего приезда. Очень хотел познакомиться с вами.

— Почему? — спросил я, несколько обескураженный.

— На вашем плече висели два ружья. Я не мог понять, зачем они вам понадобились.

— Майор Берн, мой друг хотел бы повидать джарвов, — вмешался Говиндараялу.

— Хорошо, мы еще поговорим об этом. Приходите завтра к нам на обед. В восемь часов. Удобно?

Маленькая женщина, до сих пор не проронившая ни слова, услышав неожиданное приглашение, не выдержала:

* Лунги — набедренная повязка.

— Робби, завтра ты будешь занят на спектакле для детей.

— Спасибо, Джин, — сказал майор, видимо искренне ей благодарный. — Ну, тогда послезавтра.

— Благодарю вас. Но куда мне прийти? Я не знаю вашего адреса.

— Кто не знает, где живет Берн? Он самый популярный человек в Порт-Блэре, — вставил Говиндараялу.

— Вы, разумеется, придете с Говиндараялу. А теперь, прошу прощения, я должен вас покинуть.

Выставки и экспозиции на открытом воздухе, оказывается, были очень популярны в Порт-Блэре. Их посещали все. Здесь происходили встречи с приятелями и обмен новостями.

В толпе я увидел много знакомых и среди них адвоката Девасию. Он куда-то торопился, но, увидев меня, задержался и подошел.

— Мистер Вайдья, — сказал он, — встречались ли вы с Даду Лалом?

— А кто такой Даду Лал? — Я никогда прежде не слышал этого имени.

— Не хотите ли вы сказать, что ничего не слышали о Даду Лале? — поразился адвокат. — В городе все знают Даду Лала. Его считают главой бывших каторжников. Я полагаю, вы хотели бы повидаться с ним?

— Я бы с удовольствием, но где его можно найти?

— Вам придется поехать на ферму Даду Лала. Это в Панигхате, на противоположном берегу бухты. Садитесь на паром в Хаддо и поезжайте в Бамбу-Флэтс. Оттуда до Панигхата всего несколько минут ходу.

— В любой день?

— В любой день. Я говорил ему о вас.

И адвокат удалился.

Паром отчаливал в восемь. Мы прибыли на пристань точно за две минуты до отхода. Но паром уже ушел, и мы очень расстроились — ведь следующий должен был отправиться не раньше чем через пять часов. Раздосадованный, Шринивасан спросил одного из местных жителей, почему паром ушел раньше, и получил ответ, который окончательно вывел его из себя:

— Автобус прибыл раньше.

— Я отправлю вас на катере лесного департамента: он должен отойти в течение часа, — успокаивал меня Шринивасан по дороге в Чатам.

Маленький катер лесного департамента стоял на якоре неподалеку от пристани. Чтобы добраться до него, надо было сначала пересечь баржу, спуститься на бревенчатый плот, а оттуда по шаткому настилу, служившему трапом, перейти на катер. Воды бухты были спокойны; лишь изредка их вспенивала выпрыгивавшая на поверхность рыба.

— Сегодня слишком много акул, — заметил шкипер, молчаливый паренек. — Посмотрите, — взволнованно проговорил он, показывая на пятно справа. — Три акулы быстро настигали косяк крупных рыб.

В погоню за добычей «трио» устремилось в тесном строю, но, достигнув ее, акулы разделились, и каждая нападала в одиночку. В какое-то мгновение вода закипела, и на поверхность всплыли окровавленные куски.

— Да... Такова жизнь, — со вздохом проговорил старый угрюмый моторист, наблюдавший за развязкой.

Бамбу-Флэтс оказался не городом и даже не деревней, а всего-навсего маленьким поселком, состоящим из нескольких беспорядочно разбросанных лачуг и лавчонок. Девасия советовал мне сразу же расспросить о дороге, и я обратился к хозяину лавчонки, где торговали чаем. Он довел меня до плантации кокосовых пальм, расположенной вдоль дороги, где, по его словам, работал сын Даду Лала.

Сын Даду Лала, парнишка в шортах, окапывал молодую пальму. Я окликнул его. Он распрямился, поднял мотыгу и крикнул:

— Вы хотите видеть отца? Тогда идите по дороге вдоль бухты, никуда не сворачивая. Он дома.

— А это далеко?

— Нет. Идти минут десять.

С кирпичной плотины, отгораживающей воды бухты, я спустился на грязную дорогу. Она пролегалa между бухтой и поросшей густым тропическим лесом возвышенностью Харриетт Хилл. Местами виднелись черные валуны, напоминавшие спины диких слонов. То тут, то там джунгли были расчищены и превращены в террасированные поля, среди которых, как стражи, торчали одинокие хижины.

Говиндараялу на время поездки дал мне своего слугу, который должен был быть проводником и нести продукты. Это был молодой мадрасец, робко следовавший за мной на некотором расстоянии. Мы, как советовал сын Даду Лалу, не отклонялись от дороги, и все же я постоянно ощущал потребность еще раз убедиться, правильно ли мы идем: ведь на Андаманах заблудившийся человек дорого платит за свою ошибку — он все дальше и дальше уходит в джунгли, пока окончательно не заблудится. Спрашивать же моего слугу о дороге было бесполезно: он не знал никакого языка, кроме родного, тамильского, о котором я не имел ни малейшего представления.

К счастью, мы наткнулись на группу крестьян, столпившихся вокруг передвижной рисоочистительной установки. Я спросил на хинди, не может ли кто-либо сказать, правильно ли я иду к дому Даду Лала и далеко ли до него. Все сразу обернулись, и на меня обрушился поток слов, но, увы, ни одного из них я не понял, так как они говорили на тамильском языке. Заметив растерянность на моем лице, слуга решил, что наконец появилась возможность оказать мне услугу. Бросившись в толпу, как театральный герой в старых пьесах, готовый вот-вот убить негодяя, он засыпал их вопросами и, получив односложные ответы, вернулся на дорогу, призывая меня следовать за ним.

Мне необходимо было узнать, сколько времени уйдет на дорогу и сколько я могу пробыть с Даду Лалом, так как шкипер катера просил вернуться в Бамбу-Флэтс точно в четыре, потому что дольше задерживаться он не мог.

Мое настойчивое желание получить точные сведения о дороге было вполне оправданно, поскольку вскоре мы дошли до развилки и не знали, куда свернуть: одна дорога вела в джунгли, а другая тянулась вдоль берега. Пока я размышлял, за моей спиной раздался топот. Я обернулся как раз вовремя — прямо на нас неслись огромная буйволица и буйволенок. За ними бежал мальчик и что-то пронзительно кричал.

От этого зрелища мой слуга словно врос в землю. Я же быстро отпрыгнул в сторону и спрятался в кустах. Животные, не обращая никакого внимания на слугу, бросились прямо ко мне, но, не найдя меня, пофыркали возле зарослей и скрылись.

Мы порядком разволновались, но мне не понравилось, что мой слуга осуждающе смотрит на смертельно перепуганного мальчика. Когда я вышел из-за кустов, он пошел и стал извиняться на хорошем хинди:

— Извините, сэр, это мои буйволы. Они вдруг увидели вас, испугались и понеслись. Буйволы не любят городскую одежду и нападают на всякого, кто носит ее.

Я улыбнулся, желая показать, что простил его и забыл обо всем случившемся. Откровенно говоря, я считал его посланцем божьим: мальчик мог объяснить нам, на какую дорогу свернуть.

— Как пройти к Даду Лалу? — спросил я.

— Сюда, сэр, — любезно ответил мальчик, указывая на дорогу, ведущую в джунгли. — Его дом — на противоположном склоне холма.

Дорога шла по просеке, прорубленной в чаще, и спускалась в долину, напоминающую по форме букву V. Там стояла всего одна ферма, огороженная забором, из-за которого выглядывало красивое, хорошо построенное здание.

Я остановился у калитки и крикнул:

— Даду Лал!

Маленькие детишки, игравшие во дворе, увидев нас, тотчас же спрятались за домом.

— Даду Лал! — позвал я еще раз.

Какая-то женщина в другой части дома скрылась за деревянной дверью...

Послышались шаги, дверь с шумом отворилась, и на пороге появился мужчина в шортах и рубашке. Прикрыв глаза ладонью, он некоторое время разглядывал меня, потом сказал:

— Да, это ферма Даду Лала. А я — Даду Лал.

В этих словах звучало нечто большее, чем простое утверждение. В тоне ответа слышался вопрос: «А кто вы и чего, собственно, хотите?»

— Значит, вы и есть Даду Лал? — спросил я, поднимаясь на веранду. — Рад, что застал вас дома. Девасия, должно быть, рассказывал обо мне. Я приехал с материка.

Теперь Даду Лал, казалось, понял, кто я. Он выдвинул стул из-за самодельного стола и предложил сесть.

— Так вы писатель? Да, Девасия говорил мне о вас. — И потом более твердо: — Вы, вероятно, устали.

Разрешите мне принести вам воды? — Не дожидаясь ответа, он исчез за дверью.

Медный кубок блестел, как золотой, а вода в нем казалась кристально чистой и все же я не мог удержаться от вопроса:

— Вы уверены, что вода чистая?

— Пейте, — сказал Даду Лал, протягивая мне кубок. — Думаете, я настолько глуп, что буду пить грязную воду?

Мне нечего было возразить, а Даду Лал, очевидно, и не ждал ответа. Только сейчас он заметил слугу, стоявшего в углу.

— Почему ты не готовишь еду для сахиба? Разве не видишь, что он голоден? — Убедившись, однако, что слуга не понимает, стал жестами показывать на меня и на корзину с провизией.

Наконец-то мой слуга обрел настоящего господина! Властные интонации в голосе Даду Лала и красноречивые жесты ничего не оставили от былой самоуверенности тамильца. Он тотчас же распаковал продукты и небрежно разложил их передо мной.

— Кто так накрывает на стол? — возмутился Даду Лал. — Пойди срежь лист банана и положи на него продукты.

Не знаю как, но слуга все понял и сразу же отправился за моим перочинным ножом.

Теперь Даду Лал занялся мной.

— Вы сказали, что приехали писать книгу. Что интересного в этих местах?

Кто был этот человек, стоявший передо мной? Я решил быть дипломатичным:

— Мне интересно, например, познакомиться с вами. — Я сказал это, пытаясь польстить своему собеседнику и одновременно направить разговор в нужное русло. — Вы должны были давно умереть на виселице. Но вы живы и здоровы и сколько всего приобрели. Как это случилось?

Мои слова как-то странно подействовали на Даду Лала, он задумался и уставился в потолок.

— Все, что вы сказали, правда, — тихо проговорил он. — Я должен был умереть пятьдесят лет назад, а вот все еще живу. — Его блеклые, водянистые глаза обрели яркость, глубину.

— Вы знаете, как странно устроен человеческий ум! Я никогда раньше не думал об этом. Сейчас все мои помыслы обращены к моей семье, моей ферме, моему скоту и к тому, что собираюсь делать завтра. В камере смертников я думал только о том, когда умру — завтра, послезавтра или в следующем месяце. И даже когда смертный приговор был заменен пожизненным заключением, все еще думал о смерти, так как слышал, что Калапани — ужасное место: каторжники мрут там, как мухи. Я переживал это все время, когда плыл сюда на пароходе. В темном грязном трюме, куда нас набили, как сельдей в бочку, умерло восемь каторжников. Их просто выбросили за борт, как нечистоты. Кто в те времена отвечал за жизнь каторжников? Когда мы прибыли, я знал, что меня ждет, так как верховный комиссар предупреждал нас: «Не вздумайте не подчиняться приказам офицеров: за это полагается строжайшее наказание, вплоть до смертной казни». Он не пугал нас: в те времена, если даже ссыльный просто оглядывался на тюремщика, это уже считалось неповиновением. А какую пищу нам давали — грязное вонючее месиво! Удивительно, как мы только выжили. Если заболели, то не было даже надежды на медицинскую помощь. Жизнь была ужасной. Но я прошел через все это и остался жив. Поразительно! Вы правы, не многим людям довелось испытать подобное.

Тут вернулся мой слуга и начал раскладывать наши припасы, которые выглядели очень аппетитно на свежесмытом банановом листе.

Даду Лал некоторое мгновение смотрел на них, потом воскликнул:

— Да это все рис! Принести пшеничные чапати* или немного хлеба из джавара**?. Может быть, попросить невестку испечь что-нибудь? У нас есть своя пшеница. Специалисты говорят, — с гордостью продолжал он, — что почва на Андаманах пригодна лишь для возделывания риса. Я доказал, что на ней можно выращивать что угодно — пшеницу, джавар и даже хлопок. Четыре года назад, когда президент Раджендра Прасад посетил наши острова, он специально приезжал на ферму поздравить меня и вручил почетную грамоту.

* Ч а п а т и — лепешка (хинди).

** Д ж а в а р — просо (хинди).

«Сэр, до тех пор пока вы не выйдете из автомобиля и не осмотрите мою ферму, я буду считать, что вы вообще не посещали меня». На что президент ответил: «Даду Лал, я стар и болен. Не заставляйте меня выходить из машины». Тогда я сказал: «Ну что ж, сэр, ничего не поделаешь, раз вы больны. Но какой же вы старик? Вы не старше меня». Президент остался доволен моей работой и распорядился вырыть за счет государства колодец для фермы. Они еще не сделали этого, смею вас заверить. Так что, знайте, — вы будете есть настоящий андаманский хлеб! — Он тотчас же повернулся и крикнул:

— Эй, кто там? Испеките, пожалуйста, чапати.

— Нет, нет, у меня всего достаточно, а то я с удовольствием поел бы чапати, — взмолился я.

— Ладно, — сказал Даду Лал. — Когда приедете в следующий раз, ничего не привозите с собой.

На свежем воздухе, среди красивой природы пища казалась божественной, и я почувствовал, что усталость прошла.

— Почему вы не садитесь? Не заставляйте меня испытывать неловкость. — Я сказал так потому, что Даду Лал все время стоял.

— Не беспокойтесь. Мне семьдесят два, но я, милостью божьей, еще крепок. Мы, андаманские фермеры, должны быть сильными и трудолюбивыми, иначе на здешней земле вырастут одни сорняки. У меня сорок акров земли, фруктовый сад и шестьдесят голов скота. Работы хватает. Но я привык к тяжелой работе.

— Этому вы, наверное, научились в тюрьме?

Тут Даду Лал впервые вздохнул.

— Та работа, дорогой мой, была наказанием. Большинство дел, которые нам поручали, были абсолютно бесполезными, но мы должны были их выполнять, все до конца. К заходу солнца каждый обязан был во что бы то ни стало закончить свое дневное задание. Если мы пилили деревья, надо было валить определенное количество стволов, если копали землю, надо было обработать определенное количество квадратных футов, а если нам поручались земляные работы, требовалось перенести определенное количество корзин земли. И ничто не избавляло нас от этой работы — ни дождь, ни солнце. Мы до того были напуганы, что многие каторжники, которые не выполняли своей дневной нормы, предпочитали

кончить жизнь самоубийством, нежели предстать перед тюремщиком. Они сплетали веревки из виноградных лоз, надевали петлю на шею и прыгали с деревьев. Каждое утро по дороге на работу проходили мимо трупов, качающихся на деревьях. Поверьте мне, сейчас я тружусь так же напряженно, как и тогда, но я делаю это с удовольствием, потому что работаю для своего блага.

— Мне говорили, что жизнь в тюрьме была более сносной, чем вы сейчас о ней рассказали.

— Лучшие времена наступили, к сожалению, значительно позже. Меня освободили в 1919 — сократили срок пребывания на каторге на двенадцать лет за спасение жизни помощника верховного комиссара, когда на него напал каторжник с ножом. Рассказать вам, как стали улучшаться условия нашей жизни?

Правительство было несколько обеспокоено тем, что в те годы умирало слишком много каторжников. Для выяснения причин прислали нового врача, некоего полковника Бидона, который прибыл к нам после окончания первой мировой войны. Он осмотрел тысячи заключенных и обнаружил, что все они страдают заболеваниями печени. Бидон написал правдивый отчет, в результате чего тюремным властям пришлось изменить режим.

— Почему вы остались на островах после освобождения и не вернулись в свою деревню?

— В моей жизни произошли перемены. За спасение жизни помощника верховного комиссара мне дали плантацию кокосовых пальм. Кокосовые орехи я продавал в Рангуне. И с этого времени дела у меня пошли на лад.

Снаружи донеслись крики, плач, хныканье детей и громкие возгласы женщин. Даду Лал выглянул за дверь и крикнул:

— Успокойте детей! Разве вы не слышите, что мужчины разговаривают? — Потом, обращаясь ко мне, добавил с улыбкой: — Мои внуки. У меня три сына и две дочери. А это их дети. Всего в нашей семье двадцать пять человек.

Мой слуга убрал со стола и пошел мыть тарелки. Я хотел сделать несколько снимков и сказал об этом Даду Лалу. Он собрал всех находившихся в доме членов семьи, и сам стал среди них.

— Как жаль, что вы приехали в это время — многих членов семьи сейчас нет дома.

Когда я кончил фотографировать, Даду Лал отослал своих родственников обратно в дом.

— Мужья и жены ваших детей, вероятно, из местных? Лицо Даду Лала исказилось от ужаса.

— О нет. Мы члены высокой индусской касты Кришна Готра*, и поэтому нам нельзя вступать в браки с мужчинами и женщинами других каст. После освобождения я выписал жену с материка, и она родила мне детей. Все они появились на свет здесь, но, чтобы женить их, я всех возил на свою родину — в наш округ. Они породнились с детьми из семей, принадлежащих к касте Кришна Готра.

Мы пошли на поля фермы. Вспаханная земля была подготовлена к севу. Вдали виднелся крытый соломой навес, где стояли две бочки, до краев наполненные водой.

— Взгляните на мою систему водоснабжения, — с гордостью сказал Даду Лал, показывая на обмотанные тряпками концы бамбуковых водосточных труб, по которым вода поступала в бочки. — Разве может грязь попасть в воду? Посмотрите, откуда берется вода. — Он указал на холм, с которого шла целая система водосточных труб. — На этом холме есть источники. Вода поступает оттуда. А теперь я покажу еще кое-что.

Он повел меня во фруктовый сад, где в изобилии росли бананы, папайя и лимоны. За садом виднелась свежевыкопанная канава.

— Знаете, для чего она предназначена? — продолжал он. — Для сбора дождевой воды. Теперь я смогу выращивать овощи круглый год. На Андаманах дожди выпадают в изобилии, но вся вода из-за пологого рельефа местности стекает в море. Я намерен задерживать ее при помощи насыпей. — Он повел меня туда, где были вырыты ямы.

* Кришна Готра — индусская каста; эндогамное подразделение, обычно локализуемое в определенном районе. Состоит из экзогамных больших патриархальных родов (готр). Поэтому Даду Лал определенно указывает, что дети вступали в брак с членами его касты не в родном селении (где, по-видимому, живут члены его готры, внутри которой браки запрещены), а в округе, в котором расселены представители различных готр одной и той же касты. Ограничения межкастовых браков типичны для всех групп каст, занимающих раз-

— А это мои плантации манго. Я собираюсь высадить шестьдесят корней и уже выписал саженцы из Мадраса.

Тут Даду Лал заметил слегка засыпанную яму и принялся очищать ее голыми руками, бросая комья земли через плечо.

Наконец я мог дать отдых своим ногам и спокойно оглядеться. Передо мной простиралась акры плодородной земли, зеленел хорошо возделанный сад, где деревья клонились под тяжестью плодов. На склоне холма мирно пасся скот. А внизу виднелся дом, наполненный голосами детей. И всю эту суетливую и благополучную жизнь поддерживал невысокий человек, который некогда был так близок к смерти.

Даду Лал вылез из ямы.

— Они пытаются превратить Андаманы в свободное поселение, — сказал он, вытирая грязные руки о шорты. — Но они не знают, как это сделать. И все потому, что здешние правители всего-навсего писаки. Что им известно о стране и ее проблемах? В книге они вычитали, что надо строить дороги, и они строят дороги. А для чего? Чтобы перевозить людей в дикие, необжитые места? Я считаю, что в первую очередь надо обрабатывать землю. Дайте людям воду. Сделайте жизнь сносной. А тогда уж прокладывайте дороги. Ох, уж эти мне писаки! — сказал он.

Солнце опускалось за гребень холма. Мои часы показывали начало четвертого. Пора было уходить, чтобы успеть на катер лесного департамента. Я сказал об этом Даду Лалу. Он вдруг обрушился на меня:

— Что это за спешка? Вы не видели даже и половины моей фермы! Вы должны приехать еще раз. Заночуйте у нас. — Внезапно он остановился. — Любите охоту? На холме полно дичи. Вы можете взять мое ружье. Да, у меня есть ружье и официальное разрешение, выданное по всем правилам.

Слуга уже уложил вещи.

личные места в индуистской сословно-кастовой иерархической системе: «низших», «средних» и «высших». Но у «высших» эти ограничения соблюдаются особенно строго. Все касты ведут свое происхождение от мифических предков, как правило отождествляемых с божествами индусского пантеона. Поэтому каста Даду Лала носит название Кришна Готра, то есть «род бога Кришны».

— Может быть, все же попросить невестку приготовить чай? — спросил Даду Лал.

Я сказал, что уже нет времени, и, набравшись смелости, высказал то, что не выходило у меня из головы все это время:

— Кого вы убили, Даду Лал, и как? Что вы думаете теперь об этом?

Тут мой разговорчивый хозяин сразу же изменил тон:

— А зачем вам об этом знать? Это старая история. Я никогда не вспоминаю о ней. Да и некогда мне думать, у меня столько дел...

Дети постепенно расхрабрились и выстроились в ряд, чтобы проститься со мной, но, когда я попытался погладить их по головкам, они рассмеялись и убежали.

Даду Лал проводил нас до конца просеки. Протягивая руку, он сказал:

— Идите прямо по этой дороге. Вы будете в Бамбу-Флэтс через полчаса. Запомните мои слова, через полчаса. — Тон, которым это было сказано, был больше похож на приказание, чем на объяснение.

Глава V

Д жар в ы

Дом Берна представлял собой коттедж из четырех комнат, окруженный прелестным садом. Вход закрывали ворота из жердей. Берн «открыл» их нам, вынув жерди из изгороди.

— Это от коров, — объяснил он.

Мы направились по усыпанной гравием дорожке к тростниковым стульям, расставленным вокруг торшера.

— Я нарочно позвал вас пораньше, чтобы показать мои кинофильмы, — сказал он, приглашая нас занять места.

Когда погасили свет, полицейский инспектор стал демонстрировать свое операторское искусство.

Мы увидели на экране живописные пейзажи, джунгли и море, а также населяющие острова племена. Несколько фильмов отражали события общественной жизни Порт-Блэра.

После окончания сеанса Говиндараялу стал просить хозяина рассказать мне о джарвах. Майор Берн не заставил себя упрашивать. Положив ногу на ногу и раскурив трубку, он начал:

— Я думаю, вы знаете, кто такие джарвы. Наши власти всячески стремятся расположить их к себе. Чтобы подружиться с джарвами, они пользуются старым методом — раздают подарки и пытаются войти в доверие к ним.

Мы начали свою деятельность в деревне на западном побережье острова недалеко от Порт-Кэмпбелла. Выбор был не случайным: эта деревня считалась одной из наиболее крупных. Каждые две недели туда подходил полицейский катер и бросал якорь в открытом море. Потом

мы трое: Санток, бывший тогда старшим полицейским офицером, сержант Хла Дин и я — пересаживались в динги* с подвесным мотором. Хла Дин оставался в динге и не давал мотору заглохнуть, а мы с Сантоком вылезали из лодки и шли к деревне, расположенной ярдах в ста от берега. Там раскладывали наши подарки — пеструю ткань, сахар, табак, спички — и возвращались обратно. Хотя мы не делали ничего такого, что могло бы вызвать у джарвов подозрительность, они все же убежали в лес и скрывались там вплоть до нашего отплытия. Джарвов, конечно, можно понять: ведь раньше их всегда только преследовали. Достижение состояло уже в том, что они не причиняли нам вреда — ни один камень не был брошен в нашу сторону. К тому же мы убедились, что подарки принимаются, и это вселяло в нас надежду. Седьмая поездка в деревню убедила нас, что дружба с джарвами лишь вопрос времени, скоро они преодолеют свою робость и станут относиться к нам, как к друзьям.

На этот раз мы решили не возвращаться своим обычным путем, а обогнули деревню с другой стороны. Этот путь был короче, да и вид отсюда открывался чудесный, так что Санток сделал множество снимков своей новой «Лейкой». Подойдя к берегу, мы, однако, заметили, что Хла Дин быстро гонит динги в нашу сторону и делает руками какие-то знаки. Вначале мы не поняли, что случилось, но когда я оглянулся, то увидел, как джарвы с копьями и стрелами подползают к нам из-за кустов. Такого приема мы, признаться, не ожидали и, желая показать, что не намерены причинять никому вреда, подняли руки и помахали им. В ответ десятки джарвов с ужасными криками бросились в нашу сторону. Нам оставалось только бежать по воде к динге под градом стрел. Положение становилось критическим. Я выхватил револьвер и несколько раз выстрелил в воздух — преследователи испугались и убежали, что дало нам возможность целыми и невредимыми добраться до лодки.

— Да вы были на волосок от смерти! — воскликнул я.

— Мы были счастливы, что удалось убраться восвояси. Хла Дин вне себя от радости исполнял какие-то бирманские песни. Только Санток расстроился: в суматохе он уронил свой фотоаппарат в воду и вконец испортил его.

* Динги — маленькая плоскодонная шлюпка, ялик.

— Не надоела ли вам жизнь в джунглях? — спросил я.

— Робби влюблен в джунгли, — не то с гордостью, не то с горечью ответила вместо мужа Джин. — Там его второй дом: больше половины месяца он проводит в джунглях.

— Что ж делать, я прирожденный бродяга, — пробурчал Берн.

Потом он задумался.

— Знаете, никак не могу убежать от джунглей. Видно, мне суждено провести там всю жизнь. Я родился в Моулмейне, маленьком симпатичном бирманском городке, окруженном чудесными джунглями. Мальчишкой еще с рогаткой бегал в джунгли, любил природу и жизнь на свежем воздухе. К счастью, моя первая работа была связана с джунглями — в течение двух лет я был инспектором на лесоразработках Моулмейнской компании. Потом отправился в Рангун и поступил на службу в «Берма ойл компани». Это был единственный случай в моей жизни, когда пришлось работать в условиях цивилизации. Потом началась война, «Берма ойл компани» ликвидировали, и я оказался в армии. И снова джунгли, ведь война большей частью велась там. Когда мы прибыли в Индию, я вступил в отряд чиндитов, а это опять бои в джунглях. После войны демобилизовался и стал управляющим каучуковой плантацией на Андаманах. К несчастью, хозяева мои обанкротились и пришлось поступить на другую работу по расчистке джунглей для ферм переселенцев. Последний этап моей карьеры в джунглях открыл Маккарти, бывший тогда старшим полицейским офицером. Он вызвал меня и сказал: «Робби, джарвы причиняют нам все больше неприятностей, и переселенцы охвачены паникой. Я намерен создать специальный отряд полиции. Учитывая ваш опыт службы в отрядах чиндитов, предлагаю вам возглавить его». Ну я, конечно, согласился, стал полицейским и нисколько не раскаиваюсь. Мне нравится жизнь в джунглях, — добавил он.

— А каково мне? — пожаловалась Джин. — Я так одинока, когда ты уезжаешь.

— Это моя работа, Джин, — отпарировал Берн. — Послушайте меня, мистер Вайдья. Наш отряд основал тридцать шесть форпостов вокруг территории джарвов. На каждом из них несут службу от шести до двенадцати

парней. Эти посты расположены в лесной глуши. Я должен доставлять им продовольствие, иначе парни умрут с голоду. Раз в месяц нужно объезжать все посты. Поездка продолжается от двух до трех недель — все зависит от погоды. Большую часть пути приходится плыть на судне, поскольку на Андаманах почти нет дорог.

Говиндараялу, который тихо дремал в кресле, неожиданно проснулся и сказал:

— Майор Берн! Вы должны взять с собой мистера Вайдью. Он хочет увидеть жарвов.

— Не знаю, удастся ли это, но при первой возможности с удовольствием возьму его с собой.

Через несколько дней Берн заглянул к нам, но сообщил неутешительные вести. Поездка откладывалась, так как на «Чолунге» кончилось горючее, а полицейское судно «Нилкамал» забрал для своих нужд департамент морского флота. «Чолунга» — большое судно типа парома — совершала регулярные рейсы с севера на юг Андаман.

— Какая неудача! — воскликнул я разочарованно.

Берн предвидел мою реакцию и решил смягчить нанесенный удар.

— Ничего, у меня есть в запасе кое-что другое. Мы поедem в Тирур. Это наш форпост на юге. Туда проложена дорога.

Партия, которая должна была доставить продовольствие в Тирур, была оснащена как небольшая экспедиция. Когда прибыл большой серый грузовик, я уже был готов к отъезду. В кузове сидели сержант Хла Дин и двое полицейских. Они погрузили мои вещи, а я тем временем устроился в кабине между Берном и шофером.

В путь тронулись в девять утра. Погода была прекрасной. Мы долго мчались по шоссе, по обочинам которого росли «дождь-деревья». Их кроны были такими огромными, что нависали над проезжей частью дороги. Потом замелькали рисовые поля, перемежавшиеся с заболоченными участками. Но вот мы въехали в небольшой лес. Здесь было так сыро, что казалось будто капельки влаги оседают на легких. Деревья оказались совсем невысокими, под ними тянулись сплошные заросли кустарников. Вскоре обнаружили в кустарнике своеобразный туннель, нечто вроде охотничьей тропы.

Берн приказал шоферу остановиться.

— Ну вот, мистер Вайдья, мы доехали до основного пути, по которому кочуют джарвы, — сказал он, вылезая из кабины. — Группы джарвов время от времени приходят сюда с острова Ратленд, расположенного за этим холмом, и в поисках пищи добираются по берегу до Северного Андамана. На это уходит несколько дней. Они устраивают привалы в определенных местах, которые этнографы называют стоянками. Мы находимся вблизи одной из них. Хотите осмотреть?

Я согласился и последовал за Берном. Сразу же за дорогой мы увидели поросшую травой земляную стену, доходившую почти до пояса. За ней виднелась расчищенная площадка с плоским земляным возвышением. Берн взобрался на него и соскреб ногтями с поверхности пару раковин. Он положил их на ладонь и, повернувшись ко мне, сказал:

— Это оставили джарвы. Моллюски — их основная пища, они пекут и едят устриц так, как мы рис, а раковины выбрасывают. Если вы когда-либо увидите подобное земляное возвышение, вокруг которого валяются раковины, то можете быть уверены — это стоянка джарвов. Здесь производили раскопки этнографы из Порт-Блэра. Они говорили, что слой раковин уходит вглубь на десятки футов. Следовательно, аборигены пользовались стоянкой в течение многих столетий. — Он выбросил раковины и вытер руки о шорты.

Я осмотрелся. Повсюду зеленел необычайно красивый лес, искрящийся под лучами солнца.

— Все, что вы сказали, Берн, очень интересно. Но вы уверены, что мы здесь в безопасности?

— Надо думать, да. — Берн улыбнулся и продолжал:

— Все же давайте двигаться. Нам предстоит еще долгий путь.

Дорога пошла вверх, шофер включил первую скорость, и грузовик затарахтел, закашлял, захрипел и затрясся. Разговаривать стало невозможно. Дорога, перевалив на другую сторону холма, пошла под уклон, ехать стало немного легче, но нам еще предстоял крутой виток по краю пропасти. Наконец, мы выбрались на небольшую заселенную равнину. Дальше дорога опять пошла в гору, поросшую лесом. Так мы ехали до Конлинпура. Там, возле моста, дорога кончилась.

Конлинпур, расположенный в долине, населяют главным образом бирманцы, и крыши его домов имеют форму пагоды. Когда наш грузовик проезжал по улице, двери домов открывались, оттуда высывались головы и слышались возгласы: «Тхакин* Берн, тхакин Берн». Он был, очевидно, очень популярной личностью среди бирманцев. Не успели мы выйти из машины, как нас сразу же окружила толпа людей, жаждавших обменяться новостями. Я не понимал, о чем они говорили, но чувствовалось, что им весело.

Мне доставляло удовольствие смотреть, как удаляется наш ужасный грузовик, о жесткие сиденья которого я натер определенное место, но выдолбленный из дерева сигаровидной формы челн, стоявший на якоре в маленькой бухте, на котором нам предстояло совершить следующую часть путешествия, вряд ли был более комфортабельным. Челн, до предела нагруженный снаряжением и людьми (нас сопровождало несколько местных полицейских), на три четверти погрузился в воду. Стоило мне и Берну (оба «в весе пера») сесть в него, как челн чуть не затонул. У нас был подвесной мотор — Берн повсюду возил его с собой. Хла Дин уселся на корме, закрепил его, и лодка довольно быстро двинулась вперед.

Полицейский эскорт состоял из шести парней, одетых в шорты, гимнастерки и ботинки на резиновой подошве. Они, казалось, относились к этой поездке как к увеселительной прогулке.

Конлинпур, с моей точки зрения, не был городом — всего лишь несколько ферм, стоявших, далеко друг от друга, и ни одной лавки. И все же полицейские были рады этой поездке: она в какой-то степени вносила разнообразие в их скучную жизнь. С Берном они держались свободно и непринужденно, засыпали его вопросами. Казалось, полицейские изголодались по новым людям и новостям.

— Мне жаль этих парней, — в голосе Берна звучало сочувствие. — Они проводят в лесу многие месяцы и наслаждаются цивилизацией лишь в Порт-Блэре, когда ездят в главное управление местной полиции. А это случается так редко!

Приток был чуть шире основного русла; первые пол-

* Т х а к и н — господин (бирм.)

мили мы ничего не видели, кроме обрывистых глинистых берегов, обступавших нас с обеих сторон. Потом берега стали ниже. Открылся вид на пересеченную местность, заросшую диким кустарником, который окружали молодые мангровые деревья. Потом появились маленькие рогозы, все усыпанные пурпурными цветами. Они отражались на зеркально чистой поверхности воды. Пели соловьи, ворковали голуби, белые цапли лениво помахивали крыльями в безоблачном небе. Наиболее живописно выглядели зимородки, маленькие зеленые птички с синевато-стальными крыльями, не больше воробьев. Они вылетали из-за цветущих веток мангрового дерева, погружали голову в воду и снова взмывали вверх, держа в своих красных клювах маленьких морских шучек.

Красоты андаманского ландшафта на какое-то мгновение заставляют вас застыть в немом восхищении, но потом неожиданный резкий контраст вселяет страх в ваше сердце. Однажды мы любовались необыкновенной красотой пейзажа и размышляли, есть ли на земле уголки прекраснее этого, как вдруг, завернув за угол, оказались в ужасно мрачном месте: мангровые деревья разрослись и образовали огромный лес на берегах реки, а кроны деревьев так плотно сходились, что под ними было мрачно и темно. Удручающе действовала тишина. Мы, казалось, пробирались по огромной мертвецкой, и только шум лодочного мотора нарушал это безмолвие.

— Они страшные, эти болота, — сказал Берн. — А с наступлением темноты, когда появляются комары, становятся еще страшнее. Раньше сюда приводили провинившихся каторжников и оставляли на всю ночь. Утром они молили о пощаде. Укусы комаров, маленьких насекомых величиной с булавочную головку, приносили ужасные страдания. Все тело опухало и зудило потом несколько дней.

На полдороге мы свернули в боковую протоку. Здесь мангровые деревья низко склонялись над водой, и нам приходилось постоянно нагибаться. Постепенно лес становился все реже, мы опять плыли мимо рогоз. Протока быстро сужалась. Резкий поворот — наш мотор кашлянул в последний раз, и лодка со скрипом врезалась в илистый берег. Мы быстро соскочили на землю, радуясь возможности наконец вытянуть ноги.

Это был причал Тирура. Здесь мы провели ночь, предварительно выгрузив снаряжение, которое полицейские должны были отнести к месту будущего лагеря. Теперь можно было продолжать путешествие.

Облегченная лодка пошла быстрее, и мы очень скоро добрались до основного русла. Протэка в этом месте расширялась до ста футов и более, но теперь нам сильно мешали упавшие стволы мангровых деревьев, которые преграждали путь. Некоторые из них оказались настолько огромными, что приходилось прижиматься к самому берегу, чтобы обойти их. При одной мысли, что наш челн опрокинется в этой трясине, становилось страшно. Течение в протоке было сильным, а берега топкими, илистыми. Продолговатые булавовидные проростки мангрового дерева, падавшие с веток, тотчас же исчезали в этой грязи.

— Здесь так много мангровых деревьев, что их с лихвой хватило бы на все телеграфные и телефонные столбы нашей страны,— сказал Берн, показывая на необычайно высокие, прямые и ровные стволы деревьев. — Посмотрите, это девственный лес. До того как мы организовали свои форпосты, люди боялись приходить сюда.

И опять типичный для Андаман резкий контраст. Стоило нам свернуть, как мангровый лес неожиданно кончился и открылась широкая, залитая солнцем бухта Констанс-Бей.

Для встречи на берегу выстроились в ряд полицейские. Шум лодочного мотора предупредил их о нашем приближении. Они вошли в воду и подтянули к берегу челн, а мы босиком сошли на берег, спугнув сотни раков-отшельников, которые поспешно скрылись в норах.

Констанс-Бей — мелкая бухта около двух миль в диаметре, с трех сторон окружена живописным лесом. В том месте, где она соединяется с Бенгальским заливом, виднелась полоса белоснежной пены — здесь волны разбивались о подводные коралловые рифы. Во время полного прилива вода заливала берега, и окружающие бухту деревья, казалось, плыли в воде. При отливе то тут, то там появлялись песчаные отмели.

Форпост полиции — три бамбуковые хижины на сваях — расположился на южном берегу бухты. Мы поднялись в ближайшую из них, которая, по-видимому, слу-

жила клубом, и растянулись на постеленных на полу циновках, вдыхая прохладный, напоенный ароматом воздух. Мои веки стали смыкаться, но я заставлял себя бодрствовать. Вскоре появился желанный чайник с горячим чаем и полная тарелка крупных яиц. Берн, вероятно, заметил голодный блеск в моих глазах и потому тактично предложил:

— Ешьте хоть все. В этой части страны яиц полно, и они ежедневно подаются к столу.

— Что? Все эти? — спросил я, чтобы как-то скрыть смущение.

— И еще дюжину, если сможете. Птицеводство на Андаманах процветает, так как здесь нет хищников — ни шакалов, ни мангустов, ни рысей, нет даже коршунов, грифов и орлов. На всех наших форпостах разводят домашнюю птицу. Мы всячески поощряем это, поскольку птицеводство помогает решать продовольственную проблему.

Пока мы сидели и пили чай, полицейские вносили в дом продукты, которые мы привезли — мешки с рисом, картофелем, чечевицей, луком, ящики со спичками, сигаретами бири* и пакеты с различными приправами. Мешки были тяжелыми, но парни, смеясь и шутя, радостно таскали их, перенося из лодки в хижину, служившую одновременно кухней и кладовой для припасов. Продовольствие, по-видимому, прибыло вовремя, так как по окончании выгрузки капрал Джозеф подошел к нам и сказал:

— Сэр, мы ждали вас всю прошлую неделю. Я не знаю, что бы мы делали, если бы вы не приехали сегодня.

— Что случилось? Разве вы давно не охотились? — спросил Берн.

— Нет, почему же, охотились, но нам порядком надоело все время есть оленину. Риса очень не хватало.

Потом он заметил, что чайник опустел и пошел наполнить его.

— В этих джунглях полно пятнистых оленей и диких кабанов, — сказал Берн. — Наши парни сами добывают мясо. Они доходят до следующего поста, а по дороге

* Б и р и — сигареты кустарного производства.

охотятся на все, что попадается — птиц, зверей, — и даже ловят рыбу.

— А что происходит, когда полицейские наталкиваются на джарвов? Они стреляют или уходят восвояси?

— Согласно инструкции стрелять можно лишь в случае крайней необходимости. Довольно часто возникают осложнения. Но наши парни очень находчивы и действуют уверенно. Давайте, расспросим Джозефа. Джозеф, что произошло, когда вы встретили группу джарвов?

Джозеф поставил чайник и сказал:

— Мы их не видели. Их встретили люди с другого форпоста. — Он показал на восток. — Это произошло вот там. Джарвов было трое. Они, очевидно, охотились. Встреча была настолько неожиданной, что обе стороны молча стояли и смотрели друг на друга в крайнем изумлении. Через мгновение джарвы скрылись.

— А как джарвы нападают на противника: с близкого расстояния или издалека?

— По-разному, — сказал Берн. — Как правило, они вступают в рукопашный бой. Предпочитают нападать с копьями. Стрелы же пускают в ход в исключительных случаях, так как боятся потерять их. Они дорожат своим оружием, ведь железо им достать трудно. Джарвы отыскивают его среди выброшенных на берег обломков затонувших кораблей или подбирают то, что мы бросаем. Однажды я нашел наконечник копья, сделанный из лемеха плуга. Им, вероятно, понадобилось несколько месяцев, чтобы придать копью необходимую форму.

— Вы когда-нибудь видели джарвов? — спросил я Джозефа.

— Видел, — ответил он. — Но встретить их очень трудно: они тотчас же скрываются, как только заметят вас.

В это время на другой стороне бухты раздались два выстрела, приведшие всех полицейских в состояние крайнего возбуждения. Они поспешили на берег, сопровождаемые сворой собак. Зрелище, которое они увидели, было довольно жалким — сержант Хла Дин по шею в воде пытался добраться до сидевших на отмели чирков. После долгих усилий ему это удалось, и, хорошенько прицелившись из винтовки, которую он специально одолжил у Берна, сержант выстрелил. Чирки преспокойно поднялись в воздух и опустились на другой отмели.

Однако Хла Дин был упорным человеком. Нисколько не обескураженный, он опять последовал за птицами, которые, казалось, издевались над ним, проверяя, как метко он стреляет. Они заставляли его переходить от отмели к отмели, пока наконец не улетели в сторону дальней, труднодоступной заводи в северо-восточном углу, отделенной от бухты протокой. Сержант еще некоторое время беспомощно топтался у протоки, потом решил, что лучше пойти в джунгли за более легкой добычей.

— Он не подстрелит их. Птицы слишком умны,— заметил один из полицейских.

— Хла Дин подстрелит вместо них какую-нибудь другую птицу,— заверил Берн. — Он ведь бирманский охотник, а эти охотники никогда не отступают.

Я не мог понять, почему Хла Дин не стал переходить протоку вброд — она казалась неглубокой,— и спросил об этом Берна.

Берн показал рукой на то место, где джунгли вплотную подступали к морю, и сказал:

— Там расположена стоянка джарвов — такая же стоянка, какую мы видели сегодня утром.

— А как они переходят протоку? Может быть, переплывают на каноэ?

— Джарвы не знают каноэ. Они связывают несколько кустов и получается плот. Но здесь мелко, и во время отлива они переходят вброд. Раньше по этой бухте проходил их основной путь, но после того как мы устроили форпост, джарвы стали пользоваться другой дорогой.

После полудня мы вышли на прогулку. Прилив только начинался, и были видны новые отмели, на которых искали корм десятки бекасов и караваек. Приятно было ощущать под ногами мягкий песок и наблюдать за моллюсками различной окраски и формы, копошившимися на дне. Но я все время боялся споткнуться о корни молодых мангровых деревьев, напоминавшие паучьи ноги, которые то и дело ранили ступни.

— Взгляните, как растут мангровые деревья,— сказал Берн, поднимая с земли булавовидный проросток более фута длиной. — Проростки падают с дерева и сразу же наполовину уходят в землю, да так прочно, что волны не могут смыть их. Обратите внимание, они всегда наклоняются в сторону моря. Если бы не мангровые деревья, море давно бы опустошило Андаманские острова.

В этот вечер безмолвие окрестностей Констанс-Бей лишь изредка нарушалось криками чирков и тихими всплесками волн. То тут, то там слышались выстрелы из винтовки Хла Дина, но они лишь подчеркивали царившую в природе тишину. Обогнув рожицу мангровых деревьев, мы увидели и самого Хла Дина, с ног до головы в грязи, но с парой голубей в руке. Хла Дин так устал, что молча прошел мимо нас. Берн усмехнулся:

— Что я говорил? Он скорее умрет, чем вернется без добычи. А эти птицы пригодятся на ужин.

Погода на Андаманах очень капризна. Утром и весь день светило яркое солнце, а теперь, когда мы находились всего лишь в двухстах ярдах от форпоста, появились тучи и закрыли солнце.

— Кажется, пойдет дождь,— сказал Берн и, обернувшись ко мне, добавил: — Нам лучше поторопиться.

Мы побежали изо всех сил. И как только вошли в хижину, первые капли дождя забарабанили по крыше.

Ливень продолжался недолго, но был довольно сильным. Крупные капли с шумом разбивались о песок. Когда дождь кончился, Берн приказал Хла Дину подготовиться к отплытию наш челн, чтобы мы могли немедленно вернуться в Тирур.

— Если здесь начинаются дожди, никто не может сказать, когда они кончатся,— заметил он. — Да и течение в протоке становится очень быстрым. В прошлом году во время дождя два наших парня пытались переплыть в этом месте протоку, но утонули.

При вечернем освещении мангровый лес казался еще более жутким, а белые журавли, перелетавшие с дерева на дерево, напоминали привидения. Наш челн с трудом продвигался в этой зловещей тишине. Но вот наконец лодка врезалась в берег.

По прямой от Тирура до Констанс-Бей около двух миль, но как резко меняется ландшафт! В Тируре нет и намека на море. Он расположен в долине, зажатой между двумя холмами, густо поросшими лесом. Виднеются бесчисленные прямоугольники рисовых полей, через которые скот протоптал тропинку к фермам, находящимся у подножия холмов.

— Восемь лет назад эта долина была покрыта лесом,— сказал Берн, когда мы устало тащились по тро-

пинке.— Лес расчистили и долину заселили выходцами из Восточного Пакистана.

За фермами тропа огибала подножие холма. Солнце зашло, и долину окутали сумерки. Стало трудно продвигаться по тропинке, которую прорезали бесчисленные овраги. Но вскоре мы оказались возле форпоста и шли мимо хижин, освещенных фонарями.

Все, даже женщины и дети, обрадовались приходу Берна. Залаяли собаки и всполошили кур, которые начали дико кудахтать. Мне нравилась атмосфера, царившая в поселке,— точь-в-точь как в индийской деревне во время заката солнца — все казалось родным и знакомым.

Хижина Берна (а у него была собственная хижина) стояла на самом краю селения. Она была построена по бирманскому образцу, на сваях, а стены сплетены из бамбука. Мы, однако, расположились в шезлонгах на свежем воздухе. Около нас поставили низенький бирманский столик. Вскоре появился слуга, а следом за ним Тобо (по-бирмански «хозяин джунглей») — ласковая дворняжка, расположившаяся у ног Берна.

В Порт-Блэре я был страшно занят, и поэтому покой в Тиуре действовал благотворно.

Вечер приходит на Андаманы постепенно, сначала в золотом мареве заходит солнце, потом наступают робкие, тихие сумерки, которые сменяются бархатной темнотой ночи. Из-за соседних кустов доносится мелодичное стрекотание насекомых. Но жара пока еще не спадает, так как в долину не проникает морской бриз. Я стал постепенно снимать одну вещь за другой, пока не остался в одних шортах. Но теперь на меня набросились полчища каких-то насекомых.

— Здесь, кажется, масса москитов,— жалобно проговорил я, не переставая яростно чесаться.

— Это комары,— поправил Берна. — Как раз в это время они размножаются. Их можно выкурить только дымом.

Он позвал полицейских и приказал им развести огонь. Как только костер задымил, комары исчезли.

В ту ночь я заснул тяжелым, но приятным сном. Бамбуковый пол, на котором мы растянулись, был не менее удобен, чем пружинный матрац. Нас разбудило пение

птиц, доносившееся с холмов. Вскоре денщик Берна Алвис принес чайник с горячим чаем.

На следующий день мы должны были посетить форпост, в районе которого видели джарвов, шедших на охоту. Я радовался возможности встречи с ними.

Стояло чудесное солнечное утро. Форпост находился всего в четырех милях, и мы надеялись вернуться к полудню.

Вскоре после завтрака, состоявшего, как обычно, из крутых яиц и чая, мы тронулись в путь. Узкая тропинка вилась по склону крутого холма между высокими деревьями. Когда мы пришли на следующий форпост, расположенный на противоположном склоне холма, я окончательно выдохся. Отсюда открывался изумительный вид на долину. Джунгли начинались сразу же за расчищенным пространством. Деревья оказались такими высокими, что приходилось задираТЬ голову, чтобы увидеть их вершины. Подлесок был очень густым: здесь встречались все разновидности папоротников, мхов и ползучих растений, которые так тесно сплелись между собой, что мы вынуждены были идти гуськом.

— Это и есть дорога, о которой вы говорили?—спросил я Берна, шедшего впереди меня.

— Да.

— Здесь, очевидно, можно увидеть джарвов?

— Очень редко. Джарвы двигаются бесшумно и почти неприметно. Они буквально просачиваются через кустарник, следуя за своим вождем, который погибает листик или надламывает ветку, указывая, в какую сторону он пошел.

Тропа пересекла глубокую лощину у подножия холма. Берна показал на гряде гор:

— Вот здесь джарвы проводят ночь. Они устилают землю листьями и сидят на корточках.

Тропа была не только узкой, но скользкой и мокрой. А путь постоянно преграждали стволы упавших деревьев. Они были такие огромные, что приходилось перелезть через них.

Так мы шли на протяжении двух миль по самым труднопроходимым джунглям, в которых я когда-либо бывал. С листьев на нас капала роса и бесчисленные пиявки впивались в ноги. Пиявки были похожи на маленьких тоненьких червячков, и мы не замечали их до тех

пор, пока они не раздувались на наших ногах как пузыри. Сколько я их сбросил в это утро! Но хуже всего то, что после укуса пиявок оставались открытые ранки, которые сильно зудели.

Большей частью тропа шла в гору, но мы не ощущали этого, так как подъем был постепенным. Но вот достигли места, откуда тропа пошла под уклон и обогнула узкое ущелье, по которому протекал ручей. Около ста шагов шли вдоль берега. Внезапно джунгли кончились, и мы оказались на большой каменистой площадке, огражденной со стороны холма отвесной скалой, с которой низвергался водопад.

Приятно было вновь увидеть над головой солнце, и я предложил Берну устроить привал. Он согласился, но мы не присели до тех пор, пока один из полицейских не взобрался на валун, а двое других не обшарили окружавшие нас кусты и не объявили, что место вполне безопасно.

— Всего-навсего обычная предосторожность,— сказал Берн, садясь на землю и доставая из кармана трубку.

Выбранная нами площадка была прекрасна: разнообразные цветущие ползучие растения устилали землю, а орхидеи обвивали стволы деревьев. Джунгли казались ярким красочным пятном: на фоне различных оттенков зеленого виднелись мазки желтого, охры и пурпура. Водопад прямо просился на открытку. Голубоватая вода пенилась в водоеме, образовавшемся в ложине, и была такой чистой, что мы видели песок, лежащий на дне. Место было идеальным для пикника — здесь можно было отдохнуть, заняться спортом и развлечься.

Берн постучал по каменистой площадке, на которой мы сидели.

— Согласно одной теории,— сказал он, раскуривая трубку,— Андаманы являются южной оконечностью Араканского хребта, находящегося в Бирме. В далекие, незапамятные времена произошло гигантское землетрясение, в результате которого образовался Бенгальский залив. Андаманы остались на поверхности лишь потому, что они представляли собой наиболее возвышенную часть затонувшей горной цепи. Я не геолог, но когда смотришь на гладкую скалу, вроде этой, посреди бескрайнего моря, начинаешь думать, что эта теория не так уж беспочвенна. — Он обхватил руками колени. — Взгляните на де-

ревья и на место, где они растут. Деревья приспособились к жизни на камнях и поэтому у них появилась такая крепкая опора. Несомненно, что Андаманы — не коралловые острова, у них прочное скальное основание.

Солнце светило так ярко, что был виден каждый предмет на каменной площадке. Берн вынул фотоаппарат и сделал несколько снимков. Вскоре небо быстро заволокли черные тучи. Почувствовав влажный ветер, Берн сказал:

— Боюсь, что вот-вот хлынет дождь. Пойдем дальше или вернемся назад? Ведь до следующего форпоста еще добрых полторы мили, а дорога в такую погоду становится ужасной.

Я уже стал привыкать к причудам андаманской погоды. Здесь нельзя с уверенностью сказать, когда будет облачно, а когда ясно. Поэтому мы предпочли вернуться в укрытие, так как дожди здесь бывают очень сильными.

— А я так надеялся увидеть джарвов! — разочарованно проговорил я.

Берн не смог удержаться от смеха:

— Мистер Вайдья, я провел в этих лесах десять лет и видел их только дважды. Если бы вы увидели джарвов во время своего путешествия, это было бы невероятной удачей.

Итак, мы повернули назад. Но возвращались уже другой дорогой. Она шла вокруг подножия холма и изобиловала препятствиями, но была вдвое короче первой. Ветер крепчал, и уже на подступах к дому слышались раскаты грома. Вскоре начался настоящий потоп.

Дождь лил и лил, он буквально затопил всю долину. Пространство между сваями под нашей хижинкой превратилось в большой пруд. Однако после полудня небо прояснилось, и мы сразу же покинули форпост. Когда мы прибыли к месту нашей выгрузки, опять появилось солнце. Грузовика, на котором мы должны были возвращаться в Конлинпур, не ждали раньше шести часов, поэтому решили провести оставшееся время в Констанс-Бей, чтобы немного пофотографировать. Однако погода опять стала портиться и, когда мы прибыли в Констанс-Бей, морозящий дождь загнал нас в хижину.

Около пяти часов дождь прекратился, наступило временное затишье, и мы тотчас же отправились в путь: Хла Дин и двое полицейских, сопровождавших наш багаж,—

на лодке, а Берн и я пошли по береговой дороге, построенной японцами.

Во время оккупации острова японцы основали здесь форпост, чтобы предотвратить возможную высадку десанта союзников с моря, а дорогу построили для того, чтобы доставлять по ней снаряжение и боеприпасы. После окончания войны дорогой перестали пользоваться, и во многих местах покрытие потрескалось. Берн высчитал, что дойдем за полчаса, но приходилось обходить столько луж, что мы потратили вдвое больше времени. В Конлинпуре нас уже ждал грузовик, а через два часа впереди замигали огоньки Порт-Блэра.

Глава VI

На охоте

Через две недели Берн позвонил мне по телефону:

— Должен вас огорчить. Пароход, пришедший с материка, не привез топлива для «Чолунги». Думаю, что наше судно «Нилкамал» по-прежнему останется в распоряжении властей.—Затем, не дожидаясь ответа, добавил: — Я запланировал четырехдневную поездку в Тирур. Хотите присоединиться?

Я тотчас же согласился. Мне понравилось это место.

В путь тронулись после полудня. Когда добрались до места выгрузки, солнце уже садилось за холмом. На форпосте заливались соловьи, беспрерывно летавшие в джунгли и обратно. Я никогда раньше не видел столько соловьев и не слышал такого громкого пения. Возможно, это объяснялось тем, что начался период спаривания. Пес Тобо встретил нас у ворот и с покровительственным видом проводил до места, где нас ждал ужин.

Воздух был напоен ароматами, пейзаж действовал успокаивающе, а ужин — особые бирманские блюда, приготовленные женой Хла Дина, — был вкусным, но тяжелым. Мною овладела сонливость и захотелось пораньше лечь спать. Оставив Берна читать детективный роман, я вошел в хижину и увидел, что Аунг Тхеин, прозванный «стариком» за вечно серьезный вид, стоит на коленях и молится перед дешевым изображением Будды. Я тихо вышел.

Когда я рассказал об этом Берну, тот, оторвавшись от книги, посоветовал:

— Пусть кончит свою молитву. Аунг Тхеин — странный, эксцентричный парень — приходит в нервное возбуждение из-за всякой ерунды. Однажды, разозлившись,

он рассек себе руку, потому что никак не мог разрубить дерево. В другой раз выстрелил в своих коллег, которые не хотели просыпаться утром, когда он пришел. За это его посадили в тюрьму, где Аунг Тхеин привык читать молитвы. Я никогда не мешаю ему. Ведь молитвы действуют на него успокаивающе.

— А судимость не помешала ему снова поступить на службу в полицию?

— На Андаманах судимость — не препятствие для занятия какой-либо должности. Кроме того, нам предоставлено право самим решать вопрос о найме. Ведь требования у нас особые. Видите ли, нам нужны не изнеженные щеголи, а крепкие, выносливые парни, привыкшие терпеть лишения. Они должны чувствовать себя в джунглях как дома. Поэтому мы предпочитаем ранчи — горцев из штата Бихар*. Нам подходят ранчи и бирманцы — они привыкли к такой жизни у себя на родине.

На следующее утро мы отправились в Констанс-Бей охотиться на черепаха. Ярко светило солнце. Парни из полиции разгружали плот из свежесрезанного бамбука. Когда они заметили нашу динги, Бенедикт, Субраманиям и Мария — лучшие охотники на черепаха — направились к нам, чтобы помочь вытащить лодку на берег. Они, очевидно, уже дожидались нас, так как поспешно взяли свое снаряжение — длинную бамбуковую палку и несколько мотков веревки с гарпунами, — прыгнули в челн и направились в сторону бухты. Мы последовали за ними.

Наши лодки высоко подпрыгивали на волнах прилива, но это не мешало охотникам занять исходные позиции: Бенедикт с гарпуном, насаженным на палку, расположился на плоском носу лодки, Субраманиям — сзади с мотком веревок, а Мария — на корме.

При охоте на черепаха, впрочем как и при всякой другой охоте, определенную роль играет элемент удачи. Мы начали охотиться на западе, куда животные приплывают вместе с приливом из открытого моря, но, не обнаружив ни одной черепахи, двинулись сначала на север, потом на юг. Двигались очень медленно, так что охотники могли производить тщательные поиски. Долгое ожидание, по-видимому, надоело Бенедикту, который, свесившись с

* Речь идет, по-видимому, о племенах, расселенных в южной части штата Бихар, в частности в округе Ранчи.

борта, пристально смотрел в воду: оно надоело и Берну, застывшему в лодке с фотоаппаратом на груди — он жаждал запечатлеть охоту на пленке.

— В прошлый раз мы сразу же увидели черепах, — проговорил Берн, — но, когда надо, их, как назло, нет.

Не успел он сказать это, как Бенедикт жестом приказал Марии остановиться и метнул гарпун. Но нам не повезло — добыча ушла.

— Ошибся всего на несколько дюймов, — со вздохом проговорил Бенедикт, закрепляя наконечник гарпуна.

— Возвращайтесь на более мелкие места — там, может быть, что-нибудь и попадетя, — посоветовал Хла Дин.

Мы повернули на восток. Прилив уже достиг средней отметки. Приближалось полнолуние. Вода все прибывала. Наши суденышки подпрыгивали высоко на волнах, захлестывавших корму, но это нисколько не влияло на охотников, замерших словно изваяния. Вдруг в какую-то долю секунды тело Бенедикта изогнулось и выпрямилось — гарпун полетел в воду.

Видимо, он попал в цель, так как веревка в руках Субраманияма начала быстро разматываться. Когда она уже совсем погрузилась в воду, лодку потащило дальше. Напрасно Субраманиям пытался остановить ее, натягивая веревку изо всех сил. В конце концов ярдов через триста лодка остановилась, и Бенедикт, который насадил новый наконечник на гарпун, снова метнул его. И опять нас страшно понесло, но на этот раз как будто ненадолго. Лодка закружилась на месте и остановилась. Охотники начали вытаскивать веревку и, когда вся она оказалась в лодке, свесились за борт и стали шарить руками в воде. На поверхности появилась черепаха, сначала задние лапы, потом туловище; ее панцирь был пробит гарпунными наконечниками. Черепаха оказалась огромной и тяжелой, и нашим парням пришлось немало потрудиться, чтобы вытащить ее из воды. Когда они наконец втолкнули черепаху в лодку, то сами свалились без сил.

Во время охоты Берн непрерывно щелкал затвором фотоаппарата; и, как только полицейские пришли в себя, он сказал им:

— Вам придется убить еще одну. Бенедикт, вы слишком быстро метнули гарпун, и я не успел сфотографировать.

Слова Берна прозвучали бессердечно. Полицейские лишь слабо кивнули головой.

Свою жертву мы обнаружили в восточной части бухты и никак не могли понять, как она утянула нас на запад, где было гораздо глубже. Поэтому пришлось возвратиться в центральную часть бухты. Погода благоприятствовала нам; солнце светило ярко, но жары не ощущалось, море было беспокойным, но не штормило, а сильный ветер казался даже приятным.

Счастье, по-видимому, улыбнулся нам: черепахи сами поднимались на поверхность. Они высовывали головы и некоторое время медленно плыли, а потом ныряли. Бенедикт внимательно смотрел в воду, но, когда он занес гарпун, Берн вдруг закричал:

— Подожди, я подойду поближе.

Но неожиданное происшествие испортило все дело: наш мотор вдруг заглох и его никак не удавалось завести. Некоторое время Бенедикт еще продолжал держать гарпун наготове, но, убедившись, что мы не в состоянии двигаться, решил отдохнуть. Обнаружив в моторе серьезные неполадки, Берн уныло проворчал:

— И надо же было ему сломаться в такое время! — Затем раздраженным тоном он обратился к Хла Дину: — Говорил тебе взять с собой запасной мотор! Всему виной твое упрямство!

Хла Дин, ни слова не говоря, принялся разбирать мотор. Он вытащил несколько дисков, подул на них, потом вставил на место, потянул за веревку, и мотор заработал.

Теперь, к нашему удовольствию, мы видели черепах повсюду. Бенедикту это, вероятно, не очень нравилось; когда его спросили, почему он не воспользуется благоприятной ситуацией, охотник сказал:

— Я не могу охотиться на плывущих черепах. Они должны лежать на твердом грунте, иначе их не пробить гарпуном.

В конце концов он улучил удобный момент, лодка остановилась, и гарпун стремительно полетел в воду.

— Снял, теперь снял! — закричал Берн, обезумевший от радости — ему удалось сделать снимок, о котором он мечтал всю жизнь.

Мы разделяли его восторг. Лодка плыла на запад. Загарпуненные черепахи, как мы успели заметить, искали спасения в открытом море. Нашу лодку, совершенно по-

терявшую управление, уносило все дальше и дальше. Мы изо всех сил старались не отставать от полицейских, а когда в конце концов догнали их, то увидели, что Бенедикт стоит на носу в довольно мрачном настроении: оказывается, здесь было слишком глубоко и гарпунной веревки уже не хватало. Субраманиям пытался ему помочь. Стараясь вытащить черепаху на мелкое место, он дергал изо всех сил за веревку, но черепаха не двигалась с места. Мы чувствовали себя такими беспомощными! Хла Дин предложил прибегнуть к последнему средству — дать веревку нам, чтобы отбуксировать черепаху в направлении берега. Но, пока мы собирались что-то предпринять, Бенедикт уже нырнул в воду. На минуту, показавшуюся нам вечностью, мы потеряли его из виду и уже начали сомневаться в разумности его поступка, как вдруг Бенедикт появился на поверхности, держа перед собой черепаху, как щит. Мы понимали, какую тяжелую борьбу ему пришлось выдержать, ведь черепаха сопротивлялась изо всех сил. Но Бенедикт крепко вцепился в нее и толкал к лодке до тех пор, пока Субраманиям и Мария не помогли ему. Они все вместе схватили черепаху, с большим трудом вытащили из воды и, как мешок, бросили в лодку.

Эта черепаха была крупнее первой и ее панцирь оказался шире лодки. Голова ее свисала за борт, а рот, как у астматика, то открывался, то закрывался, судорожно хватая воздух.

Последняя охота была настолько напряженной, что даже мы почувствовали себя страшно усталыми. Некоторое время сидели спокойно, а когда отдохнули, то пришли к выводу, что уже по горло сыты охотой на черепах. Наши спины устали от трехчасового неподвижного и напряженного положения, да и Хла Дин убедился, что мяса черепах вполне достаточно для двух форпостов. Поэтому было принято решение вернуться, но разными путями, так как сержант имел свои особые планы. Он пристально смотрел на чирков, гнездившихся на восточном берегу бухты, возле устья протоки. Хла Дин собирался взять дробовик и отомстить за свои промахи в прошлый раз. Итак, наша динги поплыла на восток, а полицейские с убитыми черепахами получили приказание вернуться на форпост.

До восточного берега бухты было около мили, но прилив помог нам добраться за пять минут. Чтобы не спугнуть птиц, остановились в добрых пятистах ярдах к югу

от гнезд. Мы остались в лодке, а Хла Дин пошел вброд и скрылся на берегу в роще панданусов. В течение четверти часа ничего не было слышно, потом раздался выстрел, чирки беспорядочно взметнулись ввысь, а на земле остались лежать две птицы. Летящие чирки были удивительно красивы — они напоминали разноцветные гирлянды на фоне гладкого, чистого неба. Птицы не улетели далеко — сделали всего один или два круга и снова опустились в устье. И тотчас же раздался второй выстрел, чирки опять взлетели, но, хотите верьте, хотите нет, снова вернулись на прежнее место. Третий выстрел: ужасное кудахтанье, однако чирки снова возвратились туда, где их ждала смерть. Это соответствовало планам Хла Дина. Он знал: раз солнце сильно печет, птицы не могут летать на дальние расстояния. К тому же был прилив, все отмели скрылись под водой и чиркам негде было спрятаться. Вновь и вновь возвращались птицы в устье, становясь легкой добычей нашего сержанта. Когда в конце концов из-за отсутствия патронов стрельба прекратилась, выяснилось, что за утро Хла Дин смог сделать только дюжину выстрелов. Берн и я подсчитали трофеи — четырнадцать чирков за каких-то полчаса. Невероятная удача!

Мы помогли ему собрать птиц, причем только тех, которые упали возле берега. Чирков, которых течением отнесло в более глубокие места, Хла Дину пришлось доставать самому. Он был настолько окрылен успехом, что бросился в воду в одежде.

Одну птицу поймать было нелегко. Хла Дин ранил ее, она не могла летать, но сил у нее еще оставалось достаточно. Чирок уплывал все дальше и дальше. С огромным трудом Хла Дин подплыл к ней на близкое расстояние, но птица нырнула и надолго скрылась под водой. Эта игра «поймай меня» продолжалась бы весь день, если бы совершенно неожиданно не вмешалась третья сила — пустельга, хищно кружившая над легкой добычей. Чирок перехитрил и ее. Положение становилось критическим: Хла Дину следовало думать и действовать незамедлительно. Не теряя времени попусту, он вернулся на берег и, взяв винтовку Берна, выстрелил в хищника. Пустельга поспешно ретировалась, а чирок был сражен этим удачным выстрелом. Вернувшись с добычей, Хла Дин сказал: «Теперь в лагере будет много мяса». Вот уж поистине настоящий бирманский охотник!

Черепашки были окончательно добиты в тот же день. Делалось это жестоким и ужасным способом. В силу особенностей нервной системы черепахи очень живучи. Наши парни вытащили их на берег неподалеку от хижин и перевернули на спины, чтобы черепахи не могли двигаться. Было очень неприятно смотреть, как животные мучительно корчились под палящим солнцем, и мы попросили поскорее избавить их от этих мучений.

На Андаманах существует поверье, что черепаху можно убить лишь одним способом — пронзив ее мозг. Поэтому Бенедикт воткнул длинные иглы в глаза черепах. На песок упали крупные капли крови. Но черепахи все еще были живы и судорожно дергали лапами. Тогда, как будто одного ослепления было недостаточно, — на них накинулись собаки и стали вгрызаться животным в брюхо. Это было уже слишком и нам пришлось отогнать их.

Взяв острый нож, Бенедикт стал отрезать большие куски мяса и бросать их на джутовый мешок. Вскоре выросла гора красного мяса — его было очень много. А животные не умирали еще долго: даже когда у них были вынуты и выброшены кишки, сердца продолжали биться.

В Тируре Алвис употребил все свое искусство, чтобы приготовить суп, но я не мог его есть. И не потому, что видел, как убивали черепах, — просто от бульона пахло тиной, и он был слишком крепким. Мясо черепахи, по-видимому, следует долго вялить, а затем варить в нескольких посудинах, несколько раз при этом меняя воду. Тогда оно не будет таким жирным.

Когда мясо доставили на форпост в Констанс-Бей, там отказались взять его, заявив, что черепашье мясо никто не любит. Но это было лишь предлогом. В действительности же ранчи всегда отказываются от мяса земноводных, так как, по их поверьям, от его употребления они якобы утрачивают мужскую силу. Мы не стали настаивать.

На следующее утро, собираясь на охоту, долго сгоняли собак и задержались с выходом. Полицейские с форпоста Констанс-Бей просили нас привезти с собой собак, так как их было там недостаточно для поисков животных в таких непроходимых джунглях. Трудность состояла не в том, чтобы набрать нужное количество собак, а в том, чтобы отогнать ненужных. Мы швыряли в них камнями,

оттаскивали в другое место, но они все равно следовали за нами до самой пристани.

С наступлением лета наблюдать за птицами на острове становится все интереснее. Все утро я смотрел, как дятел доставал червей из гнилой ветки мохвы, а малиновки и пчелоеды летали вокруг него и весело щебетали. Голуби и белые цапли встречались в Тируре повсюду, а вот кукушку я услышал впервые. Всю ночь она куковала на холме, расположенном к северу от нас, а утром из соседней долины ей стала отвечать другая. Но самыми великолепными были две певчие майны, кокетничавшие на ветвях хлопкового дерева. Они были настолько поглощены друг другом — то переговаривались, то скрещивали клювы, — что вряд ли заметили нашу динги, проплывшую под ними.

— Как вы думаете, смогут ли охотники поймать для меня пару таких птиц? — спросил я Берна, показывая на великолепных пернатых, родина которых Юго-Восточная Азия.

— Попросите меня лучше о чем-либо другом, — ответил Берн. — Местное население не умеет ловить птиц, так как они ими не интересуются. Видели ли вы хоть одну птицу в клетке в Порт-Блэре?

В Констанс-Бей многие охотники решили отложить охоту, поскольку бóльшая часть утра уже прошла: ведь в жаркие часы животные прячутся в укромных уголках и их трудно выгнать из густых зарослей. Таким образом, у нас оказалось два или три свободных часа, и я предложил Берну сходить искупаться.

— А почему бы нет? — ответил он с энтузиазмом. — Пойдемте в бухту джарвов. У нас здесь грязный песок, а там очень хорошо.

Бухта джарвов находилась за северным мысом. Начался прилив, и подул порывистый ветер. Наша динги как бы отплясывала на волнах нелепую румбу. И все же погода стояла хорошая. В доказательство этого над носом нашего суденышка пролетела какая-то птичка. Она вылетела из кустов, которые росли на двух скалах в центре бухты и, то проносясь низко над водой, то взмывая высоко в небо, полетела к берегу. Птичка казалась такой веселой и беззаботной, что, очарованный, я долго наблюдал за ней. Но через мгновение резкий порыв ветра закрутил ее и прижал к воде.

— Это морская ласточка — сильная и выносливая птица, — сказал Берн. — Вот увидите, она снова взметнется ввысь. — И действительно, в следующее мгновение птица поднялась в воздух и продолжала свой полет как ни в чем не бывало, такая же веселая и игривая.

Возле рифов вода бурлила, грохочущие буруны разбивались о подводный коралловый лабиринт, обрушивая на нос массу воды. В открытом море волны бушевали еще сильнее, наша лодка то взлетала вверх, то падала вниз, но не плавно, как игрушечная лошадь-качалка, а резкими толчками, с глухим стуком и всплеском. К счастью, бухта джарвов находилась рядом, справа от нас.

Сзади устрашающе ревели море, а впереди открывался чудесный вид на длинный, почти бесконечный белоснежный песчаный пляж, окаймленный узкой полоской леса, окрашенного в желтые, пурпурные, красные и оранжевые цвета. Пейзаж приобрел сказочное очарование, когда из тени ветвей показались олени и легкими прыжками скрылись в лесу, лениво покачивая рогами.

На какое-то мгновение я пожалел, что не взял с собой ружье — животные могли стать отличной добычей. Однако здесь, в лесу, сама мысль об этом казалась чудовищной и неуместной. Но, может быть, напрасно я так подумал. Не была ли судьба оленей предрешена — ведь они скрылись в направлении деревни джарвов?

Но Берн сказал:

— Территория джарвов стала хорошим прибежищем для оленей. Их развелась здесь тьма-тьмущая. И все потому, что джарвы даже не прикасаются к оленине.

— Странно, — сказал я. — Принято считать, что аборигены едят мясо любого животного.

— Э, нет. Джарвы едят только мясо диких кабанов, возможно потому, что Андаманы — родина диких кабанов, а пятнистые олени были завезены сюда с материка. Более пятидесяти лет назад чиновник лесного департамента выпустил в лес четыре пары пятнистых оленей. И как они размножились! Теперь их, должно быть, десятки тысяч. Олени наносят огромный ущерб хозяйствам фермеров.

— А почему бы вам не развести хищников для уничтожения оленей?

— Несколько лет назад мы попытались это сделать, но из этого ничего не вышло. В джунгли выпустили пару

леопардов, однако, никто не знает, что с ними стало. Никто их больше не видел. Возможно, их убили джарвы или же они умерли естественной смертью. Сейчас власти не хотят ввозить хищников, потому что долины заселяются. Опасаются, что хищники станут размножаться, как олени, и тогда жизнь поселенцев станет невыносимой.

По мере приближения к берегу цвет воды менялся — вначале она была зеленой, потом пастельно-серой и, наконец, стала такой прозрачной, что мы видели каждую песчинку на дне, а в местах, где над водой возвышались подводные скалы, мы наблюдали, как слегка покачиваются морские уточки и колеблются водоросли. В пятидесяти футах от берега мы бросили якорь, и я бросился в воду.

Немного поплавав, я решил полежать — окружающая обстановка действовала располагающе — и с наслаждением подставил солнцу свою спину, а ласковые волны то и дело набегали на меня. Так приятно было зарыться в прибрежный песок!

— А вы не собираетесь купаться? — спросил я Берна, который дремал в лодке.

— Нет, — сказал он с усмешкой. — Я становлюсь слишком стар для такого рода развлечений.

На обратном пути мы миновали какие-то бугры, которые окаймляли берег примерно в тридцати футах от того места, где стояла на якорь наша динги. Некоторые из них при нашем приближении начинали качаться. Один качался так сильно, что оторвался от своего основания и проплыл около двадцати футов, махая «крыльями», как птица. Когда наша лодка поравнялась с «бугром», он поднял муть со дна, словно маскируя свое движение. Я не мог понять, что это такое.

Берн наблюдал за происходящим с сосредоточенным вниманием.

— Какая удача, что вам удалось увидеть их, — с волнением произнес он. — Это электрические скаты, чрезвычайно опасные.

Все больше электрических скатов «оживало». Они выплывали из воды вокруг нас и поспешно скрывались в отдалении. Казалось, целая колония скатов переселилась сюда, так как здесь было множество раковин и моллюсков, которыми они питались. Шум мотора, вероятно, встревожил их, и они старались уйти с нашего пути. Меня

особенно поразили их размеры, самый маленький был величиной с веер, а самый большой — в половину нашей лодки, настоящее чудовище.

— Как они нападают? — спросил я Берна. — У них, как я заметил, очень маленькие рты.

— Они не кусают, как акулы, — ответил Берна, — а ударяют своим хвостом. Удар очень сильный, скат может переломить пополам человека.

Наша охота началась неудачно. Мы опоздали из-за того же, что и в Тиуре: вся свора дворняжек желала бежать за нами, даже крохотные круглые щенки, едва научившиеся бегать. Удержать их было очень трудно. К нам присоединились еще пять полицейских с форпоста, и динги оказалась нагруженной до предела. В этой тесноте собаки, а их было семь, желали гулять там, где им хотелось. Но мы все терпели и не жаловались, потому что в андаманских джунглях нельзя охотиться без собак, так как только они могут поднять дичь в густых зарослях.

Мы направлялись на маленький островок, находившийся между устьем протоки, где вчера утром Хла Дин охотился на чирков, и другой протокой, текущей на юг. Был отлив и обнажились бесчисленные песчаные отмели. Чтобы достичь берега, заросшего мангровыми деревьями, нам пришлось сделать большой крюк. Привязав динги к дереву, мы стали осторожно пробираться по лабиринту, образованному подпорками мангровых деревьев, боясь упасть в болото под ними. Меня очень удивило, что собаки делали то же самое, но гораздо быстрее, и, когда мы пересекли болото, они уже были в джунглях.

Джунгли были непроходимыми, и тропы в них прорубали только охотники. Мы шли, все время оберегая голову, руки и ноги: ведь со всех сторон нас окружали кусты с шипами и птерокарпус, о который можно было обжечься. Временами мы попадали в такую непролазную чащу, что полицейским приходилось прорубать проход топорами. В довершение почти весь путь изобиловал подъемами и спусками, причем подъемы достигали высоты двухэтажного дома.

В джунглях собаки разбежались в разные стороны, и мы все время прислушивались, не раздастся ли лай. На Андаманах охотятся так: собаки бродят поодиночке, обнюхивают каждый куст, а когда обнаружат добычу, начинают сзывать всю стаю. Затем они окружают зверя

и не выпускают до прихода охотника. Тогда собаки расширяют круг, чтобы охотник мог прицелиться и выстрелить. Они очень упрощают охоту — все сводится к стрельбе по почти неподвижной мишени.

Мы бродили уже час и совершенно выбились из сил — дорога была ужасной. На первой же поляне я свалился в изнеможении.

— Берн,— сказал я,— давайте как можно скорее вернемся обратно, я умираю от жажды — забыл взять с собой фляжку.

Берн на минуту задумался.

— Давайте поищем, не сумеем ли мы здесь как-нибудь утолить жажду,— сказал он, оглядываясь вокруг.

— Нет уж, спасибо,— воскликнул я в ужасе.— Не буду пить и капли здешней воды. Я знаю, какие страдания приносит дизентерия.

— Эта вода чище, чем хлорированная городская,— заверил он. Затем, повернувшись к Хла Дину, сказал что-то по-бирмански.

Хла Дин в это время безуспешно пытался подстрелить плодоядного голубя, но, услышав слова Берна, отступил свой нож — дхау и срезал длинный стебель тростника, росшего между двумя деревьями. Берн взял его, наклонил и попросил меня открыть рот. Из стебля потекла чудесная чистая вода, чуть-чуть кисловатая на вкус. Четыре или пять глотков — и жажды как не бывало.

— В Бирме мы называем этот тростник «спасителем жизни»,— сказал Берн, отбрасывая стебель.

Я был заинтригован.

— Любой дикий тростник выделяет воду? Или только особая разновидность? — поинтересовался я.

— Да нет, любой. Стебель такой длины, как тот, из которого вы пили, дает около стакана воды.

Площадь острова была не более ста акров, и мы за короткое время обошли, должно быть, всю его территорию.

Однако собаки лаяли всего один раз, да и то тревога оказалась ложной. Почему-то здесь не было никакой дичи. А мы думали, что на острове много кабанов и оленей.

Небольшое углубление на поляне объяснило нам все. Бенедикт внимательно осмотрел его и, удрученно покачав головой, сказал:

— Как можно рассчитывать найти здесь зверей, когда единственный источник воды на острове иссяк?

Шел уже шестой час, надвигались сумерки, и мы решили, не теряя времени, вернуться домой, так как большая часть пути пролегла по извилистым и часто темным охотничьим тропам.

Полицейские не были разочарованы, потому что охота для них — обычное занятие, не более интересное, чем, скажем, сбор овощей на огороде.

Это было наше последнее утро в Тируре. Днем мы собирались уехать. Пока полицейские укладывали вещи в хижине, я сидел на открытом воздухе и любовался холмами, поросшими лесом. На Андаманах деревья достигают большой высоты — от ста до двухсот футов, иначе они погибнут, их заглушит густой подлесок и им не удастся пробиться к солнечному свету — источнику жизни. Временами ветер начинал раскачивать кроны деревьев, и тогда во все стороны летели семена. Пушинки хлопкового дерева плыли, как мыльные пузыри, семена четочника вращались, как винты вертолетов, а семена птерокарпуса катились по земле, как диски, и оказывались далеко от своих «родителей». Так природа предотвращает «перенаселенность» в этой чаще.

Голуби, рассевшись на ветках, грелись на солнышке. С холмов доносились крики попугаев. Белый аист перелетал с вершины на вершину и наконец поднялся в воздух и исчез в направлении гор в поисках мангровых деревьев. Поля и луга изобиловали цветами: лютиками, маргаритками, одуванчиками, лилиями. Вокруг порхали маленькие и большие бабочки. Кругом все было зеленым, за исключением территории форпоста, где рос красный жасмин, склонявший к земле свои безлистные ветви, усеянные молочно-белыми цветами, аромат которых наполнял воздух. Да, трудно было уезжать из Тирура.

Но вот пришел Берн и сообщил:

— Все готово к отъезду. Оставим багаж в Конлинпуре, а к вечеру сядем на грузовик в Порт-Муате. Давайте проведем остаток дня на Тармугли — одном из двухсот прибрежных островов.

Вода в протоке спала, семена хлопкового дерева проплывали мимо нас, как вальсирующие куколки в кринолинах. Берн внимательно посмотрел на набежавшие волны и сказал:

— Кажется, впереди идет какое-то судно.

За излучиной протоки мы натолкнулись на каноэ, в котором дремал какой-то бирманец, склонившийся над единственной удочкой.

— Что-нибудь поймал? — спросил Берн.

— Одну, — пробормотал сонный рыболов.

Бухта в Тармугли — небольшая, но пляж чудесный, песчаный, затененный лесом. Закрепив лодку носом к морю, Хла Дин выпрыгнул из нее и направился в лес, захватив с собой винтовку двадцать второго калибра, принадлежащую Берну. Берн и я отправились на берег моря: он решил собирать раковины, а я — поплавать.

— Я отвезу их Джин, она делает из них куколки, — объяснял Берн, копаясь в песке. — Все куколки, которые вы видели в нашем доме, сделаны ею.

Бухта оказалась мелкой, и плавать было трудно. К тому же мне портила настроение японская мина, лежащая вблизи берега. Она была старой и ржавой и, вероятно, совершенно безвредной, но не внушала доверия: такие штучки не раз взрывались. Серые журавли с невозмутимым спокойствием сидели на ее верхушке и чистили клювами перья.

— Власти намереваются выдавать бесплатные лицензии всем желающим осваивать эти острова, — сказал Берн. Его руки были полны раковин. — Я хотел бы построить в этом месте хижину и вместе с Джин проводить здесь отпуск.

Берн был на четыре дюйма выше меня и бухта казалась ему еще мельче. Поплавав немного на спине, он пробормотал:

— Это не купание, а ползание по песку.

Полотенца не пригодились, ветер быстро обсушил наши тела. Под деревом Алвис приготовил горячий завтрак, состоявший из жареной черепахи, карри* из чирка и печеной рыбы (эту рыбу удалось поймать на блесну). Мы принялись за еду, я не переставал восхищаться — чего только не могут сделать парни из полиции в любых условиях!

На обратном пути море по-прежнему бушевало. Неподалеку от берега Берн показал на остров и заметил:

* Карри — распространенное индийское блюдо; приправа из лущеного гороха или риса со специями.

— В народе существует поверье, что этот остров рождает скалы. Раз в несколько дней отпадают они от него.

Солнце уже село, когда мы увидели очертания Порт-Муата, который оказался всего-навсего ветхим причалом, сделанным из мангровых бревен. На берегу нас ждал грузовик. Хла Дин и Бенедикт распрощались с нами и повернули динги, чтобы вернуться на свои форпосты.

Глава VII

Остров каменного века

Это было во время приема на борту индийского военного судна «Инвестигейтор», прибывшего в район Порт-Корнуолиса (Северный Андаман) для съемки прибрежной полосы. Перед отплытием на материк корабль зашел в Порт-Блэр с визитом вежливости. Верховный комиссар Айяр отвел меня в сторону и сказал:

— У меня есть для вас два предложения. Вы можете поехать со мной и моей женой в Шоал-Бей или же присоединиться к группе Управления развития*, направляющейся на остров онгхи. Что бы вы предпочли?

— Остров онгхи, — недолго раздумывал я.

Я многое слышал о первобытном племени онгхи, живущем на Малом Андамане — самом южном острове архипелага. За исключением нескольких чиновников, ни одно гражданское лицо не бывало на острове, хотя сами онгхи иногда навещают Порт-Блэр. С тех пор как государственное судно спасло нескольких онгхи — команду небольшого баркаса, потерпевшего крушение, — и доставило их на Малый Андаман, племя перестало вести замкнутый образ жизни. Раз в год группа островитян приплывает в Порт-Блэр, преодолев на своих примитивных суденышках восемьдесят миль пути по открытому морю. Пробыв в городе день или два и насладившись гостеприимством горожан, они возвращаются домой с грудой подарков. Говиндараялу показал мне несколько

* Речь идет о местном отделении Государственной национальной службы развития, деятельность которой направлена на повышение агротехнического уровня сельского хозяйства, подъема культуры и образования в сельских местностях.

фотографий онгхи, снятых во время одного из таких визитов. Они очень заинтересовали меня.

— На каком языке вы объясняетесь с ними? — спросил я.

— На языке жестов, — ответил Говиндараялу. — А о чем с ними разговаривать? Они ничего не привозят для продажи, а мы им даем тоже очень мало — спички, сахар, чай, куски материи и тому подобное. Но вот что они очень любят так это табак: они заядлые курильщики.

В Порт-Блэре создано отделение государственного департамента антропологии и этнографии для изучения истории и жизни коренного населения островов. Я встретился с директором отделения мистером Чоудхари, красноречивым человеком лет под сорок. Он с увлечением рассказывал об онгхи.

— Это, действительно, интересный народ. Во всем мире вряд ли осталось хоть одно такое племя. Они живут как жило человечество двадцать тысяч лет назад. Для них ничего не изменилось. Питаются они тем, что дает природа, а тепло им дают солнце и костер. Итальянский антрополог и этнограф доктор Лидио Чиприани, который восемь лет тому назад провел на острове шесть месяцев, так и не узнал их как следует*. Должен вам сказать, он был смелым человеком; до него никто не решался поселиться среди онгхи. Он проделал большую исследовательскую работу, но осталось еще много несделанного. Мы изучаем их язык, составили небольшой словарь. А почему вы спрашиваете об онгхи?

Я сказал ему, что намерен поехать на остров с группой чиновников из Управления развития. Мистер Чоудхари пожелал мне удачи...

На остров мы отправились на теплоходе «Индус» около одиннадцати часов вечера при свете луны. Миновав остров Росс, «Индус» свернул прямо на юг. Судно заполнили участники нашей экспедиции. Три чиновника и я расположились в каютах, а их слуги и подчиненные — под палубой, возле полубака. В этот вечер у меня не было возможности познакомиться с другими участниками

* Вряд ли можно согласиться с замечанием Чоудхари. Чиприани проработал на острове несколько сезонов: в 1951, 1951—1952, 1953 и 1953—1954 годах — в общей сложности два года. С середины 50-х годов начали выходить публикации с результатами его полевых исследований.

экспедиции, но на следующее утро мы все встретились за завтраком. Кроме начальника группы, которого звали Мальхотра, в нее входили чиновник Управления здравоохранения доктор Чакраборти и инспектор плантаций Джаган Сингх. Мальхотра и Чакраборти ехали на остров в обычную инспекционную поездку, а Джаган Сингх намеревался изучить возможности расширения плантаций кокосовых пальм. Оказывается, во время одного из своих посещений Малого Андамана доктор Лидио Чиприани посадил несколько кокосовых пальм. Теперь Джаган Сингх решил посмотреть, как растут эти пальмы, принялись ли они вообще. Никаких коммерческих целей в данном случае не преследовалось. Предполагалось, что кокосовые пальмы обеспечат пищей местное население.

— Почему вы решили сажать кокосовые пальмы? — поинтересовался я.

— Они хорошо растут на этих островах. Почва подходящая. Даже орехи из Бирмы и Таиланда, которые море иногда выбрасывает на берег, быстро прорастают. — Джаган Сингх был молод и полон энтузиазма.

Единственно, кого я не видел до прибытия на остров, это Бимал Роя, из департамента антропологии. Ему предстояло играть роль посредника между нами и островитянами. Он был ассистентом доктора Чиприани во время его полугодового пребывания на острове. Тогда-то он и его слуга Симоне в какой-то мере овладели языком островитян.

— Онгхи всегда были дружелюбными? — спросил я у Роя из любопытства.

— Нет. Одно время они были настроены враждебно. Если вы причините им неприятности, они могут рассвирепеть и теперь. В прошлом году один бирманец — собиратель раковин пытался приставать к женщинам. Они убили его: женщины этого племени очень целомудренны. Но, посудите сами, до чего онгхи простодушны. Убив бирманца, они приплыли в Порт-Блэр пожаловаться на его поведение и сказать нам о том, что сделали.

— Онгхи были арестованы?

— А почему их надо было арестовывать? Бирманец вообще не имел права приезжать туда. Это территория племени онгхи, и нарушители границ не могут рассчитывать на то, что закон их будет охранять. Больше того,

посторонним запрещается посещать остров без разрешения властей.

— Мне нисколько не жаль собирателей раковин, — гневно добавил Рой. — Ради раковин они готовы на все и могут привить онгхи любые пороки. Мне недавно говорили, что собиратели раковин приучают онгхи курить опиум. Можно ли представить себе что-либо ужаснее?

Море было спокойным, чистым, и вскоре мы увидели зеленую полосу, появившуюся из-за горизонта. Постепенно полоса становилась все шире и превратилась в лес на берегу моря.

— Мы прибыли, — воскликнул Рой, пристально всматриваясь в бинокль. — Вот этот остров и есть Малый Андаман.

Берег вытянулся белоснежной, без единого пятнышка, песчаной лентой. Лишь в одном месте лежало упавшее дерево. По судну разнеслась весть о появлении острова, и все столпились у поручней, напряженно всматриваясь вдаль. По мере приближения к берегу, вода становилась более зеленой, что говорило о песчаном дне и небольшой глубине. «Индус» замедлил ход и, когда до берега оставалось около двух миль, дал гудок.

На этом большом открытом пространстве он прозвучал слабо, но, вероятно, разнесся далеко. Вскоре к нам приблизилась лодка островитян — выдолбленный ствол дерева с квадратными сиденьями на корме и носу и с выносными уключинами. Сидевшие в ней люди были смуглы, с мелко вьющимися волосами, а у одного из них было раскрашено лицо. Двое подростков гребли, а два маленьких мальчика, свернувшись «калачиком» на дне, с любопытством глядели на большое судно.

Они были совершенно голыми, если не считать узкой полоски материи вокруг бедер.

— Как хорошо, что мы застали их здесь, — сказал Рой, пристально всматриваясь в лодку. — Онгхи строят для себя дома по всему острову и кочуют из одного дома в другой в зависимости от того, есть ли в окрестностях дичь или нет.

Лица гребцов были сосредоточенны, но когда Рой окликнул их, они улыбнулись, а потом рассмеялись.

— Вы пошутили? — спросил я Роя.

— Вовсе нет. Я просто сказал, что они хорошо выглядят. Это им понравилось.

Лодка подошла к нашему судну, онгхи поднялись, и слуга Роя — Симоне стал передавать им узлы с постельными принадлежностями, различные ящики и кухонную утварь. Когда разгрузка закончилась, Симоне спрыгнул в лодку и онгхи повернули обратно.

— Я бы не решился поехать с этими людьми, — сказал я.

— Вы беспокоитесь о Симоне? — спросил Рой. — Он в полной безопасности. Симоне уже был здесь в составе экспедиции доктора Чиприани. — Затем он прильнул к стеклам бинокля и добавил: — Посмотрите, посмотрите! Вся деревня вышла встречать нас.

После завтрака с «Индуса» спустили шлюпку, которая должна была доставить нас на берег. Все, кто мог, уселись в нее: Чакраборти, Джаган Сингх, Рой, я и все остальные члены группы. Вода в море была поистине великолепной — ярко-зеленого цвета и такая прозрачная, что мне хотелось вылезти из лодки и поплавать. На полпути к берегу встретили еще одну лодку онгхи, которые поинтересовались, не нужна ли нам помощь, но мы отказались и отослали их обратно.

Ближе к берегу вода стала грязной. Нам нужно было причалить у Дагонг-Крика — широкой протоки, берега которой поросли густым лесом. Здесь были те же деревья, что и на других островах Андаманского архипелага — четочник, птерокарпус, фикусы, хлопковые деревья, — а под ними обычный покров из стелющихся растений, сорняков и трав. Мы привязали лодку к столбу и вышли на берег. Мальхотра и Рой направились через джунгли в Обате — так называлась деревня, куда мы должны были попасть. Но большинство из нас предпочли идти вдоль берега. Дорогу нам показывали онгхи, плывшие на лодке. Примерно через милю Джаган Сингх заметил верхушки кокосовых пальм, видневшиеся у опушки леса.

— Вот они! — воскликнул он, сияя от восторга. — Пальмы принялись!

Я подошел к расчищенному участку взглянуть на них. Пальмы уже вытянулись в рост человека. Под ними сидел на корточках Симоне, вокруг валялись вещи.

Симоне изо всех сил старался разжечь костер. Пучок прутьев и сухие листья были положены между тремя камнями. Всякий раз, как Симоне дул в костер, подни-

малась струйка дыма, разъедала ему глаза и легкие, он начинал кашлять и плевать. Вокруг него сидели онгхи и безудержно хохотали. В конце концов молодой онгхи сжалился над ним и решил помочь. Он низко наклонился над костром и стал сильно дуть между камнями. Тотчас же взвился язычок пламени, появление которого вызвало очередной взрыв смеха.

— Зачем нужен костер? — спросил я. Симоне в это время наливал воду в кастрюлю, собираясь поставить ее на огонь.

— Чтобы приготовить пищу Рой-сахибу и мне, — ответил он, вытирая слезы.

— А как же мы?

— Вы будете есть на корабле, а Рой-сахиб и я останемся здесь.

Мои спутники тем временем ушли вперед. Мне хотелось догнать их.

— Где находится деревня онгхи, Симоне? — спросил я.

— Вон за той изгородью, — пробормотал он, все еще вытирая слезы.

— Далеко?

— Нет, всего в сотне шагов.

— Покажи мне дорогу.

Вместо того чтобы сделать это самому, Симоне дал мне двух проводников-онгхи. Они поднялись, отряхнулись и повели меня, причем один шел впереди, а другой сзади. У мужчины, шедшего впереди меня, был нож — дхау, но я заметил, что, хотя кустарник по обеим сторонам дороги оказался очень густым и часто преграждал путь, проводник ни разу не срезал ни одной ветки, а лишь раздвигал их, давая нам возможность пройти.

Мы прибыли на расчищенный участок леса, размером немногим более площадки для игры в теннис. Там сидели женщины-онгхи с детьми. Женщины тоже были голыми, если не считать бахромы из коры, висевшей под животом. Мои попутчики расположились в тени дерева, пытаясь завязать разговор. Но женщины не отвечали. Даже мужчины держались в стороне и не разговаривали с ними.

Однако к Рою отношение онгхи было иным. Стоило ему появиться, как все заговорили, начали смеяться, и каждый, будь то мужчина или женщина, стремился

крепко обнять его. Мы, естественно, завидовали Рою и спросили, почему к нему так относятся.

— Так они встречают всякого, кто приезжает после длительного отсутствия, — объяснил он. — А я ведь не был здесь больше года.

Рой подошел к двум женщинам, сидевшим позади меня и стал шутить с ними. Вдруг одна из них достала тростниковую корзинку, вынула оттуда огромного краба и положила передо мной. Я тотчас же отодвинулся: краб был настоящим чудовищем величиной с глубокую тарелку, а клешни угрожающе шевелились. Заметив мой испуг, женщина положила краба обратно в корзину.

— Она что, решила подшутить надо мной? — угрюмо спросил я у Роя.

— Ничего подобного. Я сказал им, что вы голодны, и они предложили этого краба — единственное, что у них было.

Я пытался самостоятельно завязать с ними разговор, но безуспешно. Я говорил, жестикулировал, гримасничал, но на них это не производило никакого впечатления. Мальхотра пытался делать то же самое, но в равной мере безуспешно. Он подсел к женщинам и стал размахивать у них перед глазами банкнотой в десять рупий. Они в ужасе разбежались. Тогда Мальхотра попытался подружиться с детьми, спел им песенку. Они отнеслись к этому совершенно безучастно. Желая показать свое расположение, Мальхотра погладил детей по головкам, что их, видимо, удивило.

— Пошли, — предложил тогда возмущенный Мальхотра, — посмотрим кокосовые пальмы!

Все встали и последовали за ним, включая и мужчин-онгхи.

Меня оставили одного с женщинами и детьми. Я невольно задумался, как мне скоротать время в этом обществе. Заметив, что у одного из мальчиков были лук и стрела, я взял их и нарочно неумело выстрелил из лука. Ребята рассмеялись. Я еще раз проделал то же самое. Тогда двое парнишек встали, стряхнули с себя пыль и, взяв меня за руки, отвели в уединенное место. Там они показали мне, как надо стрелять из лука. Я сделал вид, что очень внимательно слеую их наставлениям, и на этот раз правильно выпустил стрелу. В ответ ребята добродушно улыбнулись.

Осмелев, я собрал ребятешек вокруг себя и уселся вместе с ними на корточки. Начал с традиционного индийского приветствия «Джай Хинд» и показал им, как надо повторять за мной. Ребята охотно повторяли. Потом я перешел к стишкам для детей, и это оказалось тем, что было нужно. Дети повторяли за мной строчку за строчкой. Теперь и женщины стали проявлять интерес, наблюдая за нами краем глаза и улыбаясь. Желая показать, что в запасе больше не осталось никаких трюков, я неумело перекувырнулся. Все залились смехом, даже женщины, которые хватались за животы и раскачивались.

Лед, казалось, был сломан, но как воспользоваться этим? Очень хотелось, чтобы женщины сами показали мне деревню, но я чувствовал, что они этого не сделают. Раз или два я даже пытался растолковать им это, но они продолжали плести корзины, не обращая на меня никакого внимания. По-видимому, лед был сломан в неподходящий момент.

Я позвал двух мальчиков — моих «инструкторов» по стрельбе из лука — и отчетливо произнес: «Симоне», одновременно указывая большим пальцем назад. Мальчишки, казалось, ничего не поняли. Я опять повторил то же самое, но на этот раз женщины оживились. Одна из них что-то крикнула детям, упоминая слово «Симоне». Ребята тотчас же скрылись в кустарнике и привели его.

Очевидно, я вызвал Симоне, когда он был целиком поглощен приготовлением пищи, так как он появился с ножом в одной руке и головкой лука в другой.

— Вы звали меня? — спросил он.

— Да. Мне хотелось бы побывать в деревне онгхи. Где она?

— Вот здесь, перед вами, — сказал Симоне, показывая ножом на большой купол за изгородью.

— Это ведь хижина, — возразил я. — А мне нужна деревня.

— Это и есть деревня. Деревни онгхи состоят из одной большой хижины, в которой живут все семьи.

Я попросил его проводить меня. Хижина представляла собой большой овальный купол, сделанный из тростника, причем крыша спускалась до земли, как у иглу. Через небольшое отверстие мы проникли внутрь. В хижине было сумрачно и пыльно. Я смог разглядеть лишь дере-

вянные нары на столбах вдоль стен, и ничего больше — никакой кухонной утвари, никакого оружия, никаких личных вещей. Каждая нара все же была украшена нанизанными на веревку черепами свиней и головами черепах, свисавшими с потолка. Я спросил Симоне, что это означает. Он ответил, что это охотничьи трофеи онгхи. На одной из нар лежала пустая бутылка.

— В ней было лекарство или еще что-нибудь? — поинтересовался я.

— Нет, — ответил Симоне. — Они используют стекло для «стрижки» волос: разбивают его, нагревают небольшой кусок на огне и потом подпаливают волосы на любой фасон. Онгхи обычно предпочитают «стричься под кружок», причем волосы низко спускаются на шею.

— Но почему здесь нет ни души? — удивился я.

— Они здесь только спят ночью, а дни проводят на берегу бухты или же в джунглях.

Пока мы осматривали хижину, женщины с детьми перешли туда, где Симоне готовил пищу. Они сидели группами и плели корзины под недавно сооруженным навесом из ветвей. Две молодые женщины, с которыми шутил Рой, разожгли костер, чтобы испечь краба. Они положили его на тлеющие угли. Когда краб зашипел и изменил цвет, женщины взяли его голыми руками и раскололи камнем на мелкие кусочки. Потом куски были розданы всем присутствовавшим. Мясо краба онгхи извлекали оригинальным способом: они не разгрызали панцирь зубами, а высасывали все съедобное. Когда с крабом было покончено, две женщины промыли клешни в морской воде и положили их в свои корзины.

На детей приятно было смотреть. Они съели свою долю и не приставали к матерям. Когда несколько женщин сели в лодку и поплыли куда-то, ребята стояли и смотрели им вслед, и ни один не заплакал. Когда женщины скрылись из виду, дети вернулись к своим играм. Игр, как таковых, я не видел. Больше всего они любили лазать по деревьям и сидеть на ветвях. Малыши взбирались на молодые кокосовые пальмы, а старшие залезали на более высокие деревья. Когда им надоедало там сидеть, они спускались вниз и начинали ногтями выкапывать ямки в земле. Я поражался, какими глубокими были эти ямки.

В полдень вернулись участники экспедиции. Они ходили до протоки, причем ни разу не отдыхали. Я подошел к

ним. Вид их был ужасен! Все мокрые, усталые, грязные! Мальхотра выглядел хуже всех — шляпа сбилась на затылок, рубашка вылезла из брюк, и он с трудом волочил ноги.

— Какая кошмарная прогулка! — все время бормотал он. Потом с мольбой в голосе обратился к Рою: — Далеко ли до нашей лодки?

— Нет, уже близко, — подбодрил его Рой.

Мальхотра лишь тяжело вздохнул и поплелся дальше.

Участники экспедиции предполагали, что им предстоит пройти не более одной мили, а оказалось раза в три больше. К тому же начался прилив, и все вымокли до нитки. Потому-то у всех и был такой измученный вид.

Все молча повалились в лодку и сидели, угрюмо уставившись на «Индуса», покачивавшегося на волнах прилива. Когда мы наконец подошли к судну, кое-кто не смог взобраться на борт без помощи матросов.

После второго завтрака Рой стал готовиться к возвращению на остров. Я решил присоединиться к нему и попросил перенести мои вещи в лодку. Затем я отправился к Мальхотре. Чиновник Управления развития лежал на койке в каюте, закрыв лицо платком.

— Мальхотра, — позвал я.

— Да, — слабым голосом ответил он, приподнимая рукой платок.

— Я еду с Роем.

— Поскорее возвращайтесь. — Потом, обхватив голову руками, застонал: — Ой, ой! У меня ужасная головная боль!

— Я собираюсь ночевать на острове.

— Что? — Платок в мгновение ока слетел с лица.

— Я хочу пожить в деревне. Там мне удастся лучше познакомиться с жизнью онгхи.

— Но, мой дорогой, вы же не знаете этих людей.

— Я поселюсь с Роем и Симоне в хижине этнографов.

— Они знают онгхи, а вы нет.

— Но я хочу этого и в любом случае поеду.

— Ну что ж, поезжайте, — проворчал чиновник и вновь накрыл лицо носовым платком.

Вместо того чтобы направиться в Дагонг-Крик и потом тащиться пешком весь путь, мы поплыли в противоположную деревне сторону, вылезли из лодки и побрели по пояс в воде. Увидев нас, онгхи подошли и помогли до-

нести мои вещи. На полпути к деревне мы повстречали игравших в воде детей, а поскольку на Рое и на мне были надеты только шорты, мы присоединились к детишкам. Несмотря на то что ребята были маленькими, они прекрасно плавали и запросто обгоняли Роя и меня. К тому же они замечательно ныряли и долго оставались под водой. Одна из самых любимых игр детей состояла в том, что они неподвижно лежали на песке, пока набегавшая волна не смывала их. Выигрывал тот, кто первым достиг берега. Они уговаривали нас попробовать, но у нас ничего не выходило; каждый раз мы поднимались, наглотавшись соленой воды.

Когда мы вышли на берег обсушиться, я заметил, что взрослые онгхи, наблюдавшие за нами, дружелюбно улыбаются. Я сказал об этом Рою.

— Вы понравились онгхи, потому что играли с детьми, — объяснил он. — Они очень обидчивы и не любят чужих, которые не желают общаться с ними. Увидев вас, играющим с их детьми, онгхи поняли, что вы с уважением относитесь к ним.

На Малом Андамане вечер наступает внезапно. Как только солнце скрылось за деревьями, фантастический птичий «оркестр» зазвучал на разные голоса. Здесь были голуби, соловьи, журавли и даже вороны, которые редко встречаются на этом архипелаге. Чарующим был пейзаж. Небо в лучах заходящего солнца казалось лиловым. Подул прохладный освежающий бриз, волны с шуршанием одна за другой набегали на берег. Но онгхи были печальны. Они, понутив головы, сидели вокруг своего общинного костра. Когда Рой попытался пошутить, они уныло ответили ему. Завязался откровенный разговор, после чего несколько мужчин встали и ушли куда-то.

По дороге в бунгало этнографов, которое находилось шагах в ста правее плантации кокосовых пальм, я спросил Роя, почему онгхи так печальны.

— Они голодны, — ответил он. — За весь день они добыли только горшок меду. Я сказал им, что мы привезли для них целую рыбу и что она лежит у протоки. Поэтому мужчины и отправились за ней. — Затем он добавил с горечью: — На острове становится все меньше пищи.

— А что мы можем сделать, Рой? Не можем же мы расплодить диких свиней и развести больше рыбы. Есть предел и нашим возможностям.

— Мы должны научить их обрабатывать землю и выращивать ямс. Они едят его. До сих пор онгхи ели только дикий ямс. Мы должны научить их выращивать его.

— Достаточно ли они развиты для земледелия?

— А почему нет? Доктор Чиприани и я расчистили участок под овощи, и онгхи помогали нам. Мы уговорили их попробовать, и они им понравились. Мы выращивали баклажаны, бобы и тому подобное, а они любят корнеплоды. Вот почему я назвал ямс. Земледелие обладает и еще одним преимуществом: оно прикрепит онгхи к определенному месту, отучит от кочевого образа жизни, который не приносит им пользы — ведь не везде есть хорошая питьевая вода.

Бунгало этнографов — деревянное сооружение, состоявшее из двух смежных комнат, — было построено на большом расчищенном участке леса. Как и все другие постройки на Андаманах, оно возвышалось на прочных столбах и имело тростниковую крышу. На длинной просторной веранде мы увидели Симоне, а на столе — кастрюлю с нашим ужином. Заметив нас, несколько парней-онгхи принесли в ведре воды, другие вымыли в нем свежесрезанные банановые листья, которые должны были служить тарелками. Мы проголодались и поэтому набросились на еду, как голодные волки. Все казалось божественно вкусным, хотя ничего особенного не было — только вареный рис и картошка с соусом карри. Пока мы ели, онгхи сидели вокруг нас и разговаривали с Роем и Симоне, но никто из них не посмотрел в нашу сторону с завистью. Когда мы кончили, парни очистили банановые листья и бросили объедки собакам. Оставшуюся пищу — горшок с рисом и горшок с карри — Симоне отдал онгхи, и они унесли ее, чтобы поделиться со всеми.

Поскольку у нас был всего один фонарь, да и тот взял Симоне, мы вскоре разошлись — Рой в одну комнату, я в другую. На небе светила огромная луна. Ее платиновый луч проникал через мое окно в комнату, и я видел, как тучи москитов вились вокруг сетки.

— Рой! — позвал я. — Как встретили вас онгхи, когда вы в первый раз приехали сюда?

— Вначале они очень дичились и прятались в кустах, откуда наблюдали за нами. Постепенно островитяне стали показываться, но никогда не подходили. Доктор Чиприани строго-настрого наказал нам ни во что не вме-

шиваться и заниматься своими делами. Мы должны были отвечать им лишь в том случае, если они заговорят первыми. Первый месяц онгхи чуждались нас. Потом наиболее смелые подошли к нам и помогли нести вещи. Вскоре они заговорили с нами. После этого вся деревня стала относиться к нам дружелюбно.

— У вас никогда не было с ними неприятностей?

— Никогда. Наоборот, они очень услужливы. Если бы не их помощь, мы никогда бы не увидели внутренней части острова. Онгхи водили нас по всему острову и знакомили с различными общинами. Когда они перестают вас бояться, они становятся очень приветливыми. Остров большой — около трехсот квадратных миль, но онгхи живут лишь в центральной и северной частях. Остальная территория — болота и протоки. Онгхи не бывают в тех местах, потому что там полно крокодилов.

— А змеи есть?

— Есть, но не ядовитые. Даже у здешних скорпионов нет жала. Единственное ядовитое существо на Андамане — сороконожка. Ее укус вызывает опухоль и острую боль.

— Я восхищен тем, как вы подружились с онгхи. Немногие люди так смелы и терпеливы, как вы.

— Все похвалы следует адресовать доктору Чиприани. Он научил нас, как вести себя с островитянами. Теперь и я полюбил их. Если б у меня были собственные средства, я бы поселился здесь.

Последние слова я слышал уже в полудремотном состоянии и вскоре заснул.

Утром меня разбудили соловьи — на Малом Андамане их множество, и они заливались на все голоса. Солнце взошло. Через открытое окно я видел, как его лучи золотили верхушки казуарин, росших по другую сторону хижины. А вокруг сетки, под которой я спал, все еще кружились москиты. Их было так много, что бороться с ними было бесполезно.

В комнату на цыпочках вошел Симоне с алюминиевым чайником. Чай пить пришлось прямо из чайника, так как не было чашек. Я уже начинал привыкать к вкусу сгущенного молока, поскольку на Малом Андамане скот не разводят и онгхи никогда не слышали о молоке. Они, правда, иногда пили чай — приезжие государственные служащие раздавали в качестве подарков чай и са-

хар,— но только заваренным в большом алюминиевом чане и без молока. Чан тоже подарили им.

Онгхи поднялись раньше нас и бродили вокруг хижин, справляясь, нет ли какой-нибудь работы. Это были в основном парни, и Симоне поручал им носить воду из мелкого, протекавшего за кокосовыми пальмами источника, через который была перекинута прочная ветвь дерева. Онгхи садились на нее и опускали свои деревянные сосуды в воду. Это были выдолбленные колоды или же небольшие куски гигантского бирманского бамбука, который море иногда выбрасывает на берег. Онгхи вешали их через плечо на ремнях из лыка. Других сосудов у них не было.

Один день общения с онгхи рассеял мои страхи, еще остававшиеся где-то в глубине души. Я спал с открытыми настежь окнами и дверью, а винтовка и кукри* лежали далеко от меня, в углу. Мне нечего было бояться, так как онгхи не домогались ни одной моей вещи. Пока я хорошо относился к ним, они все время стремились быть доброжелательными. Разве можно желать большего в отношениях между людьми?

Рой чистил зубы.

— Рой,— сказал я,— женятся ли онгхи? Я всегда вижу женщин на одной стороне, а мужчин — на другой, и они почти никогда не бывают вместе.

— Да, они женятся, но вступление в брак не сопровождается никакой церемонией,— ответил Рой.— Онгхи свободны в своем выборе, и день, когда девушка и парень разрисовывают друг друга белой и оранжевой глиной, считается днем их свадьбы. После этого в течение двух недель «молодая» носит бахромчатую повязку спереди и сзади, чтобы все знали, что она вышла замуж и впредь ни один мужчина, кроме мужа, не будет ухаживать за ней. Это племя не знает, что такое измена. Ни один из супругов не может жениться вторично, если один из них умрет. Однако их отношение к детям очень странное. За детьми смотрят все женщины, независимо от того, чьи они. В возрасте тринадцати-четырнадцати лет дети начинают сами заботиться о себе и, если захотят, могут переселиться в другую общину.

— Женятся ли братья на сестрах? Я спрашиваю это потому, что их община очень мала.

* К у к р и — кривой нож.

— Это строжайше запрещено, даже между двоюродными братьями и сестрами. Вы не обратили внимания на приземистого парня, который так глупо смеялся? Он будет вынужден жениться на женщине, которая годится ему в матери, потому что все оставшиеся женщины племени доводятся ему родными или двоюродными сестрами. У него нет никакой надежды иметь детей, но я думаю, что его это не беспокоит: ведь в общине много детей.

В то утро Рою и мне надо было идти в разных направлениях. Рою предстояло сопровождать группу чиновников в восточную часть острова, а я намеревался поохотиться в джунглях за деревней. Из всех онгхи моим проводником согласился быть только их вождь — Канью, остальные же предпочли Роя. Если учесть, что я пошел на охоту ради их же пользы, — они обожают мясо диких кабанов, — их поведение казалось бессмысленным. Но это было не совсем так. Через Симоне передали мне, что на охоте от них не будет никакой пользы: они безоружны, последнее копье сломалось две недели назад. Собаки тоже, видимо, разделяли мнение хозяев. Когда Канью позвал их, подошли только три и то неохотно, остальные продолжали лежать возле костра. Шагов через сто две собаки сбежали, а в следующее мгновение и третья последовала за ними.

Нам оставалось только положиться на собственные слух и зрение, а выслеживание дичи в этих джунглях казалось делом нелегким. Тропинка хорошо просматривалась, но заросли оказались невероятно густыми: на расстоянии ярда в любую сторону мы уже ничего не видели. Лиственный покров над головой был столь же густым и к тому же весь опутан ползучими растениями. Землю под деревьями покрывал ковер из диких цветов — синих, желтых, розовых, причем одни были похожи на колокольчики, другие — на шарики.

Без Канью я бы заблудился в этом лесу, где никогда не раздавался стук топора. Джунгли оставались такими же, какими их создала природа много тысячелетий назад.

Канью шел впереди. Я заметил, что его взгляд часто скользил по верхушкам деревьев, где ворковали плодоядные голуби. Когда он остановился в одном месте и указал на что-то, я подумал, что он просит меня подстрелить птицу. Но это было не так. Он показывал на огромный улей и с восторгом шептал: «Макки, макки», имея в ви-

ду диких пчел. Он был просто заморожен своей находкой. Позднее он обязательно вернется сюда со своими товарищами и достанет эту восхитительную пищу.

Вскоре мы вышли на открытое место, где виднелась протока футов тридцати шириной. Ее нам предстояло перейти по упавшему стволу мангрового дерева. Канью шел первым, уверенно и быстро, а я застрял на середине. Меня не столько пугала необходимость удерживать равновесие, сколько мысль о том, что случится со мной, если я свалюсь в грязную протоку с топкими и заболоченными берегами. Я повернул обратно.

— Канью! — позвал я с «исходной позиции».

Канью в это время был уже на другой стороне, но, услышав мой зов, он так же быстро и уверенно вернулся. Он взял у меня винтовку и, держа меня за руку, благополучно провел по стволу. Теперь я чувствовал себя увереннее. Когда до земли оставался всего шаг, под моей ногой вдруг обломилась гнилая ветка и с треском полетела вниз. Ветка не осталась в том месте где упала, а начала тонуть, потому что внизу оказалась не грязь, а плавун.

На другой стороне протоки мы всерьез занялись поисками дичи. Каждые несколько шагов Канью останавливался и прислушивался. Я неоднократно замечал, что он высматривает в кустах зверя или его следы на земле. Примерно через милю мы оказались возле заброшенной деревни. Середина хижины обвалилась, но нары по ее стенам уцелели. Мы присели на них отдохнуть. Мне хотелось расспросить Канью, когда онгхи покинули это место и почему, но из-за незнания его языка я должен был выбросить эту мысль из головы. Желая нарушить гнетущую тишину, я решил использовать свои скудные познания в языке онгхи.

— Канью, — сказал я. — Куи? — («Куи» на языке онгхи означает «свинья»).

Канью печально покачал головой:

— Куи нарема, — ответил он.

Я был удручен: ведь «нарема» означает «нет» или «ничего». Разговор был окончен: на языке онгхи я знал лишь эти два слова.

К моему удовольствию, Канью нисколько не обескуражили наши неудачи, и он с прежним усердием продолжал поиски дичи. Мы немного отклонились в сторону от первоначального курса, но лес оставался таким же гу-

стым. Затем мой взор привлекло огромное хлопковое дерево со стволом диаметром более восьми футов. Такого огромного дерева я никогда не видел и даже не представлял, что оно может существовать, Шагов через сто я обнаружил еще одного «гиганта» — фикус, радиус ствола которого достигал двенадцати футов. Чтобы поймать это дерево в видонскатель, мне надо было отойти на несколько десятков футов, а в подобной чаще это просто невозможно. Гиганты растительного мира навеяли на меня такое благоговение, что я оборвал все растения, обвинявшие их стволы, чтобы они могли еще больше вырасти в ширину и высоту.

По дороге я сорвал тростник для того, чтобы проверить теорию Берна. Из него действительно потекла вода.

Потом со мной произошел неприятный случай. Я прорубал дорогу при помощи дхау со сломанной ручкой.

Нож выскользнул у меня из рук и рассек колено до самой кости. Рана не была болезненной, но я опасался, что от ходьбы нога разболится. Я промыл рану слюной и собирался перевязать ее носовым платком, но Канью предложил мне свою помощь. С моего согласия он сорвал листок какого-то дикого растения, сложил его и вытер им кровь. Рана тотчас же перестала кровоточить. А когда мы добрались до моста из мангрового дерева, рана, казалось, зажила. Как мне хотелось вернуться и нарвать этих растений! Но я решил не делать этого, поскольку от ходьбы рана могла опять открыться. Как и раньше, Канью провел меня по стволу мангрового дерева, причем на этот раз я ступал еще более осторожно: ветка, которая обломилась у меня под ногами, уже совсем затонула.

Во время нашего отсутствия в лагере онгхи, видимо, что-то случилось. Я сразу почувствовал это. Островитяне были мрачны, говорили отрывисто. Даже дети, обычно веселые, бродили по берегу бухты, как потерявшиеся овцы. Под навесом из листьев корчилась от боли женщина. Над ней склонился Рой и шепотом успокаивал ее. Увидев меня, он подошел и сказал:

— Вчера онгхи ели только рыбу и немного меда. Теперь у этой женщины боли в желудке. Нет ли у вас какого-нибудь лекарства?

Я взглянул на женщину. Она была очень молода, почти девочка, и казалась красивой. Большею частью она ле-

жала спокойно, но во время приступа она обхватывала руками свой распухший живот и стонала. В такие моменты милые черты ее лица искажались.

— У меня есть только анацин, если он поможет,— сказал я.

— Это все же лучше, чем ничего.

Мы пошли в бунгало этнографов. Рой казался озабоченным и расстроенным.

— Я не знаю, какое будущее уготовано для онгхи,— сказал он как бы про себя. — Если предоставить их самим себе, они все умрут от голода. Приучать же их к цивилизованному образу жизни не менее рискованно, так как островитяне могут утратить желание жить. Они не переносят, когда им навязывают новый образ жизни. Христианские миссионеры пытались приобщить к «цивилизации» другой первобытный народ — андаманцев, живущих на Среднем и Северном Андамане. Их обучали различным ремеслам, например шитью, вязанью. Некоторых для расширения кругозора даже посылали на материк. Благодаря этому мы завоевали их расположение, а что дальше? Племя почти целиком вымерло. На рубеже XX века их было около пяти тысяч, а сейчас осталось всего двадцать три. Представьте себе, всего двадцать три!

Я дал ему пакетик с анацином. Он положил его в карман.

— Мне жалко эту девушку,— задумчиво произнес он. — Вам не кажется, что она красива?

Я согласился с ним.

— Мы привыкли называть ее «Мисс Малый Андаман», — продолжал Рой. — Впервые я увидел ее шесть лет назад. Тогда она была еще девочкой и обычно играла с остальными детьми. В следующий приезд я заметил, что она сильно изменилась — стала менее общительной и более взрослой. Парни буквально осаждали ее. Она часто приходила советоваться к доктору Чиприани. А он обычно отшучивался: «Почему бы тебе не выбрать меня и покончить с этим?» Она заливалась смехом. Потом мы услышали, что она вышла замуж. Это большое событие в жизни онгхи. Замужество не принесло ей счастья. Она стала печальной и поведала мне, что не может иметь детей. Мысль об этом гложет ее сердце. Но такова судьба многих женщин-онгхи. В их маленькой общине из двенадцати женщин четыре, как правило, бесплодны.

Но что можно сделать?..—Рой погрузился в свои невеселые мысли.

Об этом стоило задуматься. Ни одна народность не находится в такой изоляции, как онгхи на Малом Андамане. Если не считать редких визитов чиновников, ни одному человеку не разрешено посещение острова. Поэтому племя может вести привычный образ жизни. Даже лесные богатства не разрабатываются, чтобы их источник питания не иссякал. И все же мужчины и женщины постепенно утрачивают способность к воспроизводству. Почему?

— А не считаете ли вы, что причиной этого является недоедание? — спросил я Роя. — Вчера я заметил, что стрела у маленького мальчика не имела оперения. Если мы покажем им преимущества стрел с оперением, они смогут охотиться на дичь. На острове полно голубей.

— Ради бога, не трогайте их стрел! — воскликнул Рой. — Они убивают ими только рыб. Вот почему у стрел нет оперения. Онгхи ни за что на свете не будут есть птиц. Доктор Чиприани и я часто предлагали им часть своей добычи, но они даже не дотрагивались до нее.

В это время подошел Канью в сопровождении нескольких онгхи и что-то сказал Рою, после чего последний удалился. Онгхи любят ходить в гости. На этот раз их было пятеро. Они удовлетворились тем, что сели на веранде и стали наблюдать за мной. У меня было немного свободного времени, и я решил перепечатать мои записи, причем пол веранды должен был служить мне письменным столом, а чурка — стулом. Но чурка была отпилена неровно и часто выскальзывала из-под меня. Каждый раз кто-либо из онгхи поднимал ее и заново устанавливал. Я решил найти что-либо другое, понадежнее. Мне пришла в голову мысль: нельзя ли попросить островитян сколотить скамейку наподобие их нар? При помощи красноречивых жестов мне удалось объяснить им мою идею. У Канью был дхау, другому онгхи я дал свой кукри. Его широкое блестящее лезвие привело их в восторг.

Все онгхи с большим удовольствием взялись за дело: срезали ветки, отбирали жерди необходимой длины, связывали их лыком. В какие-нибудь полчаса моя скамейка была готова. Она оказалась настолько прочной, что на ней можно было отдыхать после обеда.

За такую услугу требовалось вознаграждение. Мне говорили, что онгхи любят курить. Поэтому я захватил с собой некоторое количество табачных листьев. Онгхи размельчают листья, насыпают в клешню краба, как в трубку, и курят. Канью был заядлым курильщиком, он никогда не выпускал изо рта клешню краба, а когда у него кончался табак, размельчал в ладони высохший лист какого-либо растения и курил. Увидев у меня в руках пачку «сукхва» (так здесь называют табак), онгхи окружили меня тесным кольцом. Их лица озарила счастливая улыбка.

Распределение подарков между островитянами может привести к неприятным последствиям, если вы не знаете их обычаев и традиций. Следует ли старым давать больше, чем молодым? Можно ли предпочесть кого-либо? Кому давать первому и так далее. Во избежание неприятностей я решил дать каждому по листу. Но они явно остались недовольны и возвратили мне листья, хотя один или двое делали это с неохотой.

Тогда я дал им еще по одному листу. И опять онгхи были недовольны, причем я заметил, что некоторые даже насупились, и больше всех Канью. Что же мне делать? Я сожалел, что не занялся раздачей табака в присутствии Роя и Симоне. Но раз я уж начал это дело, его следовало довести до конца.

Я собрал все листья и вручил Канью для раздачи другим. Хитрец дал всем по листу, а остальное оставил себе, да еще усмехался при этом. Вполне понятно, что другим это не понравилось. Как мне исправить положение? Я решил быть твердым и дал понять Канью, чтобы он вернул листья, что он и сделал, но на его лице отразилось неудовольствие.

Не моргнув глазом, я дал каждому по листу. Все по-прежнему были недовольны. Тогда я им дал еще по одному, а затем еще. Канью я дал на один лист больше, так как он был их вождем и к тому же утром водил меня в джунгли. После этого положил оставшийся табак в свой рюкзак и ушел. Когда я вторично появился на веранде, все счастливо улыбались. Подарок, а также справедливость при распределении явно пришлись им по вкусу.

Меня не переставала восхищать исключительная чистоплотность онгхи. От них никогда не пахло потом. Я ни разу не встретил ребенка с грязным носом или немыты-

ми глазами. Больше того, от них даже исходил какой-то приятный запах. Онгхи никогда не плевались и не сорили. Даже отталкивающая на первый взгляд раскраска тела не казалась таковой при ближайшем рассмотрении. Я не знаю, для чего они раскрашивали свое тело — от какой-либо болезни или просто для красоты, но они наносили рисунок разведенной в воде чистой цветной глиной.

В тот вечер я долго лежал на кровати и думал. Если не считать бунгало этнографов слева от меня, в прохладной тени которого я расположился, все остальное на острове оставалось таким же, каким оно было извечно: прохладный бриз с моря, огромные деревья передо мной, пустельга, кружащаяся в небе, приглушенные голоса онгхи, доносившиеся из хижины. Я часто задумывался над тем, как бы я вел себя в обществе людей, живших две тысячи лет тому назад. Не почувствовал бы я себя как рыба, вытщенная из воды? Здесь же я оказался отброшенным в еще более далекие времена и не ощущал никакой неловкости. Поскольку я был более знающим человеком и привык к лучшим условиям жизни, то, видно, не смог бы привыкнуть к их порядкам, но мог бы иметь с ними дела, поскольку они приятные и понятливые люди.

В тот вечер к нам пришли в гости чиновники из Управления развития. Я чувствовал себя ужасно неловко, так как не мог предложить им даже чашки чаю — у нас не было чашек. На этот раз Мальхотра выглядел свежим, был в прекрасном расположении духа и предлагал то одному, то всем сразу побороться. Вызов принял молодой онгхи и показал себя с хорошей стороны. Но в конечном счете Мальхотра, крепкий, коренастый мужчина, положил бы его на обе лопатки, что вполне оправданно, так как онгхи низкорослый народ, самые высокие парни бывают ростом в пять футов, два дюйма (155 сантиметров).

Инспектор плантаций Джаган Сингх был в восторге от кокосовых пальм, посаженных на острове.

— Вы знаете, мистер Вайдья, эти люди удивительны. Они не только не повредили ни одной кокосовой пальмы, но, больше того, нам кажется, что онгхи ухаживают за ними. Около шестидесяти процентов орехов проросли. Через два года деревья начнут плодоносить.

В тот день мы все пошли купаться. К нам присоединились мужчины-онгхи. Когда мы выходили из воды, женщины-онгхи, сидевшие на песчаном берегу бухты и наблюдавшие за нами, исполнили в нашу честь танец. Они двигались по кругу и призывно покачивали бедрами и грудями, одновременно отбивая в такт ладонями. Такое проявление дружеских чувств нас очень растрогало.

Когда чиновники ушли, ко мне обратились два маленьких мальчика. У одного из них в широкой петле из ремня, обвязанного вокруг головы и спускавшегося на спину, сидел грудной братишка. Мальчик что-то сказал на языке онгхи, после чего другой положил мне в руку раковину. Потом оба они попросили «сукхва» Мальчики, очевидно, хотели получить за раковину табак. Им было не более шести лет. Я со смехом ответил: «Сукхва нарема» — и вернул раковину, но про себя решил, что они не возьмут ее обратно: раковина не представляет ценности для онгхи. К моему удивлению, мальчики взяли ее и, расстроенные, ушли.

Наутро в лагере царил печаль. Хозяева острова знали, что мы уезжаем. Казалось бы, ничего, кроме нашего общества, они от нас не получили и все же как будто полюбили нас, хотели, чтоб мы остались еще. Рой стоял под деревом, разговаривая с группой мужчин. Позднее он объяснил мне, что островитяне справлялись об одном или двух их знакомых в Порт-Блэре. Один из них оказался Берном, которого они называли «Татаболе», т. е. «Человек со шрамом», потому что у него был шрам на руке. Онгхи дают имена, исходя из какой-либо физической особенности человека. Так, например, Канью означает «Маленький человек», что очень подходило к нему, так как он был маленького роста. Высокого мужчину называли «Дерево», а красивую женщину — «Лоскуток».

И вот наши вещи уложены. Я раздал привезенные с собой подарки: Канью — дхау, высокому онгхи — нож, самому старому онгхи — другой нож, поменьше. Остальным я раздал рыболовные крючки.

На расчищенном участке джунглей, возле посадок кокосовых пальм, чиновник из Управления развития раздавал подарки от имени администрации — пачки чая и сахара — и спрашивал совета у Роя, кому подарить четыре набедренные повязки, которые он привез с собой.

— Разорвите их на кусочки и раздайте всем, — посоветовал Рой.

— Но они такие длинные и их жалко рвать, — возразил Мальхотра.

— Даже если вы отдадите набедренные повязки целиком, они все равно разорвут их на куски. Они предпочитают ленты, а не материю.

Итак, набедренные повязки разорвали, а лоскуты раздали. Вскоре у всех онгхи на запястьях, локтях и в ушах развевались цветные тряпочки.

Все население деревни вышло проводить нас. Канью и еще один мужчина прыгнули в лодку и сопровождали нас всю дорогу до «Индуса». Они даже на несколько минут поднялись на борт, и Рой показал им мостик и машинное отделение. Но, по-видимому, на них это не произвело никакого впечатления, и они, посмеиваясь, прыгнули обратно в свою лодку.

Машины «Индуса» заработали, и винты вспенили зеленую воду. Но еще очень долго мы видели лодку онгхи, медленно двигавшуюся к острову. Канью и его товарищ, не переставая, махали руками.

Глава VIII

Крокодилы в Диглипуре

По возвращении с Малого Андамана я обнаружил, что за время моего отсутствия танкер доставил с материка топливо для «Чолунги» и теперь «Нилкамал» мог совершать свои обычные рейсы. Берн, забрав продовольствие, уже отбыл на нем. Я очень расстроился, поскольку поездка предусматривала посещение трех основных островов архипелага. Для меня это была единственная возможность побывать там.

Была пасха. Бангара, старший полицейский офицер, зашел поболтать к Шринивасану. Он заметил мое подавленное настроение.

— Нечего так переживать из-за того, что Берн уехал, — сказал он, как всегда, очень сердечно. — Я сообщу ему по радио, и он возьмет вас на Лонг-Айленд, если найдете корабль, который доставит вас туда к завтрашнему дню.

— Сегодня вечером отчаливает танко-десантная баржа и вы сможете попасть на нее, — успокоил меня Шринивасан.

Я был счастлив, но, увы, ненадолго. Бангара позвонил в полицейское управление, чтобы получить точную информацию о продвижении «Нилкамала», и ему сказали, что тот уже покинул Лонг-Айленд и направляется на Северный Андаман. Это означало крушение всех моих надежд: ведь я знал, что ни одно судно кроме «Чолунги», которое должно было отплыть не раньше, чем через четыре дня, в ближайшем будущем не отправится на Северный Андаман.

Вечером я стоял у окна и смотрел, как восходит красная луна. Вдруг в комнату быстро вошел Нур Мохаммед

и сказал, что меня вызывают к телефону. Звонили из полицейского управления. В ответ на запрос по радио Берн согласился вернуться на Лонг-Айленд завтра утром и забрать меня. Это было невероятной удачей, и я принялся быстро упаковывать вещи.

На рассвете мы прибыли в Порт-Мидоуз, где простояли полчаса, пока пассажиры — рабочие лесничества — не сошли на берег. Через четыре часа плавания мы приблизились к Лонг-Айленду. Когда мы вошли в пролив, отделяющий город Лонг-Айленд от Мейн-Айленда, я увидел «Нилкамал», терпеливо дожидавшийся моего прибытия.

Я перебрался на «Нилкамал» и обнаружил, что Берн расположился на фордеке у левого борта и предложил мне последовать его примеру — лечь на свободном месте у правого борта. Путешествовать на палубе не пристало начальнику полиции, и я спросил его, почему он не спит в каюте.

— Я уступил ее моему повару, Ганешу, — ответил он. — В это время года там слишком жарко.

Лонг-Айленд был пародией на город — всего одна небольшая улочка, вдоль которой вытянулась цепочка низких ветхих лачуг. Единственным приличным домом было старое бунгало Шармы, исполняющего обязанности районного инспектора лесного департамента. У него мы позавтракали. Дом был расположен на холме, откуда открывался изумительный вид на море и устье реки. Ничто не удерживало нас, и в два часа мы подняли паруса. Под лучами теплого солнца, по ласковому морю обогнули скалистые, поросшие лесом берега Среднего Андамана.

Через два часа все с поразительной быстротой изменилось. Мы пили чай за столом, который стоял непосредственно под мостиком, и едва успели подхватить чашки, как огромная волна подбросила «Нилкамал» и поднос с шумом упал. Ганеш еще раз заварил чай, но нам пришлось пить его из стаканов, которые легче удержать в руках, чем чашки. Судно швыряло из стороны в сторону. Вскоре все вокруг погрузилось во мрак; облака, как гигантский зонтик, закрыли горизонт, и мы были вынуждены включить свет.

В течение последующих трех часов пришлось пережить нечто ужасное. Море разбушевалось. Такие штормы

бывают только на Андаманском море. Волны обрушивались на корабль то с одной, то с другой стороны, то подбрасывали его кверху, то низвергали вниз, точь-в-точь как кошка играет с мышью. Бухта канатов на полубаке, кухонная утварь в камбузе, чьи-то вещи на палубе — все пришло в движение и ходило ходуном. Парни из полиции, которые находились на полубаке и направлялись в различные пункты назначения, страдали от морской болезни.

Шторм был, действительно, страшным. Он бушевал уже несколько часов подряд, не давая ни минуты покоя нашему старику «Нилкамалу». Он с трудом, ярд за ярдом, прокладывал путь по грозному разбушевавшемуся морю. Несмотря на то что ветер ревел немилосердно и волны с ожесточением обрушивались на корабль, мы молили бога ниспослать на нас дождь — ведь тогда хотя бы небо прояснилось. Но разгневанные небеса не внимали нашим мольбам.

В этот момент появился Берн:

— Не поужинать ли нам? — предложил он. — Хотя еще только начало седьмого, но мне кажется, что это поможет нам скоротать время.

— Отлично, — ответил я. — Если только Ганеш на ногах.

Ганеш был в полном порядке. Опасаясь, что шторм разыграется с новой силой и он заболит морской болезнью, наш повар приготовил все заранее и очень обрадовался, что мы пришли ужинать раньше. О том, чтобы накрыть стол, не могло быть и речи: тарелки, блюда, ножи и вилки валялись в беспорядке, и мы ели как могли. Меня поразило количество уничтоженной нами пищи.

Наконец пошел дождь, и редкие капли застучали по крыше и парусине, натянутой над палубой. Откровенно говоря, мы гораздо меньше опасались дождя, чем волн, которые с ревом ударялись о судно. Все вещи и постели были крепко привязаны в центре палубы. Мы сидели и гадали, кончится ли когда-нибудь шторм и сможет ли «Нилкамал» добраться до Маябундера, нашей ближайшей остановки. Вдруг к нам подошел матрос: в руках он держал огромную барракуду.

— Правда, она хороша? — сказал он, с гордостью демонстрируя рыбу. — Мы согласились с ним, и матрос ушел. Через мгновение он опять появился, показывая

другую барракуду. — Лески болтались за бортом целый день, и только сейчас рыба начала клевать.

Указав красноречивым жестом на небо, он добавил:

— Это значит, что шторм скоро кончится.

Действительно, шторм стал утихать, море понемногу успокаивалось, а дождь совершенно прекратился. Все вздохнули с облегчением. Мгла рассеялась, и появились яркие звезды. Ветер все еще дул, и «Нилкамал» продолжал свою дикую пляску, когда слева по борту мы различили темные очертания земли и мерцающие вдали огоньки.

— Это Маябундер, — сказал Берн. — Через час мы будем стоять на якоре.

Только утром я рассмотрел второй по величине город архипелага. Из рассказов людей создавалось впечатление, что Маябундер — большой город, с многочисленным населением и оживленным уличным движением. В действительности же я увидел множество домов, сбившихся в кучу да нескольких пешеходов на улице. Город, по всей вероятности, был центром лесной промышленности. По проливу двигались плоты длиною почти с милю, а на берегу возвышались огромные штабеля досок. Всюду ощущался запах древесины, лежали бревна, сырая древесина и пропитанная древесина. Вокруг лесопилки у самой пристани пахло опилками.

У Берна в Маябундере были дела. Мы пошли в полицейский участок, находившийся в самом конце единственной улицы города. Берн подписал множество документов и передал толстую пачку банкнот — зарплату сотрудникам полиции. На обратном пути заглянули в местный госпиталь показать врачу мою ногу. Во время пребывания на Малом Андамане меня искушали комары и, к несчастью, во сне я расчесал это место. Рана воспалилась и начала гноиться. Врач приложил цинковую примочку и дал с собой пузырек для дальнейшего лечения. Затем мы направились в бакалейную лавку — единственное место в городе, где толпился народ, и только потом вернулись на «Нилкамал», на котором нам предстояло плыть на Северный Андаман, в Порт-Корнуолис.

Полицейские, которые плыли с нами до Маябундера, сошли на берег и отправились в места своего назначения. Вместо них появились трое переселенцев из Бенгалии, которых Керулкар, заместитель верховного комис-

сара, просил нас доставить в Диглипур, расположенный на острове в десяти милях от Порт-Корнуолиса. Они казались какими-то жалкими и робко забились в уголок. Их утлое каноэ привязали за кормой, где на буксире тащились две динги полиции.

В открытом море, когда началось волнение, каноэ с силой ударялось о динги, грозя разбить их в щепки. Во избежание беды удлиннили буксирный трос, но волны от винта корабля вскоре захлестнули каноэ, и оно стало погружаться в воду. Ужас был в том, что все имущество переселенцев — кухонная утварь, тростниковые циновки для палаток и даже единственное весло — было в лодке и затонуло. Мы ничего не могли поделать. Но каноэ следовало спасти во что бы то ни стало, потому что в сельских районах на Андаманах без него не обойтись. Один из переселенцев и матрос прыгнули за борт и принятовили лодку.

Через шесть часов плавания мы прибыли в Порт-Корнуолис, волоча за собой полностью погрузившееся в воду каноэ. Потеря имущества поставила переселенцев в ужасное положение — ведь им предстояло заново начинать жизнь. До этого они обрабатывали землю под Маябундером, но взбесившийся слон каждую ночь совершал налеты на поля и дома, и они были вынуждены покинуть их.

Порт-Корнуолис — одна из лучших гаваней на Андаманах. Серповидная бухта протяженностью около шести миль с трех сторон защищена лесистыми холмами, включая самую высокую точку архипелага — Садл-Пик (2400 футов); ширина бухты — около мили. Это прекрасное место стоянки самых больших кораблей. Существуют планы постройки портовых сооружений, но пока я обнаружил лишь причал, сколоченный из мангровых деревьев. Швартоваться в этом месте мы не стали, так как на берегу полно малярийных комаров.

В Порт-Корнуолис мы зашли еще и для того, чтобы в свободное время поохотиться на крокодилов в западной протоке возле Диглипюра. Нам сообщили, что там они кишмя кишат.

Не успели бросить якорь, как с берега отчалила маленькая лодка и, покачиваясь на волнах, направилась к нашему судну. Из нее вышли два человека — радист Менон и лесничий Ачайя.

— Как здесь насчет крокодилов? — спросил Берн.

— Масса, масса, — ответил Менон. — Правда, они поуменьли.

Другой мужчина, небольшого роста и совершенно седой, кивнул в знак согласия.

— Мистер Вайдя хотел бы попробовать свои силы на одном из них, — сказал Берн, выдавая цели наших расспросов.

— Стреляйте сколько хотите, — сказал Менон, смуглый мужчина с тонкими усами, говоривший с большим апломбом. — Когда я в последний раз был на протоке, там было множество крокодилов. Есть такое место, где они всегда спят. Мы можем запросто настрелять их. Но туда надо добираться на лодке и совершенно бесшумно.

Лесничий тоже счел нужным высказать свое мнение:

— С тех пор как фермеры-бенгальцы ставят ловушки на крокодилов, животные стали более осторожными. Фермеры продают крокодиловые кожи. Последний раз, когда я ездил туда с помощником главного хранителя лесов, мы не видели ни одного крокодила — они исчезали, заслышав шум нашей лодки.

Было начало пятого, до захода солнца оставалось еще целых два часа, и я предложил произвести разведку в протоке.

Мое предложение заставило Менона вскочить со стула.

— Что? Сейчас? Но ведь уже поздно. Протока простирается на одиннадцать миль, а нам надо отплыть подалее.

— К тому же крокодилы появляются только во время отлива, — добавил лесничий.

Отлив достигает самой низкой отметки к десяти часам утра. Мы — Берн, Хла Дин, я и еще двое мужчин — отплыли точно в половине седьмого утра, чтобы иметь в запасе время для поиска крокодилов. Обогнув мыс, мы попали в протоку с илистой, стоячей водой грязно-желтого цвета. На ее поверхности плавала пена, как будто кто-то стирал в ней белье.

Вначале протока была широкой, но примерно через три мили она значительно сузилась и ясно различались оба берега. Ачайя, показывая на деревянный помост, выступавший с берега, сказал:

— Вот здесь переселенцы ловят рыбу. Они сооруди-

ли множество таких помостов для рыбной ловли. А способ, которым они пользуются для ловли крокодилов, ужасен, они оставляют в воде на всю ночь большие рыболовные крючки с наживкой, а на следующее утро вытаскивают попавшееся животное на берег и бьют, пока оно не подойдет. Крокодилы заглатывают приманку, и крючок застревает у них в горле, причиняя боль. — Он вздрогнул, казалось, крючок застрял у него самого в горле.

Примерно через пять миль протока раздвоилась, причем основная вела к Диглипуру, а боковая — к Паглипуру, району нового поселения. По совету Ачайи мы поплыли по последней. Протока была шириной около пятидесяти футов и по мере нашего продвижения она все сужалась. Уровень воды понизился. Во многих местах обнажились участки илистого дна со свежими следами когтей крокодилов. На крутом повороте Менон знаками попросил нас замолчать и, указав на илистую отмель, прошептал:

— Вот здесь я всегда вижу этих чудовищ.

Мы беспрекословно подчинились ему. Хла Дин, выключив мотор, тихо подгрел к указанному Менонем месту. Представьте себе наше разочарование, когда на большом участке илистой отмели мы увидели лишь двух отчаянно бившихся маленьких рыбешек.

— Куда этот крокодил сегодня провалился? — проворчал Менон. Он явно чувствовал себя неловко.

Протока продолжала сужаться. Теперь ее ширина достигала не более пятнадцати футов. На берегах виднелись густые мангровые заросли, но деревья были низкорослыми и кое-где проглядывали желтые листья. Мы пристально всматривались в лабиринт их корней, в илистые наслоения вокруг них, но либо мы прибыли слишком рано, либо не на то место — крокодилов не было. Потом достигли конца протоки. Динги начала зарываться носом в илистое дно, и мы пришвартовались к деревянным мосткам на левом берегу, откуда тропинка вела в район поселения. Мы провели на воде около двух часов и испытывали потребность расправить затекшие ноги. Менон и Ачайя пригласили нас посетить участки, где валили деревья, но мы отказались — Берн хотел сделать несколько снимков, а я не мог идти из-за больной ноги.

— Берн,— сказал я,— моя рана от укуса комаров

болит, несмотря на лечение в Маябундере, и притом ужасно.

Берн осмотрел опухоль и покачал головой:

— Ну и глупец этот фельдшер. Зачем он приложил цинковую примочку? Рана затянулась, а гной скапливается внутри.

Однако в нашем положении мы ничего не могли сделать.

Через добрых полчаса Менон и Ачайя вернулись. Хотя полный отлив ожидался не раньше чем через час, уровень воды в протоке сильно понизился, и Хла Дину приходилось применять все свое искусство для того, чтобы благополучно провести динги среди бесчисленных илистых отмелей. Мы еще раз замедлили ход у излучины, где Менон часто видел «своего» крокодила, но чудовище, по всей вероятности, изменило свои планы. Все же на илистых берегах виднелось все больше следов когтей крокодилов. Это говорило о том, что они постепенно начинают выходить на солнце. Следы были похожи на отпечатки трезубцев и, как правило, вели в лабиринт корней мангровых зарослей.

Я не знаю, как далеко мы отплыли от того места, где протока раздваивалась, но обратный путь до него занял добрых полтора часа. Правда, чтобы лучше рассмотреть берега, мы специально замедляли ход лодки. К этому времени я уже покорился судьбе и в душе молил о том, что если уж не удастся застрелить крокодила, то хотя бы удалось посмотреть на него: я ни разу в жизни не видел «дикого» крокодила. Моя молитва была услышана: что-то тяжелое плюхнулось в воду. Берн уверял меня, что он мельком видел животное.

— Не повезло, — промолвил Ачайя, пытаясь утешить нас. — На охоте всякое бывает...

Менон, чувствуя себя виноватым, заерзал на месте.

— Почему именно сегодня нет ни одного крокодила? Мы видим их всякий раз, как приплываем сюда. — В его голосе зазвучали пессимистические нотки.

Берн заметил маленькую протоку, уходящую вправо, и попросил Хла Дина свернуть в нее. Скоро мы пробирались по узкой протоке, которой, по всей вероятности, никто не пользовался.

Мангровые деревья нависали так низко над водой, что нам приходилось постоянно наклонять головы. По-

логие илистые берега под сплошным навесом из листьев, казалось, были идеальным местом для крокодилов. Чуть дальше, по направлению к концу протоки, мы даже наткнулись на место, куда крокодилы приходят греться на солнце, но ни одного крокодила здесь не было и в помине.

Решили было вернуться в Порт-Корнуолис по главной протоке. Я, естественно, находился в удрученном состоянии — проделать такой длинный путь и не увидеть ни одного крокодила — было от чего расстроиться. Одно лишь утешало — перспектива лечь в постель и отдохнуть, так как мою ногу раздирала острая боль.

Вода продолжала спадать, обнажая широкие, топкие и грязные отмели. Мы попали в место, похожее на узкую канаву, которое казалось более пригодным для ловли рыбы, чем для охоты на крокодилов. Илистых отмелей здесь почти не было. Но Берн, человек настойчивый, сказал, что мы должны обследовать и это место. Мы сомневались в разумности его предложения, поскольку здесь было мелко, и лодка почти касалась килем дна. Внезапно пейзаж резко изменился. Протока расширилась почти до тридцати футов, на обоих берегах появился густой мангровый лес.

Протока была длинной. Весело тарактел мотор динги, как вдруг футах в двадцати позади нас я услышал треск в корнях деревьев. Звук был особым, протяжным; он сначала как бы обогнал нас, а потом вернулся обратно. Да, это уже настоящий крокодил — мы видели, как он вылезал на берег из сплошного лабиринта корней. Крокодил двигался быстро, и я сомневался, успею ли прицелиться. Вдруг животное подняло голову, чтобы перелезть через плотные сплетения корневищ, сквозь которые оно не могло протиснуть свое огромное туловище. Тотчас же заговорил мой верный маузер, и я увидел, как пасть крокодила открылась и закрылась, как будто он зевнул.

Опытные охотники говорили мне, что убить крокодила труднее, чем других животных, так как у него единственное незащищенное место — шея. От всех остальных мест пуля отскакивает, предупреждали они. Здесь мне впервые довелось проверить эту теорию. Я твердо знал, что пуля попала под челюсть, а не в шею, и все же успел заметить: после зевка голова животного упала на землю.

Настроение у меня улучшилось, да и у моих товарищей тоже. Менон похлопывал меня по спине и кричал:

«Вот это выстрел!», а Ачайя радостно сообщил всем, что это первый крокодил, убитый в протоке вблизи Диглипура. Тем временем лежавшее неподвижно пресмыкающееся подняло голову и начало ползти вперед. Оно двигалось медленно, но вода была недалеко, а я знал, что, если крокодил доберется до воды, его можно считать потерянным. Я стремился предотвратить это, но, увы, напрасно. Динги продвинулась вперед, и мне стало трудно прицеливаться. Я поспешно повернулся и выстрелил еще раз. Пуля пробила ноздри. Крокодил только моргнул и продолжал двигаться в том же направлении. Он уже приближался к месту, где начинался ил. Я выстрелил в третий раз и попал в позвоночник. На сей раз животное осталось лежать неподвижно.

Менон был крайне возбужден, без умолку говорил, а кислую физиономию Ачайи впервые за весь день осветила широкая улыбка. Хла Дин был тоже взволнован, но, как истинный бирманец, не показывал этого. Он просто развернул динги и направил ее прямо к животному. Я уверен, что Хла Дин собирался вылезти и забрать добычу, но в это время крокодил еще раз лягнул челюстями, будто предупреждая: «Еще один шаг — и я схвачу». Мы словно примерзли к своим местам. Менон заявил, что мне надо бы выстрелить еще раз. Я не придавал значения его замечанию, так как знал, что крокодил мертв, и это была лишь последняя нервная конвульсия.

— И все же лучше не трогать его сейчас. Пусть он сохнет совсем, — просил Менон, но мы не обратили внимания на его просьбу.

Если забыть о скользкой, покрытой роговыми щитками коже и поистине ужасном рыле крокодила, его можно было назвать красавцем. Он казался огромным — длиннее нашей лодки. Я тут же в уме начал прикидывать, сколько сумок и туфель можно сделать из его кожи для членов моей семьи, как вдруг боль в ноге вновь стала мучить меня.

Теперь, когда мы достигли своей цели, я жаждал вернуться обратно, но не тут-то было. Берну хотелось, чтобы я застрелил еще одного крокодила, так как в пылу преследования он забыл запечатлеть самый ответственный момент, когда пуля поражает животное. Поскольку Менон и Ачайя тоже стояли за продолжение охоты, я сдался.

Солнце уже светило очень ярко, и на открытых участ-

как берега сквозь чащу корней ясно различались крокодилы, гревшиеся на солнце. Примерно в двухстах ярдах протока поворачивала, и, когда мы обогнули излучину, послышался еще треск. Звук быстро распространялся. Мы подплыли ближе, и я увидел, как крокодил поспешно пробирался сквозь корни. Его брюхо волочилось по земле. Как я теперь узнал, крокодилы держались определенных троп. Мы попали на одну из них. Теперь тропа была под прицелом. В следующее мгновение животное появилось, но, вместо того чтобы соскользнуть вниз, по склону, оно стремительно бросилось в воду. Моя пуля догнала его, застряв, по-видимому, где-то в области желудка. Крокодил тотчас же погрузился в воду и скрылся из виду. Мы подплыли на динге к этому месту и попытались прощупать тростью Менона дно протоки, но здесь оказалось слишком глубоко. Через пятьдесят футов протока кончилась, и мы повернули обратно.

Как быстро бежит время, когда охота идет удачно! Прошло по меньшей мере полчаса, пока мы добрались до убитого крокодила, но для нас они пролетели как несколько минут. Отлив достиг самого низкого уровня. Животное лежало на широкой илистой отмели. Нам пришлось задуматься, как втащить его в лодку. Берн придерживался того мнения, что нам следовало вернуться на «Нилкамал» и послать за крокодилом группу людей, но Хла Дин отверг его предложение на том основании, что поездка туда и обратно займет по меньшей мере два часа, а в это время начнется прилив и вода унесет нашу добычу. Во избежание дальнейших споров по этому поводу Хла Дин залез в грязь и, взявшись за голову животного, пытался подтащить его к лодке. Но он переоценил свои возможности. Берну пришлось помочь ему. Они брались за крокодила и так и этак, но долго не могли сдвинуть с места. Наконец путем нечеловеческих усилий Хла Дину и Берну удалось докатить добычу до динги и поднимать сначала голову, потом грудь, затем брюхо и так далее. Каким-то образом им все же удалось засунуть его на корму, но хвост свисал с лодки: он был слишком тяжел. Однако хвосту, видимо, не понравилось, что его оставили в таком неудобном положении. Когда заработал мотор, он ударил с такой силой, что едва не сбил с ног Берна и Хла Дина. Чтобы не повторился подобный номер, Берн привязал хвост крепкой веревкой к борту лодки.

Теперь я мог тщательно рассмотреть крокодила и обнаружил некоторые особенности, о существовании которых раньше не знал. Пасть, напоминая пещеру, была действительно страшной — около пятидесяти сантиметров в длину с двумя подковообразными рядами зубов. Вместо языка виднелись миндалевидные железы величиной с теннисный мяч. Из любопытства я приподнял веки крокодила. На меня уставились два зловещих глаза, похожих на кошачьи. Но больше всего меня интересовали следы пуль: все три выстрела попали в цель и пули глубоко проникли в туловище. Тем самым была опровергнута теория, согласно которой пули отскакивают от всех мест, кроме шеи.

Выйдя в главную протоку, Берн обнаружил еще один рукав и свернул в него. Берега здесь далеко отстояли друг от друга и буквально кишели крокодилами. Не успели мы проплыть и пяти—десяти ярдов, как со всех сторон из мангровых зарослей стал раздаваться уже знакомый нам треск, за которым следовал всплеск воды. Тем, кто считает, будто крокодилы неуклюжие животные, следует изменить свое мнение; крокодилы двигаются быстрее, чем бежит человек, и с поразительной ловкостью пробираются сквозь запутанный лабиринт корней. Один крокодил, двигаясь с невероятной скоростью, не успел сообразить, что впереди него широкая полоса заболоченного берега. Он беспомощно сползал по скользкой почве. Чтобы добраться до спасительной воды, ему потребовалось некоторое время, но и стрелять в него было невозможно. Животное появилось сзади нашей лодки, и я едва ли успел бы повернуться и прицелиться. К тому же крокодилы проявляют известную сообразительность. Они определяли направление движения нашей лодки по шуму мотора и появлялись только позади нас и никогда не всплывали впереди. Один крокодил был настолько любопытным, что довольно долго следовал за нашей динги, по в целях предосторожности оставался под водой, а на поверхности виднелись лишь глаза. Я не стрелял в него, поскольку знал, что даже в случае смертельного ранения он скроется под водой и будет потерян для нас. Крокодилы, которых мы видели в этой протоке, иногда достигали в длину около шести футов.

Протока оказалась довольно длинной, поэтому решили повернуть обратно. Треска больше не было слыш-

но — животные, раньше выходявшие погреться на солнце, теперь скрылись в воде, и большие илестые отмели опустели. Лишь каравайки да бекасы прыгали по ним в поисках корма.

Когда мы вернулись в полдень, «Нилкамал» весело покачивался на волнах бухты. Услышав шум мотора динги, у поручней в ряд выстроились люди, жаждавшие посмотреть, что мы привезли. Мы остановились у борта ненадолго и только для того, чтобы взять дхау Хла Дина, после чего поспешно вернулись на берег. С открытыми от удивления ртами смотрели жители на нашу добычу. Крокодил действительно оказался большим. Восемь человек вытаскивали его на берег, где Берн сделал несколько снимков. Ачайя принес из своей хижины рулетку и измерил длину — девять футов!

В тот вечер Хла Дин в течение нескольких часов свежевал крокодила. Когда кожа была растянута для просушки, она заняла всю верхнюю палубу и даже свисала с бортов, частично закрывая иллюминаторы кают. Я спросил сержанта, что он нашел в желудке крокодила?

— Ничего особенного. Только панцири крабов и камни, — ответил сержант.

Около полуночи «Нилкамал» снялся с якоря. Все очень обрадовались: после неподвижного воздуха в порту, бриз в открытом море оказался таким желанным. В течение всего следующего дня мы плыли мимо маленьких необитаемых островков и лишь в четыре часа бросили якорь в Лэндфоле, самой северной оконечности архипелага. Остров, впрочем как и другие острова в этом районе, был безлюдным, но бухта казалась живописной, и я позавидовал Берну, который пошел купаться, а мне пришлось остаться на берегу и перевязывать ногу.

И опять в полночь мы выбрали якорь и на рассвете прибыли на западное побережье острова Интервью. Здесь Берн целый день выдавал деньги и продовольствие сотрудникам полиции, а когда он к вечеру вернулся, голодный и усталый, капитан корабля сообщил ему неутешительные вести.

— На судне осталось очень мало питьевой воды. Нужно скорее возвращаться в Порт-Блэр.

— Но у вас же перед отплытием были полные цистерны! — удивился Берн.

— Пока мы стояли в порту, на воду набросилась половина населения Маябундера. А что я мог поделаться? У меня не хватило духу остановить их. Ведь в городе почти нет питьевой воды.

В этом заключается основная трудность освоения Андаман. Источниками воды являются только дожди и несколько родников.

Отплыв от острова Интервью, мы обогнули побережье Среднего Андамана и свернули в пролив Мидл-Стрейтс — кратчайший путь до Порт-Блэра. Пролив узкий, а оба берега заросли дремучими джунглями. Здесь живут джарвы. Но нам так ничего и не удалось увидеть в этих невероятно густых зарослях.

К полудню мы достигли Орал-Кайча — лагеря в лесу, где Берн выдавал продовольствие и деньги сотрудникам полиции. К четырем часам мы уже опять были в открытом море. Берн внимательно осматривал пурпурные воды моря.

— Вот посмотрите сюда — надвигается шторм, — сказал он, указывая на место, откуда поднимались какие-то белые существа.

— Это каракатицы, — добавил он. — Когда они начинают подниматься на поверхность, можете быть уверены, что приближается шторм.

Действительно, начался шторм, завыл ветер, и море разбушевалось, но, к счастью, лишь тогда, когда мы уже пришвартовались у морской пристани в Порт-Блэре.

Глава IX

Изумруды в море

По пути из Мадраса наш теплоход «Андаманы» несколько часов простоял в порту на острове Кар-Никобар, самой северной точке Никобарских островов. По сравнению с огромным морем островок выглядел крошечным и казалось, первая же крупная волна прилива смочит его. Но я буквально онемел, пораженный красотой его природы, блестящей изумрудной зеленью на фоне бескрайних морских просторов.

Когда мы прибыли в бухту Мус, на берегу не было видно ни души, но как только бросили якорь, из-за мыса появились каноэ копошившиеся на волнах, как муравьи, и спешившие взять приступом наш теплоход. Это были небольшие лодки, выдолбленные из бревен. В них стояли одетые в шорты молодые мужчины монголоидного типа; высоко над головами они держали связки бананов и зеленые кокосовые орехи, которые пытались продать нам. Однако они были плохими торговцами: если пассажиры не сразу отзывались, островитяне бросали плоды в лодку и начинали болтать, смеяться или плавать в море, просто так, для собственного удовольствия.

Судовой катер доставил нас на берег. На опушке леса мы сели в джип. Дорога петляла среди густых зарослей: повсюду виднелись пальмы, панданусы, хлопковые деревья, красный жасмин, различные папоротники. То тут, то там наша машина обгоняла группы никобарцев, несших на спинах кокосовые орехи и бананы. Шофер Николас ни разу не потрудился дать сигнал — он лишь со свистом проносился мимо, а ошеломленные прохожие жалась к кустам. Но в отношении свиней и цыплят, внезап-

но появлявшихся из-под кустов и перебежавших дорогу, шофер проявлял осторожность и постоянно тормозил.

— Надо быть предельно внимательным,— пояснил он.— Здесь ценят домашних животных на вес золота. Никобарцы ничего не скажут, если вы задавите человека, но если вы убьете цыпленка или свинью, деревенский совет в полном составе соберется на заседание и сдерет семь шкур с виновника. За убийство свиньи взимают четыре мешка риса, за цыпленка — полмешка. Это очень много, если иметь в виду, что рис привозят издалека и местное население считает его роскошью.

— Каким образом никобарцы зарабатывают себе на жизнь? — поинтересовался я, заметив дхау, заткнутые за пояса никобарцев. Островитяне походили на садовников или крестьян.

— Они не задумываются над этим,— ответил Николас.— Природа обеспечивает их дикими плодами, а в море полно рыбы. Никобарцы собирают плоды и ловят рыбу. Но на островах происходят большие изменения: за последние десять лет население очень выросло. Сейчас их уже восемь тысяч человек, и островитяне начинают ощущать необходимость в работе ради заработка. Но пройдет много времени, прежде чем они изменят привычный образ жизни. На островах все еще трудно найти свободную рабочую силу.

Мы миновали церковь, потом деревню — несколько конусообразных хижин на высоких сваях, расположенных по окружности. На открытом пространстве в центре деревни обменивались новостями женщины в саронгах, а вокруг них играли дети. Потом мы оказались возле поля, где играли в футбол. Вокруг сидели внимательные болельщики.

— Никобарцы любят спорт,— продолжал Николас.— Особенно футбол. Я думаю, что в будущем году наша команда поедет на материк для участия в чемпионате страны. Можете быть уверены, они продемонстрируют хорошую игру.

— У них есть и клубы и спортивный инвентарь? — спросил Коли, капитан нашего теплохода, который сидел возле Николаса.

— Как правило, нет. Деревенские парни собирают деньги и покупают футбольный мяч. Клуб в этой деревне содержится на средства церкви. Миссионеры основали

первые школы, но не смогли многому научить местное население. Теперь открыты новые школы, где преподавание ведется на хинди.

Остров был действительно восхитителен. В кронах пальм пели птицы. Их пение и доносившийся откуда-то издали рокот моря — единственные звуки, которые мы слышали.

Как нам ни хотелось задержаться подольше, мы не могли этого сделать и вынуждены были повернуть обратно. По пути мы остановились в деревне, которая, как и большинство деревень никобарцев, расположена у самого берега моря. Начался отлив, и среди многочисленных коралловых обнажений детишки собирали раковины и крабов. Над покрытыми листьями крышами конусообразных хижин возле берега курился дымок. Мы подошли к большой хижине и взобрались в нее по столбу с зарубками, которым пользуются вместо лестницы. Мускулистый молодой мужчина с копной волос, венчавших его голову, масляной краской рисовал декоративные украшения в виде голов, которые помещают на носу каноэ.

К счастью, он немного знал хинди. Запинаясь на каждом слове, он объяснил, что мы пришли в хижину совета деревенской общины.

— А для чего вы рисуете эти головы? — поинтересовался я.

Из слов молодого никобарца мы поняли, что скоро должны состояться гонки на каноэ на первенство острова и он подготавливает лодки к этому событию. Головы с нарисованными на них глазами, черточками и кружками, прикрепляются к носу каноэ для того, чтобы во время гонок отличать одну лодку от другой.

Меня поразили размеры хижины и чистота в ней, о чем я не замедлил сказать Николасу.

— Никобарцы пропитаны духом коллективизма в большей степени, чем другие народы, с которыми я сталкивался, — заметил он. — В каждой деревне есть не только общинная хижина, но и общественные дома, куда помещают безнадежно больных, а также помещения для рожениц.

— Вы говорили, что на острове есть христиане, — напомнил я.

— Только часть населения приняла христианство, но даже и они все еще соблюдают старые обряды.

Через два месяца я подготовился к поездке на Никобарские острова. Веселый толстяк, управляющий Никобарской торговой компанией Сулейман Парикх, устроил меня на грузовой пароход «Сафина», точная дата отплытия которого была неизвестна. День за днем моя поездка откладывалась. Это выводило меня из себя — ведь в середине мая на Никобарах начинается сезон муссонов и передвижение транспорта по острову прекращается, а сейчас уже была вторая половина апреля. Но как-то поздно ночью мы в конце концов снялись с якоря.

На следующее утро, после завтрака, доктор Чакраборти, чиновник Управления здравоохранения, доктор Басу, маляриолог, намеревавшийся провести некоторые исследования на Никобарах, и я сидели на капитанском мостике. Неожиданно море разволновалось. Мы только что миновали Малый Андаман и теперь бороздили воды пролива Десятого градуса, который считается самым бурным местом в Бенгальском заливе. Никто не знает, какие процессы происходят под толщей вод, возможно здесь действует подводный вулкан или проходит сильное подводное течение.

«Сафина» то поднималась на огромных, как цирковые шатры, волнах, то падала вниз. Гигантские волны окружали корабль со всех сторон. В какое-то мгновение мы проносились над водой, потом зарывались носом в глубокий провал. Но мои попутчики преспокойно сидели на мостике и жевали листья бетеля, как будто ничего особенного не происходило.

— Страшновато, — сказал я Чакраборти.

— Еще миль двадцать нам плыть по такому морю, — «успокоил» доктор.

Я специально говорил по-английски, чтобы члены экипажа ничего не поняли.

— А этих ребят волны, видимо, совсем не пугают?

— Для них это обычная работа, — со смехом промолвил Чакраборти. — Вы бы видели пролив Десятого градуса во время шторма. Вот тогда волны пенятся, крутятся и ударяют по судну с такой силой, что даже большие корабли содрогаются и скрипят. Но можете не беспокоиться, вы в надежных руках. Эти люди не получили образования, не кончали никакого мореходного училища, но они знают море как свои пять пальцев.

К вечеру теплоход вышел из пролива. Море успокои-

лось. Мы не собирались заходить в Кар-Никобар, который раскинулся у выхода из пролива, а направились прямо в Нанкаури, на сто миль дальше к югу. Там находился пост маляриологов. Наступил вечер, небо закрыли белые облака, в центре которых виднелось розовое пятно, словно след от губной помады на женском носовом платке. Некоторое время вокруг судна кружил буревестник, потом большая стрекоза. Какие сильные крылья должны быть у этого насекомого: ведь до ближайшей земли — безлюдного острова Батти-Мали — лететь на восток по меньшей мере миль сорок!

Удивительно, как место, о котором вы раньше читали или что-то слышали, не совпадает с вашим представлением о нем. Мне все говорили, что Никобарские острова, и в частности Нанкаури, это царство кокосовых пальм, а я увидел на следующее утро лишь узкую полосу зелени, проглядывающую сквозь ленту тумана, расстилавшегося над морем. По мере приближения к берегу полоска становилась шире и в конце концов приобрела очертания густого леса. Правда, среди деревьев были и кокосовые пальмы, но они росли в основном у кромки леса. За ними, на холме, виднелись вечнозеленые растения, среди которых то тут, то там возвышались купола четочника. На первый взгляд растительность казалась однообразной, но, когда мы свернули в пролив с высокими скалистыми берегами, о которые с пеной разбивались волны, и яркое, как и повсюду на Андаманах, солнце поднялось из-за гребня холма, зелень засверкала изумрудным блеском.

Нанкаури расположен на трех островах: собственно Нанкаури, Каморта и Тринкат, которые соединены проливом длиною в семь миль и образуют одну из самых безопасных гаваней мира. Пролив имеет форму полумесяца, в одной из небольших бухт которого находится глубокая и безопасная якорная стоянка с деревянным причалом. Здесь и пришвартовалась «Сафина».

Гавань Нанкаури с трех сторон окружена сушей, и вода в ней настолько чиста, что я видел каждую рыбешку, проплывавшую в ней. Это были главным образом мальки изумительной окраски, с зелеными спинками и бледно-голубыми брюшками. Они были поразительно прозрачными. Мальки передвигались среди водорослей на морском дне, словно облачка, но когда на них нападала

большая рыба, тотчас же выпрыгивали из воды и с шумом, как капли дождя, падали обратно в воду.

— Приветствую вас,— послышался сзади меня чей-то низкий голос. Я обернулся и оказался лицом к лицу с высоким толстым мужчиной с бородой, которая закрывала почти все его лицо.

— Меня зовут Мусаджи,— продолжал мужчина.— Я управляющий Никобарской торговой компанией. Мне сообщили о вашем приезде. Пойдемте, пожалуйста, в дом для гостей. Ваши вещи уже там.

Я последовал за ним по деревянным сходням, содрогавшимся от топота сотен ног полуголых никобарцев, тащавших грузы на своих спинах.

Прибытие «Сафины» было событием для города, и на пристани царило необычное для этих мест оживление. И все же по сравнению с толпой индийцев, оказавшихся в подобной обстановке, люди казались мне какими-то тихими — не было слышно ни криков, ни голосов спорящих, лишь изредка долетали обрывки разговоров. Тишина была столь непривычной, что я не удержался и сказал об этом моему хозяину.

Мусаджи рассмеялся и его борода затряслась:

— Вам кажется, что здесь тихо. Все приезжающие в первый раз обращают на это внимание. Никобарцы очень спокойный народ. Они никогда не ссорятся, никогда не дерутся, а если кто-либо из них недоволен другим, то он, расстроенный, просто отходит в сторону, и только. Вам, вероятно, не хватает шума, к которому вы привыкли на материке. Здесь нет ни поездов, ни автомобилей, ни лошадей, ни быков. Вначале их как-то не хватает, а потом вы постепенно привыкаете к этому. Взгляните на меня. Я живу здесь уже десять лет и так привык к тишине, что, когда езжу на материк, шум начинает раздражать меня, и я мечтаю поскорее вернуться обратно.

Маленькая колония Никобарской торговой компании была единственным очагом европейской цивилизации в этом мире конусообразных хижин и зеленых джунглей. Квадратные деревянные домишки под красной черепицей вклинились в пространство между холмом, с одной стороны, и берегом моря — с другой. Дом для гостей стоял на песчаном берегу; во время прилива волны плескались под его полом. Стандартная мебель была сдвинута в угол, чтобы освободить место для большого обеденного стола,

накрытого для завтрака. Вокруг него стояли стулья, на одном из которых я увидел рани Лакшми, сдержанно смеявшуюся над шутками доктора Чакраборти. Она была одета в желтое сари и розовую блузку и казалась рядной и привлекательной.

Я подошел к ней и заговорил:

— Бьюсь об заклад, вы не узнаете меня.

Какое-то мгновение она старалась припомнить, кто я. Вдруг ее лицо просветлело.

— Я знаю вас,— воскликнула она.— Мы встречались в Дели. Вы приходили к нам в отель. Я помню вас даже очень хорошо.

— Вам тогда не верилось, что я как-нибудь возьму да и приеду на остров.

— По правде говоря, нет. Многие обещают приехать и никогда не приезжают, кроме вот этих чиновников, — она показала рукой на Басу и Чакраборти. — Но они всегда так спешат, приезжают утром и уезжают вечером. Вы тоже приехали ненадолго?

— Нет,— сказал я.— Собираюсь пробыть здесь некоторое время, но при условии, что вы покажете мне остров.

— Я сделаю это с удовольствием.

После завтрака Басу и Чакраборти отправились инспектировать больницу в Каморте, где расположены все государственные учреждения. Я же предпочел поехать с рани в ее деревню.

Мы миновали пристань и вышли на большое открытое место, где несколько мужчин строили хижину. Они не слишком утруждали себя: расколят бамбуковый ствол и отдыхают, завяжут узел и отдыхают, а в промежутках еще находят время для флирта с молоденькой женщиной, лежавшей у порога соседней хижины, откуда доносились оглушительные звуки граммофона. Я подумал, сколько же времени они будут строить хижину, и спросил об этом рани.

— Они должны кончить работу в ближайшие три недели, так как потом начнутся муссонные дожди,— ответила она.

Мы миновали еще несколько конусообразных хижин, как две капли воды похожих друг на друга. Сидевшие возле них мужчины и женщины обменивались новостями или с праздным любопытством наблюдали за тем, как свиньи и цыплята разгребали кучу мусора. Затем мы по-

дошли к высохшему руслу, на дне которого были проложены две широкие доски. Рани ступила на них и, показывая зонтиком сначала влево, а потом вправо, сказала: — Мы пришли из Чампина. А теперь мы входим в Малакку, мою деревню.

Две группы хижин так близко подходили друг к другу, что казались одним поселком.

— Разве это две деревни? — возразил я. — Хижин мало даже для одной.

— На Никобарах везде так, — пояснила рани, открывая зонтик. — Если какая-либо семья обосновывается на одном месте, то это уже деревня. Взгляните вон на ту единственную хижину. — Она указала на берег за гаванью. — Это тоже деревня. Она называется Хенкотт.

Малакка представляла собой скопление конусообразных хижин. Пейзаж, как обычно, оживляли свиньи и цыплята. Женщина с тремя детьми — двумя девочками и мальчиком — спустила свое каноэ на воду и стала грести вдоль берега.

— Куда они направились? — поинтересовался я.

— На свои плантации, — ответила рани. — Они будут собирать кокосовые орехи, а по пути ловить рыбу. Это наша ежедневная пища. Иногда мы едим панданус, но за ним надо идти в джунгли.

— А когда же вы едите свинину и цыплят?

— Только по праздникам.

Дом рани оказался симпатичным деревянным строением с большими светлыми комнатами, полными воздуха. С карниза просторной веранды свешивался тростниковый треугольник. В нем сидел попугай, ноги которого были связаны. Это была первая птица в неволе, которую я увидел на островах. Я спросил рани, что ее понудило держать птицу на веранде.

— Это не мой попугай, — объяснила она. — Он принадлежал моей матери, которая привезла его из Рангуна. После ее смерти я ухаживаю за ним.

— Научили ли вы его разговаривать?

— Что вы! Он принадлежал моей матери. По нашим обычаям все имущество умершего человека кладут на его могилу. Но я не могла со спокойной совестью оставить попугая на могиле и поэтому принесла его в дом. Я только кормлю его и никогда не заставляю что-либо делать.

Мы пошли в гостиную. Она была уютно обставлена:

столы, стулья, небольшие диваны, радиоприемник, а в углу — граммофон и швейная машина. На стенах висели фотографии. Нигде не было видно ни одного изображения святого или какого-либо божества, которые часто встречаются в домах на Востоке и помогают определить, какова вера хозяина.

— Рани, какую религию вы исповедуете?

— Мы — отсталый народ. У нас нет религии, — ответила она с очаровательной простотой.

— Совсем никакой? Но у вас должны же быть какие-нибудь культы, праздники?

— Только Бурра-Дин*. Его празднуют, когда исполняется первая годовщина со дня смерти последнего главы рода.

Мы вышли на веранду и удобно расположились в шезлонгах, наслаждаясь прохладным морским бризом.

— Все эти дома, — сказала рани, показывая на группы конусообразных хижин, — принадлежат нашему роду. В них живут мои родственники. Знаете, на Никобарах весь род, включая двоюродных братьев и сестер, а также дальних родственников, живет вместе. Взгляните на этих детей. — Рани показала на двух голых ребятишек, которые весело резвились в каноэ. — Это мои племянники, сыновья моего младшего брата. — Она что-то крикнула им по-никобарски, мальчики тотчас же прекратили свою шумную игру и взобрались в ближайшую хижину. — Они расшалились потому, что их отца нет дома. Он уехал в Тринкат наблюдать за сбором кокосовых орехов. — Она показала мне, где находится Тринкат — плоский остров, расположенный по другую сторону пролива. — Там наши плантации кокосовых пальм.

— Вы, вероятно, собираете множество кокосовых орехов? — сказал я. — Ведь ваши острова славятся ими.

— Сейчас мы собираем много, — задумчиво произнесла она. — Раньше никобарцы не интересовались сбором орехов и этим пользовались индийские и китайские торговцы, которые приплывали сюда на парусных судах и бессовестно обманывали нас. За дешевые безделушки они получали право собирать кокосовые орехи на наших плантациях. Доходы торговцев составляли тысячи рупий, а в их книги заносились лишь наши бесконечные долги.

* Бурра-Дин — букв. «плохой день» (хинди).

Это было ужасно. Каждая семья завязла в долгах по уши. Индийское правительство запретило торговцам приезжать на острова.

Сейчас в каждой деревне создан кооператив, который покупает у нас копру по рыночным ценам и продает ее компании по ценам, установленным помощником верховного комиссара в Кар-Никобаре. Теперь мы получаем двойные доходы — от продажи копры кооперативам и от дивидендов компании. Каждая семья хорошо обеспечена.

— Компания, должно быть, тоже имеет хорошие доходы, — сказал я.

— Да, но наши кооперативы постепенно приобретают ее акции. В течение ближайших пяти или шести лет мы станем владельцами компании.

Молодой человек в пестрых шортах и майке, по-видимому типичной одежде никобарских юношей, вышел из гостиной и, срезав макушку зеленого кокосового ореха, протянул его мне. Я был сыт и пытался отказаться, но молодой человек не хотел ничего слушать. Рани поддержала его:

— Вы должны выпить это, — настаивала она. — Мы предлагаем гостям сок кокосового ореха так же, как вы чашку чая. И никогда не отпустим гостя до тех пор, пока он не выпьет сок.

— Рани, — продолжал я, попивая освежающий напиток, — мне было приятно узнать, что ваш народ скоро станет владельцем акций компании. Но как вы собираетесь управлять ею? Вы сами говорили, что никобарцы — отсталый народ.

Лицо рани засветилось гордой улыбкой:

— Взрослые мужчины-никобарцы неграмотны. Но молодежь учится в школах, созданных властями, и получает образование. По окончании школы молодые люди поступают стажерами в различные отделы управления компании и изучают торговое дело. Несколько юношей уже закончили обучение и стали служащими компании. Мой племянник, — она показала на юношу, который дал мне кокосовый орех и теперь стоял, облокотившись на перила, — окончил школу и стал стажером в компании. Сейчас он работает в нашем кооперативе. Власти предложили компании монополию на торговлю на том условии, что по истечении определенного срока она передаст

право собственности кооперативам, а за это время обучит наших юношей искусству управления.

— Вам нравится ваша работа? — спросил я племянника рани, который явно не проявлял никакого интереса к нашему разговору.

— Вначале было трудно, но сейчас стало легче. В прошлом году наши дивиденды составили десять процентов прибыли. Это самый высокий дивиденд, когда-либо выплаченный кооперативом.— Он подвинулся ближе и продолжал доверительно.— В акциях компании все сбережения нашего народа. Ведь на островах мы мало тратим на жизнь. Пищу нам дает природа, дома строим сами, что же касается одежды, то, за исключением женщин, которые стали интересоваться модой, в нашем теплом климате не нужно ничего, кроме шортов. Большинство никобарцев согласились откладывать доходы от дивидендов, и на них мы выкупим акции компании.

Меня удивило толковое объяснение молодого человека — я даже не подозревал, что он способен на что-то, так как он, казалось, ко всему относился с явным безразличием. Но впоследствии я убедился, что за этим типичным для никобарцев флегматизмом скрывается природная сообразительность.

— Вы были очень внимательны,— поблагодарил я рани, поднимаясь.— Но пора уходить: меня, вероятно, ждут ко второму завтраку.

— Заходите когда хотите,— сказала рани.— Можете обращаться к моему племяннику с любой просьбой.

Только к полудню я добрался до дома для гостей. Стол был накрыт. Басу и Чакраборти еще не вернулись с Каморты, но меня ожидали двое каких-то мужчин.

— Извините, что мы опоздали и не встретили вас,— сказал один из них, молодой человек приятной наружности.— Меня зовут Риязуддин. Я сборщик налогов. А это мой друг Мехмуд Али. Он помощник инспектора полиции.— Помощник инспектора вышел вперед и пожал мне руку.

— Мы только что вернулись с Кундола,— продолжал сборщик налогов.— Это маленький островок возле Большого Никобара. Мехмуд Али и я ездили туда в последнюю инспекционную поездку в этом году. Скоро начнется сезон муссонов, и остров станет недоступным.

— Откуда вы узнали о моем приезде? — удивился я.

— Бангара сообщил мне об этом в Кундол,—объяснил помощник инспектора.— Полиция имеет радиопередатчики на всех сколько-нибудь важных островах.

— Как вы находите здешнюю жизнь? Тишь и благодать, не правда ли? — спросил Риязуддин.

— Да, конечно. Скажите мне,—насел я на него, — правда, что рани Лакшми — королева этих мест? Я поражен ее осанкой и умом, но не заметил у нее никаких королевских регалий.

— На Никобарах «рани» — это только титул,— сказал Риязуддин.— На островах есть деревенские советы, которые фактически решают все вопросы, связанные с благосостоянием жителей. Председатель такого совета называется «кэптен». На каждом острове организован также совет, ведающий делами всего острова. Его председателя называют «хэд-кэптен», если он мужчина, и «рани», если женщина. Это почетная должность — она не приносит дохода. Лакшми, несомненно, умная женщина.

— Я видел ее племянника. Он произвел на меня хорошее впечатление.

— Никобарцы иногда кажутся инертными, но они очень сообразительны, — вмешался Мехмуд Али. — В наше время они приобретают различные специальности и становятся бухгалтерами, механиками, электриками, капитанами кораблей. Через несколько лет они возьмут в свои руки все дела на острове.

— Сколько времени вы живете здесь?

— Один год,— ответил сборщик налогов,— а Мехмуд Али — полтора.

— И вам нравится?

Их лица вытянулись.

— Очень скоро становится скучно,— пожаловался Риязуддин.— Работы немного. Я сборщик налогов, а собирать нечего. Мехмуд Али тоже без дела, поскольку на Никобарах нет преступности.

— Вы хотите сказать, что здесь не взимают никаких налогов?

— Только с копры. Но этот налог платит компания.

В это время мы услышали шум, доносившийся с пристани. Ясно слышался голос доктора Чакраборти. Очевидно, он вернулся. Я думал, что мои гости останутся и подождут. Но они поднялись и стали прощаться.

— Вы, конечно, никуда не уйдете. Останетесь и позавтракаете с нами.

— Нет,— ответил Риязуддин,— мы должны вернуться домой на том же катере, который привез ваших товарищей. Он, вероятно, ждет нас.

— Жаль! Я еще о многом хотел спросить вас.

— Сколько времени вы пробудете здесь?

— До начала муссонов.

— В таком случае у нас уйма времени. Мы еще встретимся.

Глава X

Царство кокосовых пальм

Вечером я отправился в деревню Верхний Катчалл, расположенную всего в двенадцати милях по морю от Нанкаури. Арендуемый компанией пароход «Дайя», совершающий рейсы на южные острова архипелага, с трудом преодолел это расстояние более чем за два часа: приходилось бороться с двумя сильными встречными течениями. Подойти близко к берегу мешали подводные скалы, тянувшиеся вдоль всего побережья. Мы вынуждены были пересечь в шлюпку, причем один матрос все время стоял на носу, смотрел в воду и предупреждал рулевого об опасностях, так как нам приходилось лавировать среди предательски выступавших скал и коралловых рифов.

Когда мы прибыли, управляющий местным отделением компании сообщил в деревню о том, что все женщины с детьми должны сдать анализ крови. Пока они не собрались, доктор Басу, Мусаджи и я решили прогуляться. Конусообразные хижины Верхнего Катчалла, как и в большинстве никобарских деревень, протянулись вдоль берега. За ними росли кокосовые пальмы, от которых зависело благополучие жителей. Куда ни глянешь, повсюду виднелись кокосовые орехи, привязанные к палкам или свисавшие с деревьев и кустов.

— Какой оригинальный способ хранить кокосовые орехи, — со смехом заметил Басу.

— Люди не решаются складывать их в кучи на земле, — объяснил Мусаджи. — Взгляните сюда, — продолжал он, указывая на свиней, копавшихся в земле вокруг хижины и под ними. — Если положить орехи на землю, свиньи сожрут их все до одного.

Свиньи были грязные, но жирные и круглые, как винные бочки, и производили невероятный шум. Я заметил, что все самцы кастрированы, но поросят было много — от восьми до дюжины голов на каждую свиноматку.

Я не знал, как спросить об этом Мусаджи, но он, казалось, прочел мои мысли.

— Я знаю, о чем вы думаете, — сказал он. — Никобарцы кастрируют самцов, чтобы они были жирнее.

— Нет, не об этом, — поспешил я поправить его.

— А, понимаю..., — сказал Мусаджи. — В джунглях бродят стада диких кабанов, которые покрывают домашних свиней.

По никобарским понятиям Верхний Катчалл считается большой деревней, но мы были удивлены, как мало людей нам повстречалось — место казалось совершенно пустынным. Я решил, что обитатели деревни ушли на работу, но ошибся: навстречу нам из джунглей возвращались веселые и оживленные люди, увешанные гирляндами из пальмовых листьев и браслетами из диких цветов. Казалось, они возвращались с какого-то пикника. Никто из них не нес с собой ни кокосового ореха, ни плода пандануса. Лишь один молодой парень составлял исключение — он сидел на бамбуковом возвышении и при помощи дхау раскалывал орехи, добывая копру. Мусаджи подошел к нему, взял кусок копры и стал его рассматривать. Завязался разговор на никобарском языке, явно неприятного характера, так как парень надулся, а Мусаджи в раздражении вернулся к нам.

— Ох, уж эти мне никобарцы, — проворчал он. — Они станут счастливыми людьми, когда перестанут следовать дастуре — своду их обычаев*. Видели, как этот парень извлекает копру? По кусочкам. Я советовал ему, по возможности, вынимать ее целиком — тогда за копру платят дороже. Но парень заметил, что об этом не говорится в дастуре.

Я в какой-то мере сочувствовал парню. Он работал

* Поскольку у никобарцев ранее не было своей письменности и под влиянием миссионеров они приняли латинскую графику, речь идет, по-видимому, о записанном сравнительно недавно обычном праве, испытывавшем на себе влияние распространенного в Юго-Восточной Азии ислама. Да стур — термин персидского происхождения в значении «обычай».

один, и, если учесть, что весь помост был завален копррой, сделал немало.

— Почему ему никто не помогает? Он, наверное, устал, — заметил я.

— Да нет, — усмехнулся Мусаджи. — Он из Кар-Никобара и работает на местный кооператив. Вы даже не представляете, с какими трудностями мы столкнулись, когда впервые прибыли в Нанкаури. Мы не могли найти ни одного рабочего. Пришлось самим выгружать все имущество и строить хижины.

— Но я видел, как работали никобарцы, — сказал я, вспоминая, как рабочие переносили грузы в Нанкаури.

— Это чаурцы, — ответил Мусаджи. — Работают в основном чаурцы и кар-никобарцы: первые — потому, что земля на их острове бесплодна, а вторые — потому, что Кар-Никобар перенаселен. Чаурцы трудятся лучше других, если не принимать во внимание их предрассудки. Они соглашаются работать только шестьдесят дней, а на шестьдесят первый уходят, независимо от того, заплатили им или нет. По их поверьям, работать подряд более шестидесяти дней нельзя. Это приносит несчастье.

Мы прогуливались по деревне, разгоняя многочисленных цыплят и свиней. Конусообразные хижины были старыми, но еще крепкими, а у входа в них стояли традиционные столбы с зарубками, заменявшие лестницы. Самую большую хижину украшали свежесрезанные листья, букеты красных роз и желтых нариамусов. Я решил, что здесь проходил какой-то праздник. Однако оказалось, что никобарцы часто украшают свои хижины, так как, по словам Мусаджи, они от природы веселый народ.

Мне очень хотелось посмотреть, как выглядят хижины изнутри, и мы взобрались в одну из них по столбу с зарубками. В хижине было почти совсем темно, так как свет проникал только через входное отверстие. В полумраке мы увидели мужчин и женщин, старых и молодых, спавших на полу. В центре хижины, с потолка свисали качели, на которых было посажено грубо вытесанное из дерева изображение человека. Его рука лежала на куче одежды, рядом с тропическим шлемом и темными очками. Я подумал, что чучело осталось от какого-то карнавала, но Мусаджи сказал, что это изображение умершего главы семьи.

— Существует обычай держать его в хижине. Когда умрет новый глава семьи, старую скульптуру убирают, а на ее место ставят новую.

Мусаджи ни в коей мере не считался с тем, что люди спят, и разговаривал громко. Но это их нисколько не потревожило. Меня поразило, что в хижине не было ни мебели, ни ящиков, ни сундуков. Мы не обнаружили даже горшков. Лишь два чугунных котла с кусками свинины стояли на потухшем костре. В полумраке было трудно разглядеть все и, возможно, я что-то не заметил. К тому же я не собирался задерживаться слишком долго, поскольку все вокруг было пропитано отвратительным запахом старой копры и протухшего свиного сала.

Пришел посыльный из «кантины» — так называются лавки, принадлежащие компании, — и, сообщив, что женщины уже собрались, тотчас ушел. Мусаджи и я предпочли остаться в деревне.

Слева, на некотором расстоянии от хижины, находилось кладбище. На могилах стояли бамбуковые кресты, украшенные гирляндами и раскрашенной скорлупой кокосового ореха. Возле многих могил мы увидели мокрые узлы с одеждой, а на одной даже ржавую швейную машину, которая, по-видимому, принадлежала женщине, похороненной здесь. Когда я спросил Мусаджи, не стачит ли кто-нибудь такую дорогую вещь, он горячо возразил:

— Этого никогда не случится. На Никобарах не знают, что такое воровство.

Постепенно хижин становилось все меньше, и возле кораллового рифа они кончились. Мы повернули обратно. Мусаджи заметил:

— Обратили ли вы внимание на то, что многие хижины пустуют? Это вовсе не означает, что ими не пользуются. Никобарцы кочуют со своими семьями по джунглям и, если находят место, которое им приглянется, строят новую хижину. Живут в ней неделями, а то и месяцами. Когда им надоедает, они возвращаются сюда, к своему семейному кладбищу. Островитяне никогда не расстаются с местом, где похоронены их предки.

Когда мы вернулись в кантину, анализы крови были уже сделаны и оборудование упаковано.

— Я делал анализы на всех островах, — сказал Чакраборти. — Пятьдесят пять процентов населения больны

врожденным сифилисом. Его, должно быть, завезли иностранцы, так как маловероятно, чтобы на островах существовал собственный очаг заболевания.

В течение ближайших дней, пока не начался сезон муссонов, «Дайя» должна была совершить несколько рейсов на различные острова и доставить товары для кантин компании. Я решил остаться на судне, поскольку для меня это была единственная возможность повидать кое-что на Никобарах. Рано утром мы снялись с якоря и направились сначала на Каморту, а оттуда на Западный Катчалл.

К восьми часам мы прибыли в Пилпилоу, деревню, расположенную на острове Каморта. Если не считать Кар-Никобара, население остальных десяти островов архипелага составляет всего четыре тысячи человек, и Пилпилоу имеет все основания считаться крупным населенным пунктом — ведь он насчитывает две сотни жителей. Услышав о нашем приезде, Атабджи, «хэд-кэптен» Каморты, пришел на пароход.

Поскольку «Дайя» должна была простоять под погрузкой и выгрузкой несколько часов, мы решили посетить питомник кокосовых пальм, который нам очень хотелось показать Атабджи. Для Никобарских островов питомник был нововведением. Здесь никто никогда не сажал кокосовые пальмы. Падавшие с деревьев орехи сами по себе прорастали и давали побеги. В результате пальмы росли слишком часто, были чахлыми и быстро погибали. Теперь решили применить метод регенерации. И все же вид саженцев вызвал бы беспокойство у любого специалиста — они росли группами, по три, и были высажены в форме звезды.

— Вы собираетесь их пересаживать в таком же порядке?

— Да, — ответил Атабджи, и в голосе его прозвучала гордость.

— Тогда из этого ничего не выйдет. Они будут плохо расти. Почему бы вам не высаживать их по одной?

— Так сказано в дастуре — выращивать по три пальмы, группами, — заверил он.

Надо было бы доказать ему абсурдность подобного метода, но Мехмуд Али слегка подтолкнул меня локтем, и я промолчал.

— Вы не знаете никобарцев, — тихо сказал он. —

Для них дастур почти равнозначен слову божьему. Они никогда не сделают ничего, противоречащего ему.

Атабджи гордился еще одним нововведением — школой, построенной в его деревне четыре года назад. Нам пришлось идти довольно долго, так как до школы было далеко; к тому же «хэд-кэптен» болел филариазисом — бичом населения этих островов — и едва передвигал свои «слоновьи» ноги.

Школа помещалась в квадратной хижине, возвышавшейся на сваях, доходивших нам до пояса. Мы поднялись на несколько ступеней и оказались лицом к лицу с ребятами разного пола и возраста. Дети с серьезным видом сидели вдоль стены, а учитель что-то объяснял им и писал на доске. Учитель говорил на хинди, а дети — поголовно никобарцы — внимательно слушали его. Я не мог понять, в чем тут дело.

Наш приход все же отвлек внимание детей и несколько пар блестящих глаз посмотрели на нас со страхом и любопытством. Я уже сожалел, что наш необдуманый приход помешал проводить урок, и попросил учителя продолжать. Показывая на цифры, написанные на доске, он спросил

— Сколько будет, если пять умножить на девять?

Все дети захотели ответить на этот вопрос, но учитель выбрал маленькую девочку в красной юбке и белой кофточке, из густых черных волос которой кокетливо выглядывал цветок красного жасмина. Она была единственной, чувствовавшей себя неуверенно. Девочка встала и нерешительно пробормотала:

— Тридцать пять.

— Неправильно. — Теперь учитель обратился к мальчику лет шести. — Ты, — сказал он.

Мальчик, одетый в шорты цвета хаки и зеленую рубашку, подскочив, выпалил:

— Сорок пять, — и сел весьма довольный собой.

Вскоре стало ясно, что продолжать урок бессмысленно — трое взрослых, из которых двое были иностранцами, мешали детям сосредоточиться. Учитель распустил ребят и велел им собраться на улице. Класс моментально опустел.

— Сколько у вас учеников? — спросил я взволнованного учителя.

— Двадцать, сэр, — ответил он. — Но сегодня отсут-

ствуют пятеро. У них приступ лихорадки. Большинство детей пропускает занятия из-за лихорадки.

— Как вы оцениваете способности своих учеников? Быстро ли они усваивают материал? — Я намеренно задал такой вопрос, так как до открытия этой школы на Каморте никто даже не слышал о том, что такое образование.

Лицо учителя просияло.

— Они очень способные. Я даже позволю себе заявить, что каждый никобарский ребенок может стать блестящим учеником.

— Вы сначала учите их языку хинди?

— Я убедился, что в этом нет необходимости. Я провожу уроки как обычно, а дети усваивают одновременно и материал и язык.

Учитель был небольшого роста. Он приехал с севера Индии и говорил на отличном хинди. Когда учитель понял, что я не чиновник, а просто путешественник, то стал держаться свободнее. Разговорившись, он сказал мне, что любит свою работу, несмотря на большие трудности. Дело в том, что родители мало интересуются успехами своих детей, да и живут они в очень тяжелых условиях.

— Мне кажется, вы уже привыкли к жизни в деревне?

— В школе я занят, но после окончания уроков становится скучно. У меня нет друзей.

— Но ведь вы знали, что вас ждет здесь. Что побудило вас приехать сюда?

Учитель сразу же ответил:

— Безработица. В той части страны, откуда я прибыл, невозможно найти работу по специальности. Поэтому, увидев объявление о найме учителей для работы на островах, я сразу подал прошение.

Мы вышли из душного класса на свежий воздух. По команде учителя дети построились в две шеренги и исполнили патриотическую индийскую песню. Потом мы смотрели, как они играли — весело, с удовольствием. К моему изумлению все игры были индийскими.

— Они, разумеется, знают и никобарские игры? — спросил я.

— Никобарских игр не существует, — ответил учитель. — До того как я научил их, дети вообще не играли.

И дети и учитель горели желанием развлекать нас и дальше, но я чувствовал, что пора уходить, так как мы уже и так слишком долго отрывали их от занятий. Поблагодарив учителя за любезный прием, мы удалились.

По дороге Атабджи сказал прочувствованным голосом:

— Подождите, пока эти дети вырастут. Вот тогда приезжайте и посмотрите, какими станут Никобары.

С веранды кантины нам было видно «Дайю», которая весело покачивалась на волнах. С нее уже выгрузили товары для лавки в Пилпилоу и теперь погружали копру. Один за другим рабочие таскали тюки с копррой из склада на берег бухты. Цыплята, клевавшие что-то во дворе склада, с писком разлетались у них из-под ног. Никобарские цыплята похожи на индийских, такие же маленькие и шумливые, лишь два петушка были огромными, величиной почти с гуся. Я поинтересовался, какой они породы. Мне ответили, что птицы местной породы и их выращивают специально для праздников.

— Но почему они такие большие? — спросил я.

— Их кастрировали.

Мне это показалось интересным. Я слышал о кастрированных животных, но не о птицах.

— Это сложное дело?

— О нет, очень простое. Кастрирует петушков женщина. Хотите посмотреть.

Я, разумеется, согласился.

Управляющий поднялся и, облокотившись на перила, что-то прокричал грузчиком. Ему ответил молодой коренастый мужчина. По приказу управляющего он бросил свой мешок и поспешил в деревню. Через несколько минут грузчик вернулся, прижимая к груди пятнистого петушка. Атабджи позвал его наверх, где мы сидели, и, показывая ноги петушка, сказал:

— Вот, посмотрите. Петушок, которого собираются кастрировать, должен быть молодым. Это можно определить, взглянув на его ноги. Видите, они желтые. И шпора еще не выросла. У старых птиц ноги серого цвета.

Я встал и хотел как следует рассмотреть петушка, но грузчик, которого звали Ланул, не дал мне подойти близко.

— Осторожно. Петуха морили голодом, и он стал

очень злым,— предупредил меня Атабджи.— Перед кастрацией птиц в течение двух дней не кормят, чтобы у них не открылось сильного кровотечения.

— Почему бы не приступить к операции? — нетерпеливо спросил я.

— Женщина, которая этим занимается, больна. У нее приступ лихорадки.

Все мои планы рухнули. И надо же было заболеть этой женщине!

Я умолял Атабджи что-нибудь предпринять.

— Ладно,— сказал он.— Я попытаюсь упросить женщину прийти.

Ванаху — так звали больную — появилась с малышом на руках. Она оказалась красивой молодой женщиной, которую, очевидно, вытащили прямо из постели, так как она пришла с растрепанными густыми волосами, но это, как ни странно, делало ее еще более привлекательной. Управляющий подвинул женщине ящик из-под чая, и она удобно устроилась на нем, поставив ребенка на землю. Перевернув петушка вверх ногами, она положила его на колени и попросила Ланула крепко держать птицу. Потом Ванаху выщипала все до одного перья на животе петуха и кожа стала голой. По ее просьбе управляющий сходил в лавку, принес бидон с водой, лезвие бритвы и иголку с ниткой. Она взяла лезвие, сделала под голым животом петушка надрез длиной в дюйм и всунула туда большой и средний пальцы. Покопавшись какое-то время, Ванаху вытащила маленькие, недоразвитые яички и положила их на край ящика, потом подняла птицу и сильно встряхнула, чтобы стекла кровь. Зажав ее между ног, она зашила рану.

Операция была закончена, но петушок вытянул ноги, закрыл глаза и казался безжизненным. Женщину, однако, это нисколько не беспокоило. Она открыла ему клюв и влила несколько капель воды, что оказало чудотворное действие. Петушок тотчас же ожил и, к нашему удивлению, вылетел из рук. Он, казалось, стал даже более энергичным,— всякий раз, как я приближался к нему, желая сфотографировать, петушок мгновенно шаркался в сторону.

— Через три месяца он станет крупным и жирным, а его мясо изумительно вкусным,— сказал Атабджи, провозжая петушка восхищенным взглядом.

Ванаху взяла на руки ребенка и два яйца, которые получила от Ланула за операцию, и ушла.

Итак, утро было интересным и наполненным событиями. Наши желудки требовали пищи, а тела — отдыха. Когда Мусаджи сказал, что погрузка окончена и «Дайя» готова к отплытию, мы попрощались со всеми и отправились к ожидавшим нас каноэ.

Глава XI

Море, море, море

От Пилпилоу до Западного Катчалла по морю всего семь миль, но как туго пришлось «Дайе»! За две недели до начала сезона муссонов море начинает штормить; и, несмотря на то что судно напрягало все свои силы, его бросало из стороны в сторону. Порой мне казало́сь, что оно может расколоться пополам. В открытом море сильное течение постоянно несло нас к берегу и приходилось все время поворачивать, чтобы не сбиться с курса. К тому же два других сильных течения — настоящие пенящиеся реки посреди океана (у Катчалла уже Индийский океан) — черт знает что вытворяли с кораблем. В конце концов мы подошли к берегам Катчалла, но тут «Дайя» чуть было не попала в катастрофу.

Западный Катчалл расположен на северном берегу бухты, имеющей овальную форму. Вход в бухту узкий и огражден двумя почти сходящимися коралловыми рифами. Огромные волны все время обрушиваются на рифы, и вода возвращается обратно в море через узкий проход с такой силой, что «Дайя» едва двигалась и то лишь благодаря тому, что ее машины работали с максимальным напряжением. К счастью, установилась хорошая, безветренная погода. А во время муссонов, когда море бушует, встречное течение становится настолько сильным, что навигация в районе Западного Катчалла прекращается.

До деревни удалось добраться лишь к семи часам вечера, когда уже стемнело. Не успели мы приступить к чаепитию на веранде кантины, как пришли гости — полная женщина в саронге и маленький мальчик, прижимавшийся к ее ногам. За ними следовал коренастый мужчина.

Они с трудом поднялись по лестнице и сели за стол.

— А, рани Чанга,— радостно воскликнул Мусаджи, вставая из-за стола, чтобы приветствовать гостей. — И Сал! — обратился он к мужчине.— Рад видеть вас.

С веранды просматривались открытый двор и пристань, откуда доносились крики грузчиков, разгружавших «Дайю». Они спускали на берег электрический генератор.

— Что это такое? — спросила рани Чанга, заинтересовавшись.

— Эта машина будет снабжать электроэнергией вашу деревню,— сказал Мусаджи.

— Неужели?! — воскликнула она, сияя от радости.— А это что? — Ее глаза были прикованы к кинопроектору и приборам, которые сгружали на берег другие рабочие.

— Киноаппаратура. Уже сегодня вечером можно будет посмотреть фильмы.

На следующее утро Мехмуд Али и я предполагали поехать в Джансин, где находилась другая кантина компании. Там праздновали Бурра-Дин.

Мне повезло, поскольку этот праздник отмечают один раз в несколько лет и увидеть его — необыкновенная удача.

В последний момент к нам присоединились рани Чанга и Сал. Они забрались с Мехмудом Али в повозку, запряженную волами, а я предпочел идти пешком.

Кокосовые пальмы на Катчалле росли густо, как деревья в лесу. На стволах некоторых пальм виднелись зарубки. Деревья вытянулись в одну линию. Я спросил Мехмуда Али, что это означает.

— Они окаймляют границы плантаций.

— Но ведь сосед может запросто стащить ваши орехи, и никто никогда не узнает об этом.

— Если бы кто-то утащил орехи соседа, то мы призвали бы его к ответу на заседании деревенского совета,— мрачно ответил Сал. Этими словами он дал понять, что на островах деревенский совет — власть, с которой следует считаться.

Орехи валялись повсюду, земля была буквально усыпана ими. Ради развлечения я принялся считать, но скоро бросил, так как на протяжении всего пятидесяти шагов их оказалось несколько сотен.

Воловья упряжка остановилась возле хижины, и ра-

ни подозвала молодого человека, который расположился на бамбуковом возвышении и очищал от скорлупы кокосовые орехи. Он положил свой дхау, просунул голову и руки в майку и, подняв с земли велосипед, поспешил ко мне.

— Вот,— сказал он.— Поезжайте, пожалуйста.

Я отказался, ответив, что предпочитаю идти пешком.

— Что? Всю дорогу до Джансина? — Парень был явно удивлен.— Возьмите и поезжайте. До Джансина пять миль.

— А как же тогда поедете вы?

— Пойду пешком,— сказал он,— или сяду в повозку.

Видя, что я продолжаю упорствовать, он перестал настаивать и покатил свой велосипед рядом со мной. Мы пошли рядом.

— Вы работаете в местном кооперативе? — спросил я.

— Нет, на плантации рани. Я раб в ее доме.

Парень казался слишком веселым и счастливым — не верилось, что он раб.

— Какой раб? Вас захватили в плен во время войны или что-то в этом роде?

— Ну нет,— возразил он.— Мы, никобарцы, никогда не воюем. Я добровольный раб. Видите ли, я хочу взять в жены племянницу рани. У нас на Никобарах тот, кто хочет жениться, становится рабом в доме девушки. Таков наш дастур.

— Сколько времени вы должны быть рабом?

— Обычно от шести месяцев до года,— ответил он.— К этому времени девушка должна решить, выйдет ли она замуж или нет. Если решение будет положительным, деревенский совет объявляет молодых мужем и женой. Мужчина становится членом семьи. В противном случае он вернется обратно домой.

Я был рад обществу этого парня. Он прилично владел хинди и охотно разговаривал. Всю дорогу мой собеседник расшвыривал кокосовые орехи, расчищая путь велосипеду. Некоторые орехи он подбрасывал ногой, как футбольные мячи.

— Пустые,— сказал он.— Их испортили крысы. Они взбираются на пальмы, прогрызают дырку в орехе и выедают всю мякоть. Крысы для нас хуже чумы. Крысы и обезьяны.

— Но я не видел ни одной обезьяны.

— Можете не сомневаться. Их тут полным-полно. Они

хуже крыс, так как поедают цветы и разоряют целые районы.

Я наслаждался прогулкой. Почва под ногами была мягкой. Часть пути мы проходили по аллее чудесных кро-
тонов, величиной с дерево. Заслышав шаги, зеленые и го-
лубые хамелеоны быстро прятались в укрытие. В одном
месте земля покраснела от валявшихся повсюду панци-
рей земных крабов с одной клешней. Юноша осторожно
проехал свой велосипед по ним.

— Могут проколоть покрышки. — сказал он и, облиз-
нув губы, продолжал: — Зато крабы, испеченные на ко-
остре, изумительно вкусны. Они появляются в сезон мус-
сонов. Мы собираем их в корзины.

Рокот океанских волн, разбивавшихся где-то поблизо-
сти, возвестил о том, что мы прибыли в Джансин. Дерев-
ня начиналась у мыса. Нас встретил молодой человек
в очках — управляющий местным отделением компании.
Он проводил меня на веранду и предложил огромный
стакан лимонного сока. Вскоре прибыла повозка с рани,
Салом и Мехмудом Али. Потягивая сок, я спросил рани,
куда девался юноша, сопровождавший меня, — его нигде
не было видно.

— Я отослала его обратно, — сказала она и добродуш-
но добавила: — Мне только хотелось предложить вам его
велосипед.

Не удивительно, что парень называл себя рабом!

После лимонного сока — а мы выпили его по несколь-
ку стаканов, так как в Джансине дикие лимоны растут
в большом количестве, я попросил управляющего пока-
зать мне деревню.

— Какую деревню? — удивился он. — Это деревня и
есть Джансин.

— Я имею в виду деревню, где празднуют Бурра-Дин.

— Вот здесь, — сказал он, показывая на большую хи-
жину футах в двухстах от нас.

Мехмуд Али и я отправились туда. Это была одиноко
стоявшая на небольшом расчищенном участке хижина,
украшенная пальмовыми листьями и дикими цветами.
Перед ней возвышалось каноэ, увешанное цветными тка-
нями, пальмовыми листьями и связками зеленых бана-
нов. С его мачты свисали гирлянды и флажки. Справа от
хижины виднелось другое каноэ, декорированное точно
так же, только к его носу были привязаны ложка и вилка.

В хижине были люди; мы слышали, как они разговаривали, но основная масса гостей собралась в тени, там, где горели костры и жарились туши свиней.

Свиней никобарцы закалывают с большой торжественностью. Они кладут свинью на спину. Один из мужчин, вонзив ей в грудь какой-либо острый предмет, протыкает сердце. Животное визжит и вырывается, но мужчины крепко держат его до тех пор, пока оно не перестает проявлять какие-либо признаки жизни. Потом свинью разделяют, и, когда хлынет кровь, каждый набирает ее в горсть и растирает тело. Затем тушу обмывают кипящей водой, чисто выскабливают при помощи дхау и кладут на огонь. Когда шкура обуглится и потрескается, мужчины приносят тушу на палке ко входу в хижину, где, разрубив на части, раздают гостям.

Я думал, что празднование Бурра-Дина будет сопровождаться какими-либо церемониями, но этого не случилось. Мехмуд Али заверил меня, что все сводится к пиршеству.

— Есть кое-какой ритуал,— сказал он,— но мы не увидим его, так как все происходит в хижине. В первый день кости умершего извлекаются из временной могилы, и члены семьи по очереди качают их на руках. На второй день их снова хоронят в семейной могиле и ставят крест. В заключение каждый гость должен принести по куску материи. На этом празднование заканчивается.

— Так, значит, во время Бурра-Дина только пируют?

— Это не совсем так. Человек, который устраивает пир, с этого момента считается новым главой дома. В Джансине им стал Чакру. Хотите повидать его?

Мехмуд Али подозвал молодого человека. Это и был Чакру; подпоясанный красным кушаком, с множеством бус из раковин на шее, он подошел к нам нетвердой походкой — от него здорово пахло пальмовой водкой.

— А, Мехмуд Али,— сказал он.— Когда вы прибыли?

— Совсем недавно. Мы приехали посмотреть Бурра-Дин. Что будет дальше?

— Мы собираемся забить еще несколько свиней.

— А когда начнутся состязания? Мой друг хотел бы сделать несколько снимков.

— Если хотите, начнем тотчас же.

Чакру созвал гостей. В своих ярких одеждах и украшениях никобарцы выглядели очень живописно — же-

умели наряжаться. По приказу Чакру на открытое место вышли два молодых человека и начали фехтовать палками, обернутыми белой и красной материей. К сожалению, я вынужден был попросить прервать состязания, так как набежали тучи и снимать на цветную пленку стало невозможно.

— Давайте продолжим фехтование, когда небо прояснится, — предложил я.

Чакру согласился:

— Мы тем временем пойдем и принесем свиней, — сказал он.

Все утро небо закрывали тучи, но во второй половине дня временами оно прояснялось, и я старался максимально использовать предоставлявшуюся мне возможность. Фехтование на палках возобновилось, но опять ненадолго — один из участников вывихнул локтевой сустав. Потом начались танцы — мужчины и женщины взялись за руки и, притопывая, с песнями двигались по кругу. Они танцевали под свое пение, даже барабан не отбивал ритм.

В заключение проводились гонки на раскрашенных каноэ, которые выглядели особенно живописно, когда бриз весело играл гирляндами и букетами, свисавшими с них. Меня поразило безразличие зрителей — никто не аплодировал, не подбадривал гонщиков криками, и все, казалось, были довольны, когда соревнования окончились. Затем гости поспешили обратно в хижину, где было выпито много пальмовой водки и съедено огромное количество свинины.

Из Джансина мы должны были отправиться в Капангу, куда Мусаджи обещал прислать за нами баркас. Первоначально мы хотели совершить семнадцатимильный пеший переход, но рани Чанга перед отъездом поручила Чакру отправить нас на каноэ, так как тропа проходила по гористой местности, а джунгли кишели питонами.

Каноэ — одно из двух, принимавшее участие в гонках, — отчалило в пять часов утра во время отлива. Украшения были сняты, и все гости по пояс в воде толкали лодку, пытаясь вывести ее за границу бурунов. После нескольких безуспешных попыток мы в конце концов поплыли, а гребцы налегли на весла, чтобы поскорее обогнуть риф. Лодка двигалась медленно, очень медленно, но верно: на пять гребцов приходилось всего три весла, причем одно из них использовал вместо руля однорукий

человек — старший экипажа. К тому же команда еще полностью не оправилась от вчерашнего пира. Когда набегали большие волны — а это происходило неоднократно, — рулевой поднимался и кричал «халси!», после чего гребцы, как безумные, налегали на весла.

Кое-как удалось добраться до места, которое называлось Джула, где я не заметил ни одной хижины. Мы причалили и взяли еще одно весло, которое лежало под кустом.

С этим веслом дело пошло лучше. Море, однако, продолжало волноваться. Постепенно мы приблизились к берегу, но здесь возникла новая опасность — коралловые рифы, которые то тут, то там торчали из воды.

На полпути к берегу мы заметили каноэ, направлявшееся к нам с противоположной стороны. На берегу иступленно лаяла собака. Когда каноэ приблизилось, мы поняли, почему она так заливается, — на коленях у рулевого лежал крошечный щенок, которого, по-видимому, увозили к новому хозяину, а мать не хотела расставаться с ним. Обогнув лесистый мыс, мы увидели Капангу. Наконец-то наше полное опасностей путешествие, продолжавшееся целых восемь часов, закончилось!

Вскоре после завтрака за нами прибыл баркас «Сарда», и к вечеру мы уже вернулись в Нанкаури.

Приближался сезон муссонов. Оставалась всего одна поездка — нужно было доставить продовольствие на остров Терессу, расположенный в тридцати милях к северу от Нанкаури.

— По пути мы зайдем на остров Чаура, — сказал Мусаджи. — Это интересное место, и вам необходимо повидать его.

В поездке нас сопровождали Мехмуд Али и Риязуддин. На рассвете «Дайя» вошла в воды острова Чаура и бросила якорь в футах ста от берега, так как дно моря возле этого острова резко понижается и глубина достигает десяти тысяч футов.

Как только нас заметили, от берега отошла лодка и подплыла к «Дайе». Мы сели в нее и направились к берегу.

Остров Чаура имеет форму банджо, в середине которого возвышается небольшая круглая гора. Местное население не приближается к ней, так как существует поверье, будто там обитают злые духи. Деревни расположе-

ны на узкой косе длиной в милю и шириной в несколько сот ярдов.

На берегу мы увидели нечто необычное. Перед одной из общинных хижин — островным «домом смерти» — между двумя столбами было укреплено каноэ, увешанное гирляндами, связками бананов и дикими цветами. Под ним сидели шесть мальчиков и девочка с глазами, красными от слез.

— Вчера умер их отец, — сказал чаурец. — Сейчас он лежит в каноэ.

— Знаете, как они будут его хоронить? — спросил меня Мусаджи. — Подвешат каноэ к дереву, и оно останется там до тех пор, пока черви не съедят все мясо. Потом они отбуксируют каноэ в море. У чаурцев свои обычаи и свой, особый образ жизни.

В отличие от деревень на других островах, чаурские деревни — несколько низеньких хижин, огороженных деревянным частоколом и горшками с водой — расположены далеко от берега. В одной из них мы увидели юношу, лепившего из глиняных шаров горшки. Полдюжины горшков уже было готово, а рядом лежал огромный ком мокрой глины, приготовленный для дальнейшей обработки.

— Чаурцы — хорошие ремесленники, — сказал Риязуддин, прекрасно знавший остров. — Гончарное ремесло и изготовление каноэ — основные занятия населения. Все горшки и каноэ, которые вы увидите на Никобарах, сделаны их руками.

Мы миновали забор и оказались в другой деревне. Обитаемая часть острова невелика, и деревни стоят вплотную друг к другу. Меня поразила царившая на острове деловая атмосфера: все — мужчины, женщины, даже дети — были чем-то заняты.

— Чтобы заработать на жизнь, чаурцы вынуждены много трудиться — ведь их остров бесплоден, — продолжал Риязуддин. — Знаете ли вы, что глину для своих гончарных изделий и лес для изготовления каноэ они привозят с Терессы, так как их собственное сырье никуда не годится?

— Но если чаурцы так много трудятся у себя дома, когда же они находят время работать на стороне?

— Когда спрос на их изделия падает, чаурцы от-

правляются на другие острова. Их большей частью нанимают на сбор кокосовых орехов.

Мы быстро переходили из одной деревни в другую, пробираясь сквозь группы людей. Они казались счастливыми и улыбались нам, но я обратил внимание, что большинство из них болеет филариазисом.

— Почему управление здравоохранения не принимает никаких мер? — спросил я, показывая на женщину со «слоновьиими» ногами.

— Оно делает, что может, но пока на острове не будет создан госпиталь, вряд ли это поможет, — сказал Риязуддин.

— Ну и стройте госпиталь. Ведь индийское правительство выделяет средства на здравоохранение.

— На острове нет воды, ее доставляют с Терессы.

Из-за раскидистого куста появился пожилой мужчина в рваных шортах и дырявой шляпе. Он стал подбоченясь и закричал:

— Мехмуд, эй, Мехмуд!

Мехмуд поздоровался с ним, как со старым другом.

— Лифат! — радостно воскликнул он. Подозвав мужчину к себе, сказал:—Знаете, кто это? Единственный убийца, рожденный на Никобарах. Он убил местного знахаря за ложные пророчества. Я имел честь арестовать его вместе с тремя сообщниками.

Лифат ухмыльнулся, услышав, как его представили.

— А почему его все еще не повесили? — пошутил я.

— Они предстали перед судом в Порт-Блэре, но после некоторого раздумья были оправданы властями. Судья сказал, что от островитян нельзя требовать знания индийских законов. К тому же чаурский дастур разрешает убивать знахарей-«самозванцев».

Повернувшись к старику, Мехмуд спросил:

— Ну как, Лифат, больше не убиваешь знахарей?

— Что ты, Мехмуд, — искренне удивился тот, — теперь дастур изменился.

Лифат оказался любопытным человеком. Отныне он считал себя нашим гидом. Правда, в этом маленьком местечке уже нечего было смотреть, и его услуги казались ненужными, но все же он принес некоторую пользу. Например, когда Мусаджи сказал, что мы хотим посмотреть чаурские танцы, Лифат тотчас же стал собирать людей, уговаривая их отложить работу и показать нам свое ис-

кусство. Он помог также сделать несколько снимков, созвав для этой цели мужчин и женщин, а когда Мусаджи сообщил ему, что я хочу купить на память несколько чарских горшков, обещал быстро все устроить.

— Это пустяки,— пробормотал он и направился к молодому человеку, изготавливавшему горшки. Немного поговорив с ним, он привел парня с двумя горшками в руках.

— Продает только эти два,— сказал Лифат и добавил мрачно.— Хочет за них три с половиной метра материи.

У меня не было настроения торговаться, товары тотчас же были обменены. Гончар в два прыжка был уже у своей хижины, где принялся измерять материю, натягивая ее между кончиками пальцев и кончиком носа. К нему подошла жена, и супруги уселись, поджав ноги, возле нового приобретения.

— Они счастливы,— добродушно заметил Лифат.— Я всегда делаю людям только хорошее.

— А что мы должны тебе за услуги? — спросил Мехмуд Али.

— Ничего,— ответил Лифат.

— Ладно уж, не притворяйся. Разве ты когда-либо посредничал бескорыстно, не получив своей доли?

— Хорошо, Мехмуд. Я скажу тебе. Ты старый друг. Бутылку пальмовой водки.

Получив бутылку, он тут же отправился в хижину, выпил ее и с удовольствием облизал губы.

В полдень мы отплыли от Чауры, и к заходу солнца достигли Терессы. В это время как раз кормили свиней. В деревушке возле кантины женщина разбивала при помощи дхау кокосовые орехи, вываливая мякоть в корыто, выдолбленное из ствола кокосовой пальмы. А свиньи — большие и маленькие — хрюкали, визжали и толкались, пробираясь к кормушке. Они пожирали еду жадно и шумно — одним словом, вели себя как свиньи.

Тересса — большой остров, но его населяет всего семьсот человек. Здесь открываются широкие возможности для организации лесоразработок и создания плантаций кокосовых пальм, поскольку холмы на острове густо поросли лесом, а земля плодородна. Мужчины-терессцы носят длинные волосы, а женщины стригутся коротко.

— Что касается замужества,— сказал Мусаджи,— то к девушке должны свататься один за другим не меньше

дюжины женихов. Только тогда деревенский совет даст свое согласие на брак.

В Нанкаури нам сообщили, что надвигается циклон. Он свирепствовал два дня, а как только утих, мы получили приказ плыть на остров Кар-Никобар и погрузить как можно больше копры. Нужно было торопиться, так как приближался сезон муссонов. Итак, под вечер я распрощался со своими друзьями в Нанкаури.

Когда мы прибыли на Кар-Никобар, небо было сплошь затянуто тучами, дул сырой, пронзительный ветер. Я поднялся на «Сафину», отплывавшую в этот день в Порт-Блэр. И хорошо сделал: погода явно портилась.

Не успели мы обогнуть остров Росс и войти в бухту Порт-Блэра, как на нас со страшной силой обрушился муссон. На берег пришлось сходить уже под проливным дождем.

Глава XII

Закат

Сто шестьдесят дюймов осадков — это порядочно. И все же почва Андаман впитывает в себя всю воду — на архипелаге нет ни озера, ни реки. С момента моего возвращения с Никобар дождь шел каждый день, а два дня даже без перерыва. Большую часть времени я проводил в бунгало.

Дождь принес на землю новую жизнь — все стало зеленым. Зато море и небо потемнели и казались пасмурно-серыми. Часто гремел гром, сверкала молния и налетали шквалы, от которых гнулись деревья, Море ревело, как разъяренный исполин. Путешествовать по Андаманам стало невозможно. Поэтому я заказал обратный билет на теплоход «Никобар», который должен был отплыть через две недели.

Два дня я провел с моим другом Матту, лесничим района Вимберлигандж. Он жил в маленьком городишке, на противоположной стороне бухты Порт-Блэра, и я добирался туда сначала на пароме до Бамбу-Флэтс, а оттуда семь миль на грузовике лесничества. Облака низко нависали над дорогой, и мы были вынуждены пробиваться сквозь них.

И вот Матту и я на буксирном судне. Много миль мы плыли мимо бревенчатых плотов, трещавших на вздыбившихся водах протоки, и высадились возле расчищенного участка леса.

— Мы собираемся регенерировать этот район, — сказал Матту, осматриваясь вокруг. — Взамен местных пород мы предполагаем высадить тиковое дерево. Это сулит хорошие перспективы. Для начала будем регенериро-

вать две тысячи акров. Если опыт удастся, засадим большую площадь.

Лес изобиловал птицами. Они, казалось, радовались началу дождей. Попугай с ярким оперением сидел на птерокарпусе и вел длинный разговор с другим попугаем, устроившимся на соседнем дереве. Майна под проливным дождем чистила клювом перышки на голой ветке хлопкового дерева. Даже угрюмая цапля весело вышагивала по грязным полям.

Отдых пошел мне на пользу. Вернувшись в Порт-Блэр, я стал прощаться с друзьями, что оказалось нелегкой задачей, так как весь город подружился со мной. И всюду я должен был пить крепкий и горький андаманский чай.

Теплоход «Никобар» прибыл, закончил выгрузку и погрузку. Очутившись на его палубе и облокотившись на перила, я добродушно подшучивал над друзьями, которые пришли проводить меня. Раздался гудок, были отданы швартовы, и большой теплоход стал разворачиваться. Обогнув остров Росс, мы вышли в открытое море. За гору Рангачанг тихо садилось яркое андаманское солнце.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Предисловие	3
Глава I. Восход солнца	13
Глава II. Заброшенный уголок земли	19
Глава III. Каторжная тюрьма	25
Глава IV. От виселицы к богатству	36
Глава V. Джарвы	53
Глава VI. На охоте	70
Глава VII. Остров каменного века	85
Глава VIII. Крокодилы в Диглипуре	108
Глава IX. Изумруды в море	122
Глава X. Царство кокосовых пальм	135
Глава XI. Море, море, море	145
Глава XII. Закат	156

Суреш Вайдья

ОСТРОВА, ЗАЛИТЫЕ СОЛНЦЕМ

*Утверждено к печати
Секцией восточной литературы РИСО
Академии наук СССР*

* * *

Редактор **Э. О. Мосесьян**
Художник **С. Я. Верховский**
Технический редактор **М. А. Полуян**
Корректор **А. А. Шамаева**

* * *

Сдано в набор 12.II.1968 г. Подписано к печати 3.VII.1968 г. Формат 84×108¹/₃₂
Бум. № 2. Печ. л. 5,0. Усл. п. л. 8,4. Уч. изд. л. 7,86. Тираж 60 000.
Изд. № 2089. Заказ № 2281. Цена 39 коп.

* * *

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2

Типография издательства «Коммунист».
г. Саратов. Проспект Ленина, 94.

Цена 39 коп.

